ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА.

1858.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ КАСТРЕНА

О ЛОПАРЯХЪ, КАРЕЛАХЪ, САМОѢДАХЪ И ОСТЯКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ЕГО ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ 1838—1844 г.

(M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844 im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg. 1853.)(*)

Книга, заглавіе которой выписано выше, содержитъ въ себѣ много любопытныхъ и въ высшей степени занимательныхъ для этнографа подробностей объ инородцахъ нашихъ. Нѣмецкій переводчикъ, академикъ Шифнеръ, самъ глубокій знатокъ этого дѣла, выразился въ предисловіи къ своему переводу, что надѣется имъ оказать немаловажную услугу этнографіи. Но это сочиненіе Кастрена писано безъ всякой системы: оно составилось изъ писемъ покойнаго къ его друзьямъ, во время его путешествій; слѣдовательно, рядомъ съ наблюденіями чисто учеными, въ немъ встрѣчается и много подробностей чисто литературныхъ, не имѣющихъ никакого интереса для этнографа, какъ, напримѣръ, легкихъ и живыхъ

(*) Въ томъ же году вышелъ и другой нѣмецкій переводъ этого посмертнаго изданія Кастрена: Matthias Alexander Castren's Reisen im Norden. Aus den Schwedischen übersetzt von Henrik Helms. Mit einer Karte von dem nordischen Russland. Leipzig 1853.

описаній природы, путевыхъ впечатлѣній автора, занимательныхъ болѣе въ біографическомъ отношеніи, для характеристики самого путешественника, который, въ то же время, былъ даровитымъ литераторомъ своей родины. Всѣ такія подробности были опущены при настоящемъ извлеченіи.

Въ книгѣ этой описаны три путешествія Кастрена. Первое было предпринято имъ въ 1838 г. Еще студентомъ Кастренъ основательно изучилъ, теоретически и практически, финскій языкъ и началъ заниматься сродными съ нимъ лопарскимъ и эстонскимъ нарѣчіями. Вскорѣ онъ убѣдился въ необходимости путешествія по разнымъ краямъ Европы и Азіи. Но встрѣченныя имъ препятствія, казалось, совершенно разсѣяли его мечты, какъ одинъ другъ его, докторъ *Эрстремъ*, предложилъ ему лѣтомъ 1838 года отправиться вмѣстѣ по Финской Лапландіи. Вскорѣ къ нимъ еще присоединились *Бланкъ*, магистръ естественной исторіи, и пасторъ *Дурхманъ*. 13 іюня выступили они изъ Торнео, мѣста жительства Эрстрема.

I. Путешествіе по Лапландіи.

Изъ деревни *Пельдовуома* Кастренъ и товарищи его взяли съ собою двухъ крестьянъ *Эрика* и *Ессіэ* въ проводники.

«Дождь лилъ почти безъ перерыва весь первый день нашего пути, когда мы, говоритъ Кастренъ, проѣзжали по рѣкѣ Пельдаёки. Только къ вечеру прочистилось небо и выглянуло изъза тучъ; живительный блескъ разлился по темной поверхности воды, освѣтились цвѣты и деревья. Рыбы показались изъ воды и пернатыя повылетали, щебеча, изъ своихъ гнѣздъ. Чувство радости проникло также и въ нашъ кружокъ. Сидя на рулѣ, запѣлъ Эрикъ на старинный однообразный напѣвъ о чудесныхъ походахъ Вэйнэмэйнена въ Похъёлу, о прекрасной дочери Лоухи и т. д. Съ удивленіемъ услыхавъ въ предѣлахъ Лапландіи звуки, все рѣже и рѣже раздающіеся въ самой Финляндіи, сталъ Кастренъ распрашивать Эрика о происхожденіи жителей Пельдовуомы и узналъ отъ него, что родъ его начало свое ведетъ изъ богатой пѣснями Кареліи. Предка своего, поселившагося въ Лапландіи, называлъ онъ *Айсари*, у котораго,

утверждалъ онъ, былъ сынъ *Пэйвіэ*, пріобрѣтшій въ Финской Лапландіи громкую славу вмѣстѣ съ тремя сыновьями своими. Эрикъ обѣщалъ разсказать на ночномъ привалѣ о чудесныхъ подвигахъ рода Пэйвіэ; но, передъ передачею его разсказовъ, позволяемъ себѣ сообщить слѣдующее извлеченіе изъ «Описанія Торнеосской и Кемьской Лапландіи», составленнаго въ 1672 г. пасторомъ магистромъ Торнеусомъ (Tornäus).

«Въ одной деревнѣ Пэльдо-Ерфъ жилъ одинъ Лопарь, Пэдеръ-Пэйвіэ, честный, зажиточный и богобоязненный Лопарь. Онъ былъ убитъ два года тому назадъ. У него много было сыновей. Задолго прежде онъ вѣрно служилъ вмѣстѣ со всѣми домочадцами своему *Сейдъ* и почиталъ его. Разъ приключилась ему бѣда: стало падать много оленей. Вотъ призвалъ онъ себѣ на помощь Сейду, усердно молился; но ничто не помогало: олени все падали. Наконецъ пошелъ онъ со всѣми сыновьями къ идолу и взялъ съ собою множество хворосту; убравъ идола свѣжимъ ельникомъ, приноситъ ему въ жертву шкуры, рога и головы павшихъ оленей, и отецъ и сыновья на колѣняхъ усердно молили Сейду, чтобъ онъ открылся имъ какимъ бы ни было знаменіемъ, если онъ по истинѣ Богъ. Но какъ никакого знаменія не послѣдовало, хотя они цѣлый день молились ему, подобно жрецамъ Ваала (I Цар., 18), то, наконецъ, они встали и побросали весь принесенный съ собою хворостъ на идола и подожгли его. Такъ они низвергли кумира всей деревни. И когда язычники хотѣли убить его, онъ отвѣчалъ имъ, подобно Гедеону (Книга Судей, 6). Лопарь Пэйвіэ такъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ, что когда злодѣи пошли противъ него, напередъ объявивъ, что хотятъ его околдовать, то онъ началъ противъ нихъ пѣть Trones och Fader vårs sånger и проч. Потомъ онъ сожигалъ всѣ Сейды, гдѣ ихъ ни находилъ, и старшаго сына своего, именемъ *Вуолабба*, послалъ на житье въ извѣстную лопарскую деревню Энаръ, которая тремъ князьямъ повинна данью, чтобы и тамъ истребить всѣ кумиры и Сейды, чего въ той деревнѣ было много. Вуоалабба все такъ и сдѣлалъ, почему и принужденъ былъ бѣжать въ королевство Норвежское, гдѣ и понынѣ живетъ.»

Изъ этихъ словъ Торнеуса очевидно, что родъ Пэйвіэ, вопреки свидѣтельству разскащика, происходитъ отъ Ло-

парей, въ чемъ и сами они торжественно удостовѣряютъ. Родъ этотъ, какъ говоритъ Торнеусъ, прославилъ имя свое въ славной борьбѣ за христіанство. Тоже признаетъ и преданіе; но, по его свидѣтельству, Пэйвіэ съ тремя сыновьями своими отличился и многими богатырскими дѣлами и особенно битвами съ русскими Карелами, которые въ преданіяхъ Лопарей обыкновенно являются подъ именемъ Русскихъ. Съ своей стороны и Карелы хранятъ память о воинскихъ подвигахъ рода Пэйвіэ, и въ самой Калевалѣ *Пэйвилэ* и *Пэйвэнъ пойка* упоминаются, какъ враги народа Калева. Хотя, конечно, преданія Лопарей и Карелъ объ этомъ родѣ имѣютъ уже миѳическій оттѣнокъ, тѣмъ-не-менѣе нечего сомнѣваться въ ихъ исторической основѣ, такъ-какъ исторически извѣстно, что Карелы прежде безпрерывно предпринимали походы въ Лапландію.

Объ отцѣ Пэйвіэ Эрикъ зналъ немного, развѣ то, что онъ былъ сильнымъ богатыремъ въ войнахъ съ Карелами, «которые большими толпами ходили въ Лапландію для грабежей и разбоевъ, разными муками выпытывали у жителей, гдѣ зарыты ихъ клады, и не ворочались назадъ, не переполнивши лодокъ своихъ серебромъ и другими дорогими вещами.» Пэйвіэ былъ особенно подверженъ хищничеству Кареловъ, такъ-какъ обладалъ непомѣрными сокровищами. Главное его богатство состояло въ оленяхъ: они были такъ многочисленны, что для ухода за ними онъ держалъ тридцать работниковъ и столько же работницъ. Кромѣ-того, у него былъ огромный запасъ серебра, что не задолго до своей смерти онъ зарылъ въ землю, такъ-что никто впослѣдствіи не могъ сыскать его.

Изъ трехъ сыновей *Пэйвіэ*, *Олофъ*, по словамъ разскащика, былъ самый знаменитый. Высокій, сильный и храбрый, какъ отецъ, онъ также поставилъ себѣ задачею жизни борьбу съ русскими Карелами. Одинъ богатырскій подвигъ Олофа противъ нихъ изобразилъ Эрикъ въ такихъ словахъ: «Однажды Олофъ задумалъ итти куда-то и, между-тѣмъ, опасаясь прихода непріятеля на свою землю, притащилъ на скалу огромнѣйшее дерево и положилъ его передъ своимъ шалашемъ, а женѣ приказалъ говорить непріятелю: «нашъ сынъ принесъ это сюда.» Вотъ вскорѣ затѣмъ пришла шайка Русскихъ, и тотчасъ замѣтили они это бревно. Не могли понять они, какъ оно взобралось на такую крутую скалу, и пытали о

томъ молодую жену Олофа. Она отвѣчала, какъ мужъ приказалъ. Удивились Русскіе, что такая молодая баба родила такого сильнаго богатыря, и отъ грабежа удержались. Между тѣмъ, рѣшили они ожидать прихода Олофа и, во что̀ бы то ни стало, лишить его жизни. Но какъ пришелъ Олофъ, никто не посмѣлъ его тронуть. Но все-таки хвалились Русскіе, что въ ихъ землѣ есть такой богатырь, что одолѣетъ Олофа, и звали его съ собою въ Россію помѣряться силами съ карельскимъ богатыремъ. Олофъ вызовъ принялъ и пошелъ съ Русскими въ землю ихъ. Какъ сошлись оба богатыря, то стали здороваться, пожимая другъ другу руки, при чемъ Русскій крѣпко сдавилъ руку Олофа. Тогда Олофъ схватилъ своего сопротивника за туловище и кинулъ его наземь. Русскій поднялся и накинулся на Олофа, но снова былъ брошенъ наземь. Олофъ предостерегъ его не пытать больше своего счастія; но Русскій съ яростью на него бросился. Олофъ опрокинулъ его въ третій разъ и избавилъ его отъ труда подыматься.»

Въ доказательство силы Олофа передалъ Эрикъ еще другіе разсказы. Одинъ изъ нихъ гласитъ такъ: «Разъ Олофъ ворочался съ рыбнаго лова и на озерѣ Энаре настигнутъ былъ противнымъ вѣтромъ и непогодою. Опасаясь грести противъ волнъ, грозившихъ потопить его лодку, нагруженную сѣтями и рыбою, рѣшился онъ пристать къ берегу. Приставъ, взвалилъ онъ тяжелую лодку на плечи и понесъ ее на себѣ.» Другой разсказъ былъ слѣдующаго содержанія: «Разъ Олофъ ходилъ по лѣсу, видитъ — Стало силится поднять камень. А камень былъ такой неслыханной величины, что Стало поднять его не могъ, почему сталъ его тихо ворочать. Притаясь, поглядывалъ Олофъ на усилія Стала, наконецъ вышелъ изъ своей засады, посмѣялся безсилью Стала и перенесъ камень на мѣсто, куда слѣдовало. Со страха бросился Стало бѣжать. Олофъ сначала далъ ему время бѣжать, потомъ разсерчалъ и пустился въ догонку за нимъ. Добѣжавъ до рѣки Нейды, перескочилъ Стало на другой берегъ и думалъ, что теперь онъ спокоенъ. Но и Олофъ перепрыгнулъ вслѣдъ за нимъ и положилъ его на мѣстѣ.» Къ разсказу этому слѣдуетъ прибавить, что *Сталокъ* (*Stalok* множ. ч. отъ *Stalo*) у Лопарей совершенно соотвѣтствуетъ *jättar* (великанамъ) Шведовъ, *jättilaiset* и hiidet (въ единств. *hiisi*) Финновъ. *Сталы* рисуются обыкновенно

у Лопарей племенемъ дикимъ, людоѣдами. Во время язычества они въ большомъ числѣ были распространены по всей Лапландіи, по введеніи же христіанства удалились на острова приморскіе.

Олофъ явилъ также множество удивительныхъ примѣровъ своего проворства. Такъ, однажды, на бѣгу за хвостъ поймалъ онъ волка, гонявшагося за его стадомъ оленей, и убилъ объ скалу. Въ другой разъ охотился онъ за дикими оленями вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ слугою и постояннымъ работникомъ *Валле*, и когда промчалась передъ ними самка дикаго оленя съ теленкомъ, то Олофъ намѣренно пропустилъ ихъ. Когда Валле сталъ за то упрекать своего хозяина въ его неумѣстной хвастливости, то Олофъ погнался за оленями, самку убилъ, а теленка поймалъ живаго. Эту ничтожную для него добычу подарилъ онъ работнику, такъ-какъ у Олофа было въ обычаѣ не гоняться за оленями, если они не въ большомъ стадѣ.

Что́ говоритъ Торнеусъ о *Пэйвіэ*, отцѣ, или, какъ онъ называетъ его, *Пэдеръ Пэйвіэ*, и объ его обращеніи въ христіанство, то почти то же самое разсказывалъ Эрикъ объ его сынѣ Олофѣ. Сперва долго онъ былъ ревностнымъ язычникомъ; но когда слово новаго ученія коснулось его уха, то онъ рѣшился испытать своихъ старыхъ боговъ. Онъ ударилъ по волшебному инструменту, чтобы узнать по звуку колокольчиковъ объ исходѣ предположенной имъ охоты. Инструментъ предвѣщалъ удачу, охота тѣмъ-не-менѣе не удалась. Въ другой разъ сталъ онъ въ дождливую погоду разводить огонь и призвалъ всѣхъ своихъ Сейдъ на помощь. Но его желаніе не исполнялось. Вотъ помолился онъ истинному Богу, и тотчасъ получилъ огонь. Послѣ этихъ испытаній Олофъ сжегъ всѣ заколдованные инструменты и истребилъ своихъ Сейдъ и всѣ языческіе памятники, которымъ прежде поклонялся.

О другомъ сынѣ Пэйвіэ, *Исаакѣ*, разсказывалъ Эрикъ, что онъ былъ ловкимъ стрѣлкомъ. Онъ стрѣлялъ такъ мѣтко, что попадалъ въ рыбу (Salmo thymallus), когда она выглядывала изъ поверхности воды. Также воевалъ онъ съ такъ-называемыми Русскими, противъ которыхъ много совершилъ блестящихъ богатырскихъ подвиговъ, изъ которыхъ, по разсказу Эрика, Кастренъ отмѣтилъ слѣдующій. «Во главѣ шайки Русскихъ, опустошавшихъ Лапландію, былъ одинъ съ головы до ногъ

вооруженный русскій молодецъ. Броня его такъ стѣсняла, что самъ онъ и ложки не могъ поднести ко рту, а всегда кормилъ его рабъ. Вотъ Исаакъ и натянулъ свой лукъ, и, когда рабъ подносилъ ему ложку ко рту, пустилъ онъ свою стрѣлу, и угодила она молодцу прямо въ глотку.»

Имя третьяго сына Пэйвіэ было *Іоаннъ*. О немъ сказывалъ Эрикъ, что то былъ одинъ изъ могучихъ волшебниковъ, которые теперь перевелись на бѣломъ свѣтѣ. Свое волшебное искусство онъ нерѣдко обращалъ противъ Русскихъ, приходившихъ грабить ихъ страну. Однажды заставили они его вести ихъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагали большую добычу. *Іоаннъ* повелъ ихъ по крутизнѣ скалы *Палласъ*, и силою чаръ его въ пропасти загудѣли колокола, зажглись огни и привидѣлись имъ цѣлыя деревни. «Сюда ведетъ дорога — прибавилъ Іоаннъ — и, чтобы никто не заблудился въ темнотѣ ночи, я пойду передъ вами съ огнемъ въ рукахъ.» Потомъ бросилъ онъ свой свѣтильникъ въ пропасть, а самъ невидимкой остановился на скалѣ. Русскіе всѣ, слѣдовавшіе за огнемъ, попадали въ пропасть.

Послѣдній разсказъ во всеобщемъ ходу и у Лопарей и у Финновъ, но не всегда относится къ сыну Пэйвіэ, но чаще къ другому извѣстному богатырю, который называется у Финновъ *Лаурукайненъ*, у Лопарей *Лаурукаджъ*. О немъ Эрикъ зналъ много преданій. Его рѣчь была обращена къ Кастрену:

«Какъ будешь ты въ настоящей Лапландіи, то узнаешь, что Лопари проводники отличные. Съ дѣтства рыскаютъ они словно псы, знаютъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ каждый камешекъ, каждое деревцо, каждый ключъ. Но никогда никого еще не было, кто бы такъ зналъ Лапландію, какъ Лаурукайненъ. Потому-то Русскіе въ своихъ набѣгахъ и старались имъ пользоваться. И Лаурукайненъ не отказывался быть ихъ вожакомъ. Уменъ онъ былъ: всегда такъ дѣло улаживалъ, что Русскіе не миновали никогда постыдной смерти, лишь только попадались ему на руки. Однажды взялся онъ провести ихъ по озеру *Оунасъэрви* (Ounasjärwi). Въ дорогѣ Русскіе проголодались и просились у Лаурукайнена пристать къ одному островку. Утоливъ здѣсь свой голодъ, завалились они спать, но прежде поставили сторожей къ своимъ лодкамъ. Ихъ было семь (по другимъ, три), всѣ были нагружены припасами и на-

грабленными вещами. На бѣду Русскимъ, сторожа ихъ заснули. Вотъ Лаурукайненъ и сноситъ въ лодку все, что́ Русскіе забрали съ собою на берегъ: и топоры, и мечи, и котлы, и припасы. Тутъ спустилъ онъ лодку на воду и едва успѣлъ вскочить на одну изъ нихъ, какъ въ тотъ же мигъ проснулся сторожъ. Хватился онъ тутъ за свой мечъ, но его нѣтъ. Обезоруженный, вскочилъ онъ въ воду и ухватился за ближнюю лодку, ту самую, гдѣ сидѣлъ Лаурукайненъ. Тотъ взялъ мечъ и отрубилъ своему непріятелю пять пальцевъ, которые, вмѣстѣ съ золотымъ кольцомъ, упали въ лодку. Сторожъ поднялъ страшный шумъ; но Лаурукайненъ былъ уже по серединѣ озера, когда Русскіе поспѣли къ берегу. Въ горѣ Русскіе стали умолять Лаурукайнена о помилованіи: «Пріѣзжай сюда, милый братецъ: здѣсь поѣшь каши съ шведскимъ масломъ своею ложкою (по другимъ, ложкою своего хозяина).» Лаурукайненъ отвѣчалъ: «Есть у меня и каша, и мука.» Видя, что просьбы не помогаютъ, одинъ изъ нихъ закричалъ: «Пріѣзжай сюда: мы вольемъ тебѣ въ глотку растопленнаго олова.» Послѣ этого Лаурукайненъ девять дней и девять ночей объѣзжалъ кругомъ острова и стерегъ Русскихъ, чтобы не ушли куда. Какъ присталъ онъ на десятый день къ берегу, то всѣ Русскіе уже повымерли, кромѣ одного, и тотъ едва двигалъ головою. Островъ, гдѣ случилось это происшествіе, понынѣ слыветъ Карельскимъ (Karjalan saari).

«Въ другой разъ — продолжалъ Эрикъ — Русскіе взяли себѣ Лаурукайнена въ гребцы для проѣзда внизъ по Патсъёки. Какъ подъѣхали они поближе къ находящемуся тутъ водопаду, Лаурукайненъ связалъ ихъ всѣ семь лодокъ вмѣстѣ и велѣлъ имъ лечь лицомъ ко дну, чтобъ не притти въ ужасъ отъ страшнаго шума. Не подозрѣвая никакой хитрости, Русскіе довѣрчиво исполнили его приказъ. Тутъ Лаурукайненъ направилъ лодки прямо къ берегу, самъ вскочилъ на подводный камень, а Русскіе всѣ погибли въ водопадѣ.

«При другомъ обстоятельствѣ онъ навелъ лодку съ Русскими на подводный камень. Лодка въ-дребезги, и Русскіе погибли до единаго. Лаурукайненъ спасся и на этотъ разъ, такъ-какъ ярость волнъ, или по-фински *weden ärimys*, не совладала съ нимъ.

«Послѣ такихъ молодецкихъ подвиговъ Лаурукайненъ

сталъ такъ ненавистенъ Русскимъ, что они рѣшились, во что́ бы то ни стало, лишить его жизни. Только послѣ долгихъ трудностей и множества неудачъ посчастливилось имъ. Однажды они накрыли его въ его клѣти и были увѣрены, что теперь онъ въ ихъ рукахъ. Передъ избою Русскіе съ нетерпѣніемъ дожидались, когда онъ выйдетъ, и вынуждали его къ тому угрозами. Но Лаурукайненъ вовсе не торопился, а, съ величайшимъ хладнокровіемъ, набивалъ изъ мяса чучелу, наряжая ее въ свой тулупъ; а Русскіе тѣмъ временемъ кричали все громче и грозили, что ворвутся къ нему въ избу, если онъ самъ къ нимъ не выйдетъ. Наконецъ Лаурукайненъ выбросилъ къ нимъ на землю чучелу въ тулупѣ. Русскіе кинулись на нее съ копьями, принявъ ее за самого Лаурукайнена. Пользуясь суматохой, Лаурукайненъ выбѣжалъ и такъ околдовалъ Русскихъ, что они, думая убить Лаурукайнена, побивали другъ друга и погибли всѣ до послѣдняго человѣка.»

Этотъ же разсказъ слышалъ Кастренъ послѣ и отъ многихъ другихъ, съ тою только разницею, что Лаурукайненъ набилъ свой тулупъ пухомъ, кинулъ его имъ, а самъ давай бѣжать, когда Русскіе покрылись облаками пуха.

Едва Эрикъ окончилъ свой разсказъ о Лаурукайненѣ, какъ приблизились путешественники къ небольшому озеру, именемъ *Сейдаерви*. Отъ Эрика узнавъ его названіе, Кастренъ замѣтилъ, что озеру надо скорѣе прозываться Сайвоерви, такъ-какъ вода была весьма чиста. И, по разсказамъ Лопарей, такія озера часто носятъ это прозвище, основанное на давнишнемъ у нихъ представленіи, что въ озерахъ этихъ живутъ божества, называемыя Сайво; о нихъ говорятъ, что онѣ въ своихъ водахъ запрещаютъ ловъ рыбакамъ, почему всякъ, кто пытаетъ въ нихъ свое счастье, старается обмануть боговъ тихою греблею. Это замѣчаніе Эрикъ пропустилъ безъ всякаго вниманія, оставаясь при своемъ убѣжденіи, что настоящее имя озеру Сейдаерви, и по той причинѣ, что на возвышавшемся налѣво отъ насъ мысу стоялъ прежде лопарскій Сейда. Кумиръ принадлежалъ славному волшебнику, по имени *Ломпсоло*, у котораго, съ его помощью, всегда былъ богатый ловъ. На противоположномъ берегу устроилъ себѣ тоню другой волшебникъ; но у него не было никакого Сейды, и ловля потому была неудачна. Желая

переманить къ себѣ счастье, онъ, въ то время, когда Ломпсоло спалъ, перевезъ къ себѣ его кумиръ. Теперь все пошло наоборотъ: у него ловъ всегда счастливый, а къ Ломпсолѣ, прежними удачами обязанному своему Сейдѣ, ни рыбки. Но Ломпсоло такъ дѣло не оставилъ. Онъ досталъ себѣ новаго Сейду, и опять пошла къ нему вся рыба, пока второй волшебникъ снова не похитилъ у него Сейды. Чтобы положить конецъ этой распрѣ, уговорились оба волшебника сойтись на ближней горѣ и вступить въ поединокъ, избравъ оружіемъ олнѣ волшебныя чары и заговоры. Ломпсоло, отправляясь на назначенное мѣсто, оборотился въ оленя, чтобы противникъ его не призналъ. Но второй, уже дожидавшійся его, какъ-только увидѣлъ, что по горѣ скачетъ олень, закричалъ ему издалеча: «Ты Ломпсоло.» Не пытая далѣе своего счастья, Ломпсоло призналъ себя побѣжденнымъ и убѣжалъ, понявъ, что, безъ помощи Сейды, нельзя мириться съ противникомъ.»

На дальнѣйшемъ пути своемъ нашъ путешественникъ сошелся съ однимъ рыбакомъ, который, послѣ приличныхъ угощеній, сообщилъ нѣсколько любопытныхъ разсказовъ. Къ несчастью, водка же лишила ихъ необходимой связи. Наименѣе перепуталъ онъ слѣдующій разсказъ о *Іоаннѣ Пэйвіэ* и о славномъ волшебникѣ, по имени *Торагасѣ*.

«Одна вѣдьма изъ Русской Лапландіи, именемъ *Кирсти Ноухтуа*, отправилась въ Киттилэ, чтобы согнать на свою землю всѣхъ дикихъ оленей. *Пэйвіэ*, знавшій ея умыселъ, посылаетъ *Торагаса* въ Ивалоёки околдовать тамъ вѣдьму и задержать оленей. Какъ пришелъ туда Торагасъ, сталъ онъ прилежно слѣдить за оленями: онъ подозрѣвалъ, что вѣдьма оборотится въ оленя. Но въ цѣломъ стадѣ не нашлось, по его мнѣнію, ни одного оленя, котораго можно бы было почесть за оборотня *Кирсти*. Всего менѣе казался ему подозрительнымъ одинъ тощій, хромоногій и дурно сложенный олень. Только ужь когда увидѣлъ онъ, что, между-тѣмъ, какъ прочіе олени переплывали рѣчку, этотъ же послѣдній нырялъ въ ней, только тогда убѣдился онъ, что это и была вѣдьма. Но когда они достигли противоположнаго берега, то Торагасъ уже ничего не могъ сдѣлать. Вернулся онъ назадъ къ Пэйвіэ и все разсказалъ ему. Тотъ посылаетъ Торагаса въ Русскую Лапландію, чтобы хорошенько разузнать о названьи, качествахъ и проч.

этой вѣдьмы. Когда Торагасъ исполнилъ порученіе къ его удовольствію, онъ могъ уже силою своихъ волшебныхъ чаръ вернуть назадъ этихъ оленей. Дѣйствительно, они помчались съ такимъ топотомъ, что Торагасъ уже на разстояніи шестнадцати верстъ слышалъ ихъ шаги.

Подобнаго содержанія была бо́льшая часть разсказовъ, сообщенныхъ Кастрену рыбакомъ. Они гласили о дѣлахъ извѣстнѣйшихъ шамановъ, и особенно восхвалялась способность старинныхъ шамановъ обора чиваться въ кого или во что́ бы ни было. Повѣрье о такой силѣ шамановъ нѣкогда было распространено повсюду, и въ Финляндіи, и въ-особенности въ Лапландіи, гдѣ доселѣ еще не совершенно исчезло. По-крайности наши финскіе Лопари увѣряютъ, что въ Русской Лапландіи есть шаманы, которые, подобно Пэйвіэ, Торагасу и др., обора чиваются въ оленей, медвѣдей, волковъ, рыбъ, птицъ и т. д. Въ подобномъ превращеніи шаманъ называется *Вироладжъ* у Лопарей, *Виролайненъ* у Финновъ, что́ собственно означаетъ Эста. Рыбакъ пропѣлъ Кастрену одну финскую пѣсню, которая говоритъ о множествѣ подобныхъ превращеній. Такъ-какъ пѣсня эта лишена всякой внутренней связи, то содержаніе ея передается вкратцѣ. Пѣсня начинается жалобами одного волшебника *Каркіаса* о приключившейся бѣдѣ съ его родиною: колдовствомъ своимъ Торагасъ угналъ изъ нея всѣхъ дикихъ оленей въ Киттилэ. Далѣе описывается позоръ Каркіаса, понесенный имъ отъ «злаго недруга». Торагасъ убилъ его и бросилъ въ озеро. Но здѣсь Каркіасъ снова ожилъ и нѣсколько лѣтъ пробылъ здѣсь въ измѣненномъ видѣ, подъ кожею одной щуки. Потомъ Торагасъ поймалъ эту щуку и три года держалъ ее въ своемъ анбарѣ вмѣстѣ съ Каркіасомъ. Освободясь отъ нея, Каркіасъ снова принялъ человѣческій видъ, но однажды на охотѣ былъ пойманъ Торагасомъ и снова былъ убитъ. Послѣ того Каркіасъ ожилъ отъ пѣсни, но уже въ могилѣ. Здѣсь вспомнилъ онъ о своемъ сынѣ и лишь только выразилъ желаніе съ нимъ повидаться, тотчасъ же прилетѣлъ къ нему сынъ въ видѣ глухаря. Разсердясь на то, что сынъ сравнялся съ нимъ въ колдовствѣ, Каркіасъ закидалъ его упреками. Озлобленный сынъ улетѣлъ. Отецъ оборотился въ гоголя, погнался за сыномъ, настигъ и вернулъ его назадъ. Тутъ отецъ и сынъ

вступаютъ въ крѣпкую перебранку, окончившуюся тѣмъ, что сынъ навсегда покинулъ отца.

Вѣрные нашему обѣщанію, опускаемъ множество подробностей о личныхъ приключеніяхъ нашего путешественника, какъ не представляющихъ ни малѣйшаго интереса для этнографа, и переходимъ прямо къ слѣдующимъ занимательнымъ страницамъ.

Наши путешественники прибыли въ деревню *Ютуа*. То была первая видѣнная ими лопарская деревня.

«Видъ лопарской деревни — говоритъ Кастренъ — нельзя назвать пріятнымъ, по-крайности въ лѣтнее время. По землѣ повсюду валяются рыбьи кишки, кожа, протухлая рыба и всевозможная нечистота. Я вынесъ не безъ отвращенія эту первую картину, какъ предстояла другая еще ужаснѣе. Сквозь щель юрты пропалзываетъ пара людей, покрытыхъ грязью и гадинами такъ, что содрогаешься при одномъ взглядѣ на нихъ. Сами глядятъ они на это обстоятельство очень равнодушно. Учтивость требуетъ, чтобъ каждый изъ обитателей юрты, не исключая малыхъ ребятъ, привѣтствовалъ путника пожатіемъ руки. Какъ окончится въ совершенномъ молчаніи эта церемонія, то всегда почти задаются слѣдующіе вопросы: «Мирно ли въ землѣ? Какъ здоровье Царя, епископа, губернатора?» Въ Ютуа, кромѣ-того, спросили меня, гдѣ моя родина, и, узнавъ, что она далеко за горами, спросилъ меня одинъ Лопарь, не родомъ ли я изъ той земли, гдѣ табакъ растетъ? Это напомнило мнѣ Гётевское «Kennst du das Land, wo die Citronen blühn?»

Болтая съ мужиками, Кастренъ замѣтилъ необыкновенное движеніе между бабами. Удивительно было, съ какою быстротою эти короткія и неуклюжія особы перебѣгали отъ одной юрты къ другой. Послѣ всей этой суматохи путешественники были приглашены въ небольшой темный шалашъ, обязанный служить горницею. Бланкъ и Кастренъ приняли приглашеніе безтрепетно; но Дурхманъ ушелъ еще прежде въ лѣсъ, гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ рѣшился подойти къ этому грязному гнѣзду. Тѣмъ временемъ Кастренъ отлично выспался въ шалашѣ и всталъ такимъ бодрымъ, что даже пошелъ въ юрту.

Эта юрта, какъ вообще юрты энарскихъ Лопарей, была по-

ставлена такимъ образомъ, что основаніе, или фундаментъ, былъ четырехугольникъ, составленный изъ четырехъ вмѣстѣ сложенныхъ бревенъ; верхняя же часть имѣла пирамидальную форму и состояла изъ досокъ. Въ деревнѣ Утсъёки, по недостатку лѣса, нижнее отдѣленіе выкладываютъ камнемъ, а для сбереженія всю палатку обкладываютъ торфомъ. Тамъ у палатокъ и форма не пирамидальная, а округленная, родъ полушара. Что́ касается устройства палатки, въ Лапландіи вездѣ почти оно одинаково. Въ длину, т.-е между дверьми и задней стѣной, проходятъ два параллельныя бревна вдоль всей палатки; они пересѣкаются двумя другими бревнами, проходящими въ ширину отъ одной стѣны до другой. Палатка дѣлится на нѣсколько отдѣленій. Изъ нихъ три ближнія къ дверямъ предназначаются для сохраненія дровъ, обуви и домашней утвари, три заднія же отдѣленія — для съѣстныхъ припасовъ и для чистыхъ работъ. Самое среднее изъ трехъ среднихъ отдѣленій, расположенное подъ дымнымъ окномъ, служитъ для очага. Направо отъ очага — мѣсто для хозяина и хозяйки, налѣво помѣщается прочее населеніе дома. Если семья очень велика, то младшіе члены помѣщаются тогда въ остальныхъ отдѣленіяхъ.

Но палатка не составляетъ еще единственнаго строенія энарскихъ Лопарей. Они строятъ всегда одну или нѣсколько небольшихъ клѣтей для рыбы, утверждая ихъ на высокихъ шестахъ, для сбереженія отъ волковъ, лисицъ и медвѣдей. Зажиточный Лопарь имѣетъ кромѣ-того избу, но лѣтомъ въ ней не живетъ.

При приходѣ своемъ въ Ютуа путешественники застали Лопарей въ ихъ обыденной одеждѣ; но вскорѣ они одѣлись попраздничному. И мужики и бабы сняли свои черныя *peski*, лѣтнюю верхнюю одежду, родъ рубашки изъ оленьей кожи, надѣвъ тоже верхнее платье, только суконное. На него у женщинъ надѣвается корсетъ, а на шею навязывается простой холстиной воротникъ, длинные концы котораго падаютъ на грудь и образуютъ родъ кармана. Оба пола носятъ богато украшенный съ серебряными или мѣдными застежками поясъ. Весьма любопытенъ головной уборъ женщинъ; онъ особенно отличается однимъ украшеніемъ на макушкѣ, въ два вершка вышиною. У мужчинъ онъ не представляетъ ничего опредѣленнаго. Оба

пола носятъ башмаки и порты изъ выдѣланной мягкой оленьей шерсти. Болѣе подробное описаніе одежды Лопарей сообщилъ А. М. Шёгренъ, въ сочиненіи своемъ «Anteckningar om församlingarna i Kemi Lappmark», стр. 244 и слѣд. У Кастрена прибавлено только, что какъ мужчины, такъ и женщины зимою носятъ верхнюю одежду изъ оленьей шкуры, которая, такъ же, какъ и peski, такъ плотно обтягиваетъ тѣло и снабжена только однимъ и столь малымъ отверстіемъ, что съ непривычки и надѣвать и снимать это платье можно только съ величайшимъ трудомъ.

Что́ касается наружности Лопарей, то извѣстно, что ростомъ они весьма низки, а въ очертаніи лица подходятъ къ монгольскому типу: лобъ низкій, выдавшіяся впередъ скулы, узкіе глаза и т. д. По характеру это народъ лѣнивый, забитый, угрюмый. Его бранятъ за его завистливый, тяжелый и сварливый характеръ и за другія съ нимъ соединенныя качества, а хвалятъ за набожность, услужливость, гостепріимство, за богобоязненность и честность.

Въ Энарѣ богатое рыбою озеро обратило Лопарей отъ ихъ первоначальной, тяжелой пастушеской жизни къ болѣе спокойному образу жизни рыбака. Теперь — говоритъ Кастренъ — по всей энарской Лапландіи не найдется ни одного горнаго или кочующаго Лопаря, который бы занимался только одними оленями; теперь Лопарь или рыбакъ, или такъ-называемый лѣсной Лопарь, который лѣтомъ занимается рыбною ловлею, а зимою ходитъ за оленями. Однако, уже и лѣсные Лопари начинаютъ преимущественно заниматься рыболовствомъ и покидаютъ своихъ оленей, сбытъ которыхъ, по собственному признанію жителей, становится все труднѣе. Содержаніе оленей для лѣснаго Лопаря и потому тяжело, что олени весною не идутъ къ берегамъ Ледовитаго моря, какъ у горнаго Лопаря, но и зиму и лѣто пасутся въ лѣсахъ и, слѣдовательно, нуждаются въ большомъ присмотрѣ, не то заплутаютъ, одичаютъ, станутъ добычею волковъ или исчезнутъ въ многочисленныхъ стадахъ горныхъ Лопарей. Чѣмъ больше труда и времени посвящаетъ Лопарь рыболовству, тѣмъ ему менѣе возможности для необходимаго ухода за оленями. Такимъ-образомъ, неволя, ранѣе или позже, дѣлаетъ лѣснаго Лопаря рыбакомъ, и такое превращеніе

произошло въ весьма короткое время не только въ приходѣ Энарскомъ, но и Утсъёкскомъ. Вообще во всей нашей Финской Лапландіи по бо̀льшей части уже пройдено Лопарями два первыхъ поприща дикости, они покинули горы и лѣса, или, другими словами, перестали быть горными и лѣсными Лопарями. Настоящее ихъ занятіе рыболовство, и не далеко уже время, когда они всѣ откажутся отъ дикой жизни и станутъ поселенцами.

Что́ касается до большихъ подробностей о бытѣ Лопарей, живущихъ въ Финской Лапландіи и особенно въ Энарскомъ округѣ, то полагаемъ, что слѣдующій очеркъ не будетъ лишенъ занимательности. Въ однообразной жизни Лопаря весна — важнѣйшее время года. Около этого времени Лопари-рыболовы изъ Утсъёки и Энаре, иногда и крестьяне изъ Соданкюле, отправляются къ Норвежскому берегу, по старому обычаю, въ одинъ округъ, такъ-называемый «Faelleds-District», на рыбную ловлю. При ловлѣ соблюдается такой обычай, что два или три нашихъ мужика сговариваются съ норвежскимъ рыбакомъ, который владѣетъ лодкою и рыболовными снастями, одну половину улова оставляютъ за рыбакомъ, а другую дѣлятъ между собою. Отъ этого улова какъ норвежскій, такъ и финскій рыбакъ уступаетъ духовенству десятину, на мѣстѣ взимаемую купцами, которые лѣто проживаютъ въ гаваняхъ и промѣниваютъ у рыбака его уловъ на муку. Лопари сильно бранятъ этихъ торговцевъ за ихъ безсовѣстныя прижимки и за счастье считаютъ, когда могутъ сбыть свою рыбу Русскимъ, которые во множествѣ съѣзжаются на ярмонку, бывающую въ гаваняхъ съ іюля до конца августа мѣсяца. Если полагаться на показанія Лопарей, то въ цѣнахъ норвежскихъ и русскихъ торговцевъ существуетъ такое отношеніе: за вагу (т.-е. 165 фунтовъ) муки требуетъ Норвежецъ пять вагъ свѣжей и одну вагу сушеной рыбы, тогда-какъ Русскій даетъ одну вагу муки за $2^1/_2$ ваги свѣжей рыбы и одну вагу, восемь марокъ муки за одну вагу сушеной рыбы. Но немногіе изъ финскихъ Лопарей могутъ пользоваться выгодами торга съ Русскими, потому-что они изъ гаваней уходятъ домой обыкновенно около Иванова дня. Въ эту пору Лопари наши начинаютъ ловъ въ своихъ озерахъ, которыя тѣмъ временемъ освобождаются ото льда.

Тутъ начинается для Лопаря золотое время, о которомъ зимою вспоминаетъ онъ, какъ о потерянномъ раѣ, какъ о высшемъ на землѣ блаженствѣ, когда, съ сытымъ желудкомъ и укрытый отъ комаровъ, засыпаетъ онъ въ своей палаткѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Этого блаженства не промѣняетъ, конечно, Лопарь на сокровища половины свѣта. Но иногда обстоятельства нарушаютъ въ нѣкоторой степени его покой. Разъ или два въ лѣто ему приходится переходить отъ одного озера къ другому. Такіе переходы достаются почти каждому энарскому Лопарю-рыболову. Здѣсь, по долголѣтней давности, завладѣли Лопари множествомъ небольшихъ озеръ, и вслѣдъ за тѣмъ временемъ, когда рыба мечетъ икру, и ловъ начинается въ томъ или другомъ озерѣ. Часто соединены озера только малымъ протокомъ, и тогда переходъ совершается со всѣми удобствами на лодкѣ; если же озеро не имѣетъ между собою никакого соединенія, тогда Лопарю выпадаетъ тяжкій трудъ волокомъ тащить свою лодку со всѣми сѣтями, съ разною кладью и проч.

Съ окончаніемъ лѣта переходятъ Лопари въ свои зимнія избы, кормясь въ лѣто сбереженнымъ запасомъ, который всегда почти состоитъ изъ сушеной рыбы; ея, впрочемъ, никогда не хватаетъ на потребности длинной зимы. Осенняя ловля изъподо льда не удовлетворитъ и насущной потребности. Потому гораздо выгоднѣе охота особенно за дикими оленями, продолжающаяся всю осень съ Воздвиженья до Всѣхъ Святыхъ и весною, съ Рожества Богородицы, пока ледъ не растаетъ. Еще въ старину ловля оленей составляла выгодный промыселъ для Лопарей, на что́ была и особая охота, теперь уже неупотребительная, называвшаяся wuomen. Такъ описываетъ ее Торнеусъ: «Вуоменъ устроивается такимъ образомъ. На пустой, гладкой и безлѣсной равнинѣ, одной или нѣсколькихъ миль въ длину и столько же въ ширину, охотникъ ставитъ высокіе столбы, quasi duo cornua, сначала разставляетъ ихъ съ большими промежутками, потомъ все ближе и ближе и къ каждому столбу прибиваетъ черное, страшное чучело, чтобы тѣмъ испугать оленя. Поближе къ этимъ angustiora устроивается высокій частоколъ, черезъ который олень не въ-состояніи перепрыгнуть. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, in angustissimo, устроенъ скатъ съ пятью ступенями, а за нимъ плетень, изъ ко-

тораго уже ни одна тварь живая не выѣзетъ. Устроивъ такую засаду, Лопарь рыщетъ по горамъ и гдѣ найдетъ стадо оленей, сгоняетъ его въ ту сторону, гдѣ вуоменъ. Вступивъ въ эту городьбу, олень не выбѣгаетъ промежду столбовъ, пугаясь чучелъ. Да и позади его толпа народа слѣдитъ за нимъ и не даетъ ему вернуться назадъ, впрочемъ, дозволяя ему ѣсть по дорогѣ мохъ, останавливаться и ложиться; но лишь только подойдутъ олени *ad angustiora* и *angustissima*, то люди быстро кидаются на нихъ и сгоняютъ ихъ in praecipitium: отсюда уже имъ не выбраться. Такъ они и остаются тамъ *in suo carcere*. Потомъ Лопарь убиваетъ ихъ всѣхъ, большихъ и малыхъ, и такъ истребляетъ цѣлое стадо, за что̀ остальные Лопари ненавидятъ такого.» По разсказамъ Лопарей, прежде также ловили оленей въ ямахъ, и вѣроятно, что попадающіяся въ Финляндіи такъ-называемыя лопарскія могилы и есть по бо́льшей части старыя оленьи ямы. Обычай ловить дикихъ оленей сѣтями удержался и понынѣ. Теперь же Лопарь ходитъ обыкновенно на оленей со своею винтовкою, и Кастренъ слышалъ отъ Лопарей, что въ осень и лѣто они нерѣдко убиваютъ отъ 30 до 40 штукъ. Но какъ ни прибыленъ этотъ промыселъ, все же онъ недостаточенъ для существованія. Лучшимъ средствомъ у Лопаря-рыболова для покрытія его зимнихъ издержекъ прежде была продажа водки горнымъ Лопарямъ. Всю муку, что̀ удавалось получить Лопарю-рыболову въ бытность его въ гаваняхъ, отдавалъ онъ финскимъ поселенцамъ-винокурамъ, а за водку получалъ оленье мясо отъ горныхъ Лопарей, которые зимою въ большомъ числѣ проживаютъ въ Энаре. Обыкновенная цѣна за штофъ водки—олень, за полштофа—самка. Такъ-какъ Лопарь-рыболовъ не особенно страстный любитель крѣпкихъ напитковъ, то весьма понятно, что продажа водки доставляла ему огромную выгоду. Но отъ развращающаго дѣйствія водки торгъ этимъ товаромъ въ послѣднее время совершенно запрещенъ въ нашей Финской Лапландіи. Что̀ вслѣдствіе того потеряли энарскіе Лопари во внѣшнихъ выгодахъ, то вознаградится современемъ лучшимъ и исправнѣйшимъ образомъ жизни.»

Изъ деревни Ютуа Кастренъ съ товарищами далѣе продолжалъ свой путь. Вскорѣ очутились они въ настоящей странѣ

оленя. «И вдоль и поперегъ — пишетъ Кастренъ — не видали мы ничего, кромѣ мха, этого жалкаго произрастенія, при видѣ котораго я совершенно нѣмѣлъ. Длинныя болота, прерывающія скалы, тоже не располагаютъ духъ къ радости. Къ довершенію всего намъ достался въ вожаки Лопарь изъ Ютуа весьма скупой на слова: съ нимъ невозможно было завести рѣчи. Насупясь и что-то ворча про себя, шелъ онъ передъ нами съ своею ношею на спинѣ, и ни водка, ни ласковое слово не склоняли его къ удовлетворительнымъ отвѣтамъ; онъ только угощалъ насъ любимымъ лопарскимъ выраженіемъ: «не знаю, право, не знаю.» Это выраженіе употребляетъ Лопарь во всѣхъ своихъ рѣчахъ, не придавая ему никакого значенія. Однажды при-случаѣ Кастренъ спросилъ у одного Лопаря, давно ли живетъ онъ на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, и получилъ отвѣтъ: «Не знаю, право.... уже девятый годъ.

Впрочемъ, нашъ путешественникъ не всегда былъ несчастливъ на вожаковъ. Въ деревнѣ Тангуа, финской колоніи, взялъ онъ себѣ въ вожаки одного мужика, проводить до церкви Соданкюле и оттуда къ озеру Кемь, гдѣ и былъ конецъ его путешествія. На этотъ разъ мужикъ попался болтливый, не умолкалъ всю дорогу. «Богатымъ матеріаломъ для разсказовъ послужили ему противнаго вида змѣи, попадавшіяся въ Соданкюле почти на каждомъ шагу, но вовсе незамѣтныя въ собственной Лапландіи.» Не передавая ни одного изъ этихъ разсказовъ въ подробности, Кастренъ всѣ главныя черты ихъ излагаетъ въ слѣдующемъ сжатомъ очеркѣ. «Какъ люди, такъ и змѣи живутъ въ общинѣ, управляясь своими законами и обычаями. Въ каждой общинѣ есть свой начальникъ и покорные ему исполнители. Разъ въ годъ змѣи въ каждой общинѣ собираются на сеймъ (Kätäjät), въ опредѣленномъ для того мѣстѣ. При этомъ случаѣ всякій подчиненный имѣетъ право подавать свои жалобы начальнику. Начальникъ змѣй чинитъ судъ и расправу не только змѣямъ, но простираетъ свою власть и далѣе этого круга. Между-прочимъ, онъ опредѣляетъ извѣстныя наказанія людямъ и другимъ тварямъ, умертвившимъ ли одного изъ его подчиненныхъ, или оскорбившимъ ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

«Замѣчательно, что тѣ же представленія о змѣяхъ въ боль-

нымъ ходу и у сибирскихъ, сродныхъ Финнамъ, племенахъ. У этихъ народцевъ господствуетъ, кажется, извѣстное почитаніе змѣй. По-крайности извѣстно то, что ихъ шаманы въ высшей степени почитаютъ власть змѣй, и потому-то носятъ на своей одеждѣ тонкіе жгутики изъ конскаго волоса наподобіе змѣй. Финскіе шаманы, сколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ такихъ знаменательныхъ символовъ; но и у нихъ есть разные колдовскіе предметы, которые невольно указываютъ на вѣру въ сверхъестественную силу змѣй. Изъ этихъ знаковъ упомянемъ мимоходомъ слѣдующіе:

1) *Судной камень змѣй* (Käärmehen käräjäkiwi), котораго находятъ на скалахъ во время жатвы, въ ту пору, когда змѣи возвращаются съ своего собранія. Камень этотъ шаманы считаютъ весьма хорошимъ пособіемъ въ дѣлахъ судебныхъ.

2) *Змѣиная кишка* (Käärmehen suoli) дается лошади въ пищѣ и въ питьѣ, чтобы она держалась въ тѣлѣ.

3) *Змѣиное горло*. Черезъ него шаманъ процѣживаетъ воду въ ротъ больныхъ горломъ.

4) *Змѣиный зубъ* прикладываетъ шаманъ къ больнымъ мѣстамъ, когда нашептываетъ свои заговоры.

5) *Трава*, которую змѣя держитъ во рту, когда плыветъ, иначе утонетъ. Эта трава даетъ силу кусать самое твердое желѣзо. Ей также придаютъ силу охранительную въ дѣлахъ судебныхъ.»

Путешественники наши прибыли въ приходъ Соданкюле. Товарищи Кастрена пошли въ церковь, гдѣ въ то время шла служба, а онъ занялся въ приходскомъ архивѣ, желая получить свѣдѣнія о происхожденіи жителей этого прихода. Окончательнымъ результатомъ этихъ развѣдокъ было полное убѣжденіе въ томъ, что «большая часть этого населенія родомъ Лопари, съ теченіемъ времени принявшіе языкъ и обычаи Финновъ. Въ-отношеніи языка онъ слышалъ нѣсколько идіотизмовъ, но въ бытѣ нельзя было замѣтить разницы между старыми и новыми жителями.

Поселяне въ Содаикюле, что касается ихъ быта, всѣ хлѣбопашцы, и хотя ихъ усилія въ этомъ отношеніи рѣдко увѣнчиваются успѣхомъ, но тѣмъ-не-менѣе, считая это богоугоднымъ дѣломъ, каждый годъ пашутъ они небольшую полосу земли. Пренебрегать земледѣліемъ, по ихъ мнѣнію, то же самое

что быть Лопаремъ или язычникомъ, и они твердо убѣждены, что этому занятію природа не положила никакой границы. Если морозная ночь истребитъ ихъ сѣмена, то въ этомъ они видятъ справедливую кару Провидѣнія. Къ несчастію, почти каждый годъ постигаетъ ихъ это наказаніе, и если иногда и избѣгаютъ его, то обыкновенно потому, что преждевременно снимаютъ хлѣбъ.

Кромѣ хлѣбопашества жители прихода Соданкюле занимаются также охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, но послѣдними промыслами безъ достаточной ревности и энергіи. Сколько я знаю мѣстность, то мнѣ кажется, что Соданкюле весьма удобно для скотоводства, но не смѣю рѣшить, можно ли этимъ путемъ достичь значительныхъ прибылей. Вообще же этотъ приходъ относительно внѣшняго благосостоянія — одно изъ самыхъ жалкихъ мѣстъ во всей Финляндіи. Здѣсь принуждены жители питаться травою, и бывали примѣры, что имъ случалось вырывать изъ земли падаль и пожирать полусгнившее мясо.

Изъ этой несчастной мѣстности спустимся внизъ по рр. Киттиненъ и Кеми, въ Кемитрескъ, лежащій нѣсколько южнѣе. Этотъ приходъ еще въ весьма недавнее время также былъ населенъ Лопарями, которые мало-по-малу приняли языкъ, нравы и обычаи Финновъ. Объ этомъ превращеніи *И. Фелльманъ* говоритъ, въ своемъ донесеніи Синоду, что первые проповѣдники Слова Божія въ Кемьской Лапландіи, *Яковъ Лаподіусъ* и *Исаія Мансвети*, научивъ Лопарей финскому языку, утверждали ихъ въ христіанской вѣрѣ на чистомъ остботническомъ финскомъ языкѣ, достали имъ финскія книги и учили ихъ дѣтей грамотѣ. Далѣе говорится въ томъ же документѣ: «Такъ-какъ дѣдъ мой покойной Исаія Мансвети весьма затруднялся наученіемъ Лопарей финскому языку, то, пользуясь представившимся удобнымъ случаемъ основать здѣсь колонію, онъ объявилъ вызовъ, по которому различные поселенцы отправились изъ приходовъ Ийо и Улео; одни изъ нихъ поселились въ Кемитрескѣ, другіе далѣе распространились по Лапландіи, и хотя Лопари сначала ихъ хотѣли прогнать, но королевскій намѣстникъ утвердилъ за ними всѣ колоніи. Эти поселенцы, все Финны, народъ хорошій и благочестивый, принесли весьма значительную пользу моему

покойному дѣду, и его проповѣди; они своими ежедневными сношеніями научили Лопарей не только финскому языку, но и примѣромъ своимъ помогли имъ отказаться отъ ихъ идолослуженія, выучиться грамотѣ и получить правильныя понятія объ истинномъ христіанствѣ. Въ то же время измѣнили Лопари и свой образъ жизни, стали строить себѣ дома, разводить скотъ и заниматься земледѣліемъ; потомъ, породнившись съ переселенцами, бо́льшею частью оставили свой языкъ и стали говорить по фински между собою и съ дѣтьми своими.»

Во время путешествія Кастрена во всей общинѣ Кемитрескъ не было ни одного Лопаря, но какъ въ Соданкюле, такъ и тутъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ *Куолаерви*, жители напоминали свое лопарское происхожденіе нѣкоторыми особенностями языка, а также и наружностью. Въ образѣ жизни здѣсь такая же нравственность, какъ и во многихъ южныхъ частяхъ страны.

Еще болѣе привлекаютъ вниманіе своею нравственностью и внѣшнимъ благосостояніемъ приходы Рованіеми и Кеми, которые въ старину тоже были населены Лопарями, впослѣдствіи бо́льшую часть своего населенія получили изъ русской Карелiи, или изъ древней Біарміи. Жители этихъ приходовъ всѣ безъ исключенія земледѣльцы; но какъ отъ общихъ физическихъ препятствій, такъ особенно отъ холоднаго климата хлѣбопашество не можетъ имѣть значительнаго успѣха. Зато здѣсь очень прибыльна ловля семги, а также и скотоводство составляетъ важный источникъ благосостоянія. Наконецъ, крестьяне въ Кеми и Рованіеми наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ, такъ-называемыхъ Біармійцевъ, большую охоту къ торговымъ предпріятіямъ; они не любятъ проводить времени въ праздности и въ спячкѣ, лежа на печи, но вѣчно рыщутъ себѣ по торговымъ дорогамъ и нерѣдко доходятъ до Стокгольма и Петербурга. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ обстоятельствѣ надо видѣть причины рѣдкой нравственности, которою отличаются жители этого края. Такъ понятны становятся и необыкновенная ихъ смѣлость, смѣтливость, рѣшительность и энергія во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Быть-можетъ, и нѣкоторыя мѣстныя обстоятельства развили въ нихъ эти отличительныя черты. Рѣка Кемь въ нижнемъ своемъ

теченіи весьма быстра и полноводна, полна шумящими потоками и водопадами; плаваніе этой рѣкою вверхъ и внизъ сопряжено съ большими опасностями и требуетъ не только однихъ тѣлесныхъ усилій, но и большой смѣтливости и смѣлости духа. Принявъ же во вниманіе, что мѣстные жители бо́льшую часть своей жизни проводятъ на этой рѣкѣ, Кастренъ утверждалъ, что это обстоятельство имѣло немаловажное вліяніе на ихъ характеръ.

Прежде чѣмъ заключимъ наши выписки изъ перваго путешествія по Лапландіи, позволимъ себѣ обратиться нѣсколько назадъ и привести очеркъ духовнаго состоянія энарскихъ Лопарей; для бо́льшей же ясности приведемъ и одно мѣсто изъ другаго сочиненія того же автора. Для того, чтобы не развлекать вниманія читателя, мы и берегли это мѣсто подъ конецъ. Кастренъ говоритъ, что, будучи въ церкви, въ Энарѣ онъ не могъ надивиться той глубокой набожности Лопарей, съ какою они присутствуютъ при богослуженіи: почти два дня безпрерывно то въ церкви, то въ своихъ избахъ проводили они въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ были просвѣщены, что знали наизусть почти весь Новый Завѣтъ, и во время литургіи я замѣтилъ, что ни одинъ Лопарь при пѣніи псалмовъ не заглядывалъ въ свой молитвенникъ. Того же нельзя сказать о Финнахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, весьма достойно замѣчанія, что здѣсь Лопари могли усвоить себѣ такія познанія въ религіи, хотя въ-теченіе многихъ лѣтъ они были вовсе безъ пастора. Крещены они были во времена католическія; но древнѣйшія даже церкви въ Лапландіи выстроены въ царствованіе Карла IX, на собственный счетъ жителей, около 1600 г. Между-тѣмъ, все раздавались жалобы на малое богопознаніе Лопарей, и *Нильсъ Фелльманъ*, въ своемъ донесеніи синодальному капитулу въ Або, представленномъ въ 1751 г., говоритъ, что они, какъ погибшія овцы, блуждали во тмѣ язычества до временъ королевы Христины, наклонные къ колдовству и суевѣріямъ, поклонялись каменнымъ и деревяннымъ идоламъ и даже имъ приносили въ жертву своихъ дѣтей.

Съ той поры исчезло у Лопарей даже самое воспоминаніе о язычествѣ. Ихъ древніе боги: Аія (Aija, по-фински Äjiä, *Икко*), Акка (по-фински Akka, Ämmä), Туона (по-фински

Tuoni) и т. п., едва извѣстны намъ по именамъ. Всѣ знаютъ вышеупомянутые «каменные и деревянные идолы», или *Сейды*, которыхъ Лопари почитали въ древности, какъ пенатовъ. О деревянныхъ Сейдахъ слышалъ я, что они имѣли образъ человѣческій и такія же формы, какъ теперь у Остяковъ, Вогуличей и у другихъ отдаленныхъ вѣтвей финскаго племени. Такіе идолы недавно еще были найдены у Капеллы Терволы, въ Кемскомъ приходѣ, гдѣ они были извѣстны подъ именемъ *Молекитовъ*. Это названіе, вѣроятно, дано пасторами, желавшими тѣмъ показать, что Сейдамъ, такъ же, какъ идоламъ Молоха, приносились человѣческія жертвы — догадка, далеко еще, впрочемъ, подверженная сомнѣнію. Что́ касается до такъ-называемыхъ *каменныхъ Сейдъ*, то преданія говорятъ, что бо́льшею частью то были естественные, замѣчательные только по своей величинѣ, или по внѣшнему своему виду, камни. Въ краяхъ Лапландіи, населенныхъ Финнами, тамъ-посямъ камни эти называются *kenttä-kiwet*, изъ финск. сл. *kenttä*, становище, и *kiwi* (множ. ч. *kiwet*), *камень*. Это названіе намѣкаетъ на то, что́ ясно, впрочемъ, и изъ другихъ обстоятельствъ, что Сейды были пенатами Лопарей. Но, обращаясь къ ихъ формѣ, надо сказать, что и между каменными Сейдами были обдѣланные рукою человѣческою. Онѣ состояли изъ груды вмѣстѣ сложенныхъ камней, изъ которыхъ одни представляли голову, другіе плечи, грудь и другія части тѣла.

Такого рода Сейду случилось Кастрену видѣть на озерѣ Энаре въ поѣздку нашу въ деревню Кюре. Лопари питали великій страхъ къ этому божеству, съ ужасомъ указывали на темныя пятна отъ крови и жира на его поверхности, которыми истуканъ въ прежнія времена украшался, и, кажется, они и понынѣ представляютъ себѣ, что въ немъ пробываетъ злой духъ — говоритъ Кастренъ.

Почитая вопросъ о Сейдахъ весьма занимательнымъ, рѣшаемся привести довольно большую выписку изъ соч. Кастрена «Чтенія о Финской Миѳологіи» (M. Alexander Castrén's Vorlesungen über die Finische Mythologie ans d. Schwed übertragen u. mit Anmerk. begleit von *A. Schiefner*. St. Petersb. 1853). Тамъ, въ 3-й главѣ, исполненной весьма любопытныхъ мыслей и замѣчаній, онъ говоритъ въ началѣ, что большинство алтайскихъ народовъ представляетъ себѣ идоловъ,

не какъ внѣшніе образы, символы божества, имѣющаго свое самобытное, независимое отъ своего изображенія существованіе. Нѣтъ, они представляютъ себѣ, что «божество живетъ въ изображеніи, или, такъ-сказать, воплощено въ немъ». По ихъ воззрѣнію, идолы и есть настоящіе боги и въ-состояніи даровать человѣку здоровье, благосостояніе и другія житейскія блага.

Почитаются, какъ боги, и отдѣльные предметы природы, напр., деревья, камни и т. д. Только такимъ предметамъ поклоняется низшій классъ народа, не посвященный въ таинства волшебства. Мудрецы, или шаманы, пользуются передъ остальными людьми тѣмъ преимуществомъ, что входятъ въ сношенія съ духами, получаютъ отъ нихъ совѣты и помощь и даже могутъ принудить ихъ къ выполненію своихъ желаній. Для простаго человѣка міръ духовъ совершенно заключенъ: онъ не можетъ, какъ шаманъ, вызвать ихъ изъ мрака и призвать ихъ въ свое присутствіе. При такихъ отношеніяхъ человѣкъ не можетъ никогда разсчитывать на ихъ помощь, ибо бо́льшая часть дикихъ народовъ считаютъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы духи могли услышать молитву человѣка, если онъ не стои́тъ съ ними лицомъ къ лицу. По этой-то причинѣ Самоѣды и другіе алтайскіе народы считаютъ безполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ. Эти боги далеко, далеко живутъ отъ смертныхъ: какъ возможно, чтобы они слышали слабыя мольбы человѣка? Эта рѣчь постоянно на устахъ дикихъ сѣверной Сибири. Они никакого понятія не имѣютъ о духовномъ общеніи боговъ съ людьми, и если тамъ-и-самъ слышишь, что сильный богъ неба и обращаетъ вниманіе на дѣла смертнаго, награждаетъ его добрые поступки и наказываетъ злые и т. д., то все не вѣрятъ они тому, чтобы слабый человѣкъ могъ вступить съ нимъ въ духовное общеніе. Религіозныя представленія древнихъ Финновъ какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ гораздо выше, ибо они увѣрены, что человѣкъ въ молитвахъ приближается къ богамъ, находятся ли они на облакахъ, въ глубинѣ морской или въ лонѣ земли; они питаютъ притомъ радостную надежду, что слово ихъ дойдетъ до скрытыхъ отъ ихъ глазъ боговъ, и что есть между ними нѣжные, человѣколюбивые, которые самое живое участіе

принимаютъ въ печаляхъ человѣка и съ готовностью исполняютъ его желанія. Впрочемъ, и у Остяковъ, Самоѣдовъ и другихъ дикихъ народовъ шаманъ, не получивъ помощи отъ низшихъ духовъ, обращается къ богу небесному, но и то не прямо, а чрезъ посредниковъ. Такъ, въ одной самоѣдской пѣснѣ духъ, или *Тадебцій* (Tadebtsjo), упрашивается подняться на высоту и выпросить у *Нума* помощь и изцѣленіе для больнаго. «Изъ боязни гнѣва *Нума Тадебцій* всячески старается уклониться отъ этого порученія и совѣтуетъ шаману самому непосредственно обратиться къ *Нуму*. На это отвѣчаетъ ему шаманъ: «Не пойду я къ *Нуму:* онъ далеко отсюда. Если бы я могъ до него добраться, то не просилъ бы тебя; тогда бы я самъ къ нему пошелъ. Но не могу я къ нему итти, иди ты.» Впрочемъ, Кастренъ, такую посылку духовъ къ богамъ, такое посредничество готовъ приписать скорѣе постороннему и новѣйшему вліянію. «Собственно сибирскій шаманъ ищетъ помощи только у своихъ духовъ, съ которыми, при своемъ восторженномъ состояніи, онъ бываетъ въ тѣсномъ общеніи. Но и эти духи, какъ уже сказано, не доступны простымъ людямъ: они никогда не представляются ихъ взорамъ, и потому непосредственное къ нимъ обращеніе невозможно. Но дикій не лишенъ совершенно общенія съ высшими силами. Общее всѣмъ алтайскимъ народамъ вѣрованіе рисуетъ себѣ силы природы, какъ жизнью и душею одаренныя существа; почти каждый предметъ, каждое явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильные духи. Съ дикими звѣрями простой человѣкъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ; только шаману можно ожидать отъ нихъ исполненія своихъ желаній. Обыкновенные же люди съ прошеніями своими обращаются къ менѣе подвижнымъ предметамъ въ природѣ, особенно къ камнямъ, которые, по мéньшей своей подвижности, пользуются наибóльшимъ религіознымъ уваженіемъ. Но не всякій камень и не всякое животное и не всякое дерево удостоиваются поклоненія дикаря: прежде они должны

доказать извѣстными шаману качествами, что въ нихъ сокрытъ сильный духъ. Но есть много людей, и особенно въ сѣверной Сибири, которые ничего не подозрѣваютъ о духахъ, а молятся предметамъ естественнымъ, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Быть-можетъ, это и есть первоначальное богопочтеніе; но надо помнить, что предметы поклоненія, какъ то: камни, деревья, все-таки представляются существами живыми, олицетворяются. То же самое и съ кумирами этихъ народовъ. Про нихъ тоже думаютъ, что они живутъ своею особенною жизнью; но если спросить дикаря, какія чудеса совершилъ его идолъ, то онъ отвѣтитъ: «мы не знаемъ этого, но мы служимъ тѣмъ же богамъ, какимъ служили и отцы и дѣды наши и подъ чьимъ покровомъ жили благополучно.» Дальше этого и не простираются обыкновенныя познанія шамана. Но встрѣчатся между ними умные люди, которые гораздо лучше разрѣшали эти вопросы. Свое ученіе основывали они на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе, и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія. Этихъ духовъ шаманъ можетъ призывать себѣ на помощь; но непосвященному человѣку они мало приносятъ пользы. Впрочемъ, иногда онъ обращаетъ къ нимъ свои молитвы черезъ шамана; но часто случается и то, что шамана нѣтъ подъ рукою. Въ такомъ уже случаѣ онъ прибѣгаетъ къ священнымъ деревьямъ и камнямъ; но кочующимъ народцамъ и это не всегда возможно (*) Для того, чтобы бѣднякъ не былъ совершенно покинутъ богами, духи сжалились надъ нимъ и позволили шаманамъ заключить ихъ въ извѣстныя изображенія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, они сами имѣютъ выгоду въ этомъ заключеніи, потому-что имъ приносятъ богатыя жертвы. Если же бросить эти жертвоприношенія, то они тотчасъ же выйдутъ изъ своего добровольнаго заключенія. Не смѣю рѣшить навѣрно, было ли всеобщимъ это представленіе у алтайскихъ

(*) Нѣкоторые народцы имѣютъ въ обыкновеніи носить съ собою маленькіе камни, которымъ воздаютъ они божескія почести; но другіе мало придаютъ имъ значенія, по ничтожности ихъ размѣровъ.

народовъ о кумирахъ, но понынѣ оно живетъ у нѣкоторыхъ племенъ, въ-особенности у енисейскихъ Остяковъ.» Затѣмъ, приведя нѣсколько свидѣтельствъ объ идолослуженіи Финновъ, Кастренъ обращается къ Лопарямъ, о которыхъ имѣется гораздо болѣе извѣстій, чѣмъ о Финнахъ. «Но и изъ нихъ не всѣ равно достойны вѣроятія. Шеффер (*) говоритъ, что у Лопарей былъ нѣкогда идолъ *Tiермес'а*, или такъ-называемаго *Aije*, *Aijeke* или *Тора (Thor)*, что онъ былъ всегда изъ дерева, съ молотомъ въ рукѣ, съ кремнемъ и стальнымъ гвоздемъ на головѣ, которымъ Торъ высѣкаетъ огонь. Если эти извѣстія справедливы, то, въ-такомъ-случаѣ, лопарскаго истукана Тiермеса можно поставить рядомъ съ истуканомъ Юмалы Финновъ (**), такъ-какъ Юмала и Тiермесъ одно и то же божество. Много зато подробностей у Шеффера, Торнеуса и другихъ объ истуканѣ, который представлялъ собою *Wiron akka* и былъ почитаемъ въ Торнеосской Лапландіи, по Торнеусу, въ Кемьской Лапландіи и въ Триннесѣ, по Гёгстрему. Истуканъ этотъ былъ изъ дерева и имѣлъ видъ человѣческій, какъ вообще истуканы Лопарей. Въ нѣкоторыхъ краяхъ Лапландіи были истуканы, по названію *Storjunkare* (***), по мнѣнію Шеффера, тоже представлявшія собою *Tiермеса*, или *Тора*. Другіе же ученые, съ ними и Кастренъ, держатся того мнѣнія, что эти *Сторъюнкары* были родъ боговъ-покровителей, потому-что, какъ у Лопарей, такъ и у другихъ сродныхъ имъ племенъ, они имѣли свои изображенія. Эти изображенія, или истуканы, и донынѣ извѣстны по всей Лапландіи; но собственное ихъ имя не *Сторъюнкаре*, а *Сейда*, или *Сейта (Seida, Seita)*. Слова этого нѣтъ ни въ финскомъ, ни въ другихъ сродныхъ языкахъ; оно встрѣчается въ древнескандинавскомъ и германскихъ нарѣчіяхъ въ формѣ *Seidh*, или *Seidhr*, что обозначаетъ извѣстный родъ волшебства. Если лопарское *Сейда* заимство-

---

(*) Lapponia §§ 104 и 105.

(**) Beskrifning öfver de til Sveriges krona lydande Lapmarker. § 182.

(***) О значеніи этого слова С Реенъ (S. Rheen), говоритъ такъ: «Слово *Storjunkare* взято изъ норвежскаго языка, гдѣ junkare обозначаетъ начальника. Потому своихъ идоловъ Лопари называютъ Storjunkare, такъ-какъ они больше другихъ господъ.» Schefferi Lapponia. C. 96 и 97.

вано изъ древнескандинавскаго, что́ весьма вѣроятно, то оно означаетъ собственно идола, котораго Лопари употребляли при совершеніи своихъ волшебныхъ чаръ. Такое назначеніе идоловъ удержалось и понынѣ у многихъ сродныхъ имъ племенъ.

По единогласному свидѣтельству нѣсколькихъ писателей, Сейды у Лопарей были разнаго рода; обыкновенно же, по различію ихъ матеріала, они раздѣляются на деревянныхъ и каменныхъ. Деревянныя Сейды по бо́льшей части состоятъ изъ обрубка дерева съ корнями, вверхъ или внизъ обращенными. Корни такъ обрѣзываютъ, что имѣютъ видъ человѣческой головы; стволъ же, представляющій другія части тѣла, остается по-прежнему. Торнеусъ разсказываетъ, что нѣкоторыя Сейды просто состояли изъ столбовъ, вбитыхъ въ землю. Кастренъ полагаетъ, однакожь, что то были не просто столбы, но имѣли, по-крайности, подобіе человѣческаго образа, и заключаетъ это изъ того, что еще недавно въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи отрыты старыя деревья, на внѣшней сторонѣ которыхъ представлены человѣческія фигуры. Въ общинѣ *Соданкюле*, гдѣ жители по бо́льшей части изъ Лопарей, вмѣнено въ обычай, чтобы всякій посѣщающій это мѣсто въ первый разъ ставилъ для себя идола, котораго называютъ здѣсь финскимъ словомъ *Hurikkainen*.. По всей вѣроятности, эти *Hurikkaiset* тоже обозначаютъ, что́ и старинныя деревянныя Сейды Лопарей. Дѣйствительно, и Торнеусъ говоритъ, что на одномъ островѣ въ рѣкѣ Торнео найдены были деревянныя Сейды, имѣвшія человѣческій образъ. «Напереди стои́тъ высокій мужчина, за нимъ четверо другихъ, въ народной одеждѣ, съ шапками на головахъ.» По словамъ Ніуреніуса, у Лопарей были каменныя и деревянныя Сейды, представлявшія собою птицъ; а по С.-Рену Сейды походили и на людей, и на животныхъ.

О каменныхъ же Сейдахъ Торнеусъ говоритъ, что они ничего собою не изображаютъ, но обыкновенно состоятъ изъ грубыхъ, необдѣланныхъ камней, которыхъ вытаскиваютъ Лопари изъ-подъ воды. Тоже и Гёгстремъ не замѣтилъ въ каменныхъ Сейдахъ никакого подобія человѣка или животныхъ, и по его словамъ они обыкновенно шероховаты, неглад-ки. Нельзя сомнѣваться въ справедливости словъ Гёгстрема и

Торнеуса, ибо если Лопари и съ деревомъ плохо ладили, то что̀ они могли сдѣлать съ камнемъ! Кастренъ самъ имѣлъ случай видѣть нѣсколько каменныхъ Сейдъ Лопарей и замѣтилъ, что онѣ состоятъ изъ обыкновенныхъ камней, и только въ сложности ихъ есть что-то особенное. Въ-видѣ исключеній встрѣчаются и каменныя Сейды, обдѣланныя человѣческою рукою; одинъ изъ такихъ находился на островѣ Энарскаго озера. Онъ былъ сложенъ изъ различныхъ камней, которые явственно обозначали различныя части тѣла. На самомъ верху лежалъ огромный камень, представлявшій голову. По словамъ Ніуреніуса бо̀льшая часть каменныхъ Сейдъ изображали собою птицъ; но этому извѣстію нельзя довѣрять. Вообще же каменныя Сейды были въ бо́льшемъ почетѣ, нежели деревянныя, и всегда окружались оградою.

Почти всѣ писатели единогласно утверждаютъ, что однѣ Сейды почитаемы были цѣлою деревнею, другія—отдѣльными лицами. Торнеусъ, говоритъ, что общія цѣлой деревнѣ Сейды стояли на возвышенномъ мѣстѣ, частныя же — гдѣ-нибудь на травѣ, на берегу озера, гдѣ Лопари держали свои тони; по другимъ же извѣстіямъ, горные Лопари ставили своихъ Сейдъ на высокихъ скалахъ, рыболовы же — у озеръ, водопадовъ, на островахъ, мысахъ и вообще поблизости воды. Вѣроятно, Лопари преимущественно поклонялись Сейдамъ стариннымъ, поставленнымъ ихъ отцами, что́ вовсе было невозможно для горнаго, постоянно кочующаго, Лопаря: ему нельзя было ставить своихъ Сейдъ повсюду, куда его ни вели обстоятельства. Оттого онъ былъ принужденъ каждый годъ ставить новыхъ Сейдъ, что́ бывало особенно осенью, когда онъ билъ своихъ оленей и имѣлъ удобный случай приносить жертвы.

У Лопарей не было ни храмовъ, ни другихъ святилищъ для идоловъ: обыкновенно стояли они на чистомъ воздухѣ, иногда въ горныхъ ущельяхъ. Такъ-какъ отъ этихъ идоловъ ожидали счастія во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, то чаще всего ихъ ставили подлѣ своихъ жилищъ или обыкновенныхъ мѣстъ охоты и рыбной ловли. Какъ у верхнеазіатскихъ народовъ, также и у Лопарей господствовало нѣкогда повѣрье, что боги чаще всего присутствуютъ тамъ, гдѣ величава природа. На такихъ мѣстахъ преимущественно ставили истукановъ и

приносили имъ жертвы. Особенно же ставили ихъ на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ. Гдѣ стоялъ истуканъ, все мѣсто кругомъ было священнымъ и называлось *passe*. Оттого и теперь такъ много попадается мѣстъ съ именами *passe waare* (священная гора), *passe jaure* (священное озеро), *passe joka* (священная рѣка) и т. д. (*) Часто на одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько Сейдъ: однѣ большія, другія поменьше. Вмѣстѣ онѣ представляли собою семью боговъ. Самый большой изъ нихъ былъ отцомъ, хозяиномъ, *Сторъюнкаре*, по словамъ Рена. Тотъ же ученый говоритъ, что одинъ изъ маленькихъ Сейдъ представлялъ собою жену *Сторъюнкара*, а остальныя—его сыновей, дочерей, слугъ и работницъ. Онъ же разсказываетъ, что мѣста для Сейдъ имѣли опредѣленныя границы, переступать которыя строго запрещалось беременнымъ женщинамъ: иначе онѣ подвергались смерти. Мужчины также не смѣли слишкомъ близко подходить къ истуканамъ, если не приносили жертвъ и не совершили множества обрядовъ. Вообще Сейды требовали отъ своихъ слугъ и молельщиковъ неограниченнаго почтенія и преданности. Служившіе же имъ съ вѣрою могли ожидать отъ нихъ всякихъ благъ, здоровья, долголѣтней жизни, многочисленной семьи и проч. Въ доказательство того могущества, которое приписывали Лопари своимъ Сейдамъ, Гёгстремъ приводитъ въ примѣръ одного Лопаря, который принесъ Сейдѣ въ жертву голову, ноги и крылья тетерева, въ полной увѣренности, что богъ изъ этихъ остатковъ сотворитъ новыхъ птицъ, которыхъ опять онъ станетъ стрѣлять.

Очевидно, что представленія Лопарей о *Сейдѣ* и *Сайвѣ (Saivo)* сходятся во многихъ отношеніяхъ. И тотъ и другой по бо́льшей части покровительствуютъ отдѣльнымъ лицамъ; власть ихъ обоихъ имѣетъ извѣстныя границы; оба имѣютъ жену, дѣтей, прислугу. *Saivok*. Сайва, владѣли скотомъ, и такимъ-образомъ истуканы животныхъ, бывшіе нѣкогда у Ло-

---

(*) Во многихъ мѣстахъ Финляндіи также встрѣчаются подобныя названія, какъ, напримѣръ, *Pyhäjoki* (священная рѣка, *Pyhäkoski* (священный водопадъ), *Pyhävaara* (священная гора и т. д., и не невѣроятно, что на всѣхъ этихъ мѣстахъ жители ставили своихъ идоловъ.

парей въ большомъ уваженіи, представляли собою домашній скотъ Сейды-домохозяина. Власть и дѣятельность Сайвы и Сейды совершенно одинѣ и тѣ же; близость отношеній шамановъ къ Сайвѣ совершенно та же, что́ и къ Сейдамъ, ибо дѣло шамановъ обращаться съ вопросами къ Сейдѣ, и въ отсутствіе ихъ, даже съ жертвоприношеніями нельзя приблизиться къ Сейдѣ. Все это сходство ясно доказываетъ, что по-крайности о́быкновенные Сейды по началу своему суть ничто иное, какъ копіи Сайвъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ зовутся даже *saivo*, *saive*, или *saiv*. Такъ, *Линдаль (Lindahl)* и *Эрлингъ* (*) *(Ehrling)* говорятъ, что *saiva-kedke* (камень Сайвы), священный камень, или богъ камня, значитъ каменный Сейда (ein Stein-Seida), *saiva-tuora* (дерево Сайвы), дерево почитаемое значитъ деревянный Сейда и т. д. Хотя Сейды, такимъ-образомъ, представляли собою Сайво, однако, на нихъ смотрѣли не какъ на простые истуканы, но вѣрили, что въ нихъ пребываетъ высшій божественный духъ. Сейдамъ молились, приносили жертвы, всячески старались ихъ умилостивить, все съ тою мыслію, что они, дѣйствительно, духомъ и жизнію одаренныя божескія существа. Гёгстремъ, *говоритъ, что нѣкоторые Лопари* думаютъ даже, что Сейды способны къ свободнымъ движеніямъ, но прибавляетъ притомъ, что они теряютъ свою божественную природу, если имъ перестаютъ приносить жертвы, и тогда ничего не могутъ дѣлать ни худаго, ни хорошаго. Это замѣчаніе доказываетъ, что Лопари почитали не камень самый, потому-что если бы богъ содержался въ самой матеріи, то ему поклонялись бы дотолѣ, пока существовалъ бы самый камень. Итакъ, надо признать, что камни считались только жилищами боговъ, которые, снисходя моленіямъ шамана, поселялись въ нихъ. Я полагаю, что такое понятіе объ идолахъ было господствующимъ у Лопарей, такъ-какъ подобныя же понятія и доселѣ существуютъ у другихъ алтайскихъ племенъ. Бо́льшая часть ихъ убѣждена въ томъ, что невидимые на волѣ блуждающіе духи переселяются, по просьбамъ шамановъ, въ изготовляемые для нихъ истуканы. Такой образъ представленія тогда только будетъ про-

(*) Lexicon Lapponicum, p. 390.

тиворѣчитъ религіознымъ вѣрованіямъ Лопарей, когда согласимся съ нѣкоторыми писателями, утверждающими, что они поклонялись *Сайвамъ*, истуканы которыхъ суть Сейды, не какъ духамъ невидимымъ, но какъ существамъ тѣлеснымъ. Однако, множество доводовъ говоритъ въ пользу того, что Сайвы первоначально не имѣли внѣшнихъ образовъ, но были невидимые духи, подобно финскому *Халтіа* (haltia), самоѣдскому *Гадебцію*, тунгузскому *Буни* и монгольскому *Тенгри* (tengri) и т. д.

Кромѣ изображеній въ честь Тіермеса и Сайво, какъ говоритъ Гёгстрёмъ, Лопари дѣлали иногда истукановъ, которыхъ, по совершеніи жертвоприношенія, зарывали въ землю вмѣстѣ съ жертвенными дарами. Онъ разсказываетъ, что самъ отрывалъ много изображеній (даже представлявшихъ оленей) съ различными жертвами. Если же за льдомъ и снѣгомъ земли нельзя было прорыть, то изображенія эти зарывали въ снѣгъ и накладывали деревомъ. Безъ-сомнѣнія, онѣ представляли подземныхъ боговъ. Изъ свидѣтельства того же писателя можно заключать, что у Лопарей обрядъ жертвоприношенія богамъ небеснымъ состоялъ въ томъ, что они изготовляли ихъ изображенія и вѣшали ихъ на деревья вмѣстѣ съ жертвами.

Выше слегка упомянуто объ изображеніяхъ различныхъ животныхъ. Если справедливо мнѣніе о тожествѣ Сейды и Сайво, то весьма вѣроятно, что эти изображенія обозначали рыбу-сайво, или змѣю-сайво. или птицу-сайво, или оленя-сайво. Какихъ именно рыбъ и птицъ считали Лопари за Сайво, т.-е. божественными, священными, о томъ нѣтъ никакихъ древнихъ извѣстій; но надо предполагать, что эта честь между птицами принадлежала *орлу*, а между рыбами *щукѣ*. Кромѣ-того, *медвѣдь* пользовался у Лопарей божескимъ поклоненіемъ, почему и погребеніе его совершалось обыкновенно со множествомъ обрядовъ.»

II. Путешествіе въ русскую Карелію.

Получивъ вспоможеніе отъ Финскаго Литературнаго Общества, Кастренъ, въ маѣ 1839 г., отправился изъ Гельсингфорса, а въ сентябрѣ вернулся назадъ. Главною цѣлью его путешествія было собраніе пѣсенъ, сказокъ и другихъ матеріаловъ для объясненія Калевалы. Онъ уже давно задумалъ написать финскую миѳологію и передать Калевалу въ шведскомъ переводѣ. «Калевала и другіе древнѣйшіе сборники рунъ доставили мнѣ богатый матеріалъ для миѳологическихъ изслѣдованій; но я былъ убѣжденъ, что множество рунъ, пѣсенъ, устныхъ преданій, еще не записанныхъ, содержатъ въ себѣ много извѣстій для миѳологіи.» Еще болѣе того занимала его другая мысль—переводъ Калевалы. Уже давно началъ онъ имъ заниматься, но отъ недостатка словарей долженъ былъ отложить эту работу до своего путешествія въ настоящее отечество рунъ.

Изъ Гельсингфорса отправился Кастренъ черезъ Саволаксъ въ Куопіо, откуда рѣшился направиться въ Каяну черезъ Кави, Либелицъ, Юга, Нурмисъ и Соткамо. «Едва вступилъ я — говоритъ онъ — въ область Карелiи, какъ открылся передо мною совершенно новый міръ. Самая внѣшняя жизнь Кареловъ переноситъ наблюдателя въ прошедшее; но особенно во внутренней жизни народа, въ его образѣ мыслей сохраняется эта старина. Она обнаруживается и въ привязанности народа къ пѣснямъ, преданіямъ, сказкамъ. Я обратилъ особенное вниманіе на преданія, изъ которыхъ преимущественно одно доказываетъ, что Лопари, Остяки и другія сродныя племена, подобно древнимъ Финнамъ, поклонялись извѣстнымъ деревьямъ. Относительно Финновъ въ одной буллѣ папы Григорія IX есть извѣстіе, что Тавастцы тѣхъ людей, что̀ приняли христіанство, загоняли до смерти вокругъ своихъ священныхъ деревьевъ. Въ нашихъ древнихъ рунахъ упоминаются также священныя деревья, изъ которыхъ приведу только рябину, часто называемую *ryhä rii*

(священное дерево). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ еще Финны питаютъ къ нѣкоторымъ деревьямъ какое-то особенное почтеніе, такъ-что неохотно ихъ срубаютъ,—напримѣръ, такъ-называемое *Tapion puu*, дерево лѣшаго, то-есть сосну безъ смолы, или *Tapion kanto*, пень лѣшаго, то-есть, изъ котораго выходитъ новый отростокъ», и т. д.

«Большинство преданій, собранныхъ мною въ Финской Карелiи, имѣетъ миѳическій характеръ. Но мнѣ удалось, впрочемъ, отъискать и преданія съ историческимъ содержаніемъ. По бо̀льшей части гласятъ онѣ о старожилахъ края, о Лопаряхъ, и имѣютъ большое сходство со слышанными мною отъ Лопарей. Разсказы о *Лауруκайненѣ*, у Кареловъ называемомъ *Ларикка*, по-крайности въ Либелицѣ, пользуются общею извѣстностью. Множество подвиговъ, относимыхъ Лопарями къ роду *Пэйвіэ*, передается здѣсь о томъ же Ларикκѣ. Какъ Лопари, такъ и Карелы говорятъ, что всѣ его подвиги совершены имъ въ борьбѣ съ Русскими.»

И здѣсь, какъ и въ предъидущей статьѣ, мы не станемъ подробно слѣдить за нашимъ авторомъ, а передадимъ читателю нѣкоторыя его замѣтки и наблюденія, любопытныя особенно въ этнографическомъ отношеніи. Изъ Калевалы извѣстно, какъ Финны высоко представляютъ себѣ силу пѣсни и музыки. Когда Вейнемёйненъ заигралъ на своей *кантелѣ*, или арфѣ, то все, что̀ было въ водѣ, на землѣ и на небѣ, все собралось вокругъ него, сами боги его заслушались. Въ своемъ путешествіи по Карелiи Кастренъ приводитъ также одинъ разсказъ, хорошо выражающій понятіе народа о значеніи поэзіи. Въ деревнѣ Соткума, встрѣтивъ одну старуху, знавшую много пѣсенъ и сказокъ, онъ просилъ ее научить его своимъ пѣснямъ. «Она такъ разсердилась, что схватила метлу и хотѣла уже меня выгнать изъ горницы, но тотчасъ же успокоилась и передала мнѣ слѣдующій разсказъ о *мальчикѣ* и *Маналайненѣ*.» Однажды, начала она, одинъ мальчикъ забралъ себѣ въ голову, что онъ будетъ отличнымъ и знатнымъ пѣвцомъ. Для того онъ уже долго учился у самыхъ лучшихъ пѣвцовъ; но всѣ они увѣрили его въ одинъ голосъ, что ему не научиться высокому искусству. Огорченный тѣмъ, онъ ворчалъ день и ночь, разсуждая про себя о томъ, какъ бы получить же-

ланное. Но, какъ ни ломалъ онъ себѣ головы, все же пѣвцомъ хорошимъ не становился. Однажды сидѣлъ онъ, глубоко задумавшись. Вдругъ явился передъ нимъ какой-то незнакомый человѣкъ. То былъ Маналайненъ. Узнавъ его горе, онъ повелъ его за руку далеко, въ глухой, темный лѣсъ. Какъ взобрались они въ самую глушь, то Маналайненъ исчезъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Мальчикъ остался одинъ. Какъ увидѣлъ онъ себя одинокимъ, покинутымъ въ темномъ лѣсѣ, сильная тоска запала въ его сердце, и запѣлъ онъ такія чудныя пѣсни, какія рѣдко поетъ человѣкъ. Разсказъ этотъ старуха примѣнила ко мнѣ и посовѣтовала искать пѣсенъ не въ Карелін, а въ своемъ собственномъ сердцѣ.» Впрочемъ, она сообщила нашему ученому еще нѣсколько пѣсенъ, но все, по бо́льшей части, свадебныя, которыхъ онъ не записалъ, какъ потому, что онѣ болѣе или менѣе извѣстны, такъ и потому тоже, что́ не въ его планѣ было собраніе лирическихъ пѣсенъ. Далѣе путешественникъ нашъ въ одномъ приходѣ Вуоккиніеми, что въ Архангельской губерніи, собралъ весьма много рунъ и сказокъ. Въ одной деревнѣ этого же округа, именно въ деревнѣ Аконлахти, рѣдкій мужикъ не пропѣлъ ему пѣсни или не разсказалъ сказки.

«Бо́льшая часть преданій вертится около Лопарей. Такъ, между-прочимъ, разсказывали мнѣ, что въ-старину стародавнюю, когда въ Москвѣ еще не было царей, а княжили князья, поселились въ Аконлахти два знаменитыхъ лопарскихъ шамана. Они спасли жизнь одному князю, совсѣмъ умиравшему, и въ награду за исцѣленіе одинъ изъ нихъ въ Лусманлахти получилъ исключительное право ловли лососей, а другой, въ Серкиніеми, право бить лисицъ. Преданіе прибавляетъ, что порубежные Финны убили Лопарей и присвоили себѣ ихъ владѣнія, что́ Лопари уступили бы имъ добровольно. Вообще во всей странѣ господствуетъ убѣжденіе, что Лопари были ея первыми старожилами, но что потомъ, мало-по-малу, были искоренены Финнами во время такъ-называемыхъ *warastus sodat*, *peitto-sodat* (воровскихъ, тайныхъ войнъ). Въ Аконлахти указывали мнѣ на памятники древностей Лопарей. Еще прежде въ Финляндіи и въ Русской Карелін я имѣлъ случай видѣть различные памятники, по мнѣнію тамошнихъ жителей,

принадлежавшіе нѣкогда Лопарямъ; но мнѣ казалось сомнительнымъ ихъ лопарское происхожденіе. Весьма двусмысленными кажутся мнѣ также такъ-называемые *лопарскіе курганы* (Lappin rauniot). Подъ этимъ именемъ собственно разумѣютъ древнія огнища Лопарей; обыкновенно же оно придается грудамъ камня всякаго рода, произведены ли онѣ природою, или рукою человѣка. Названіе же это собственно идетъ къ тѣмъ часто встрѣчаемымъ въ Финляндіи каменнымъ громадамъ, которыя, по бо́льшей части, по-крайней-мѣрѣ, должны быть скандинавскаго происхожденія. Впрочемъ, этимъ именемъ могли быть названы и старинные печи и очаги, принадлежавшіе нѣкогда рыбацкимъ и охотничьимъ избамъ Финновъ, или жилищамъ ихъ (piilo pirtit), наскоро выстроеннымъ въ темныхъ лѣсахъ для укрывательства въ военную пору. Такого рода остатки въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи, какъ я самъ слышалъ, называются курганами лопарскими. Въ окрестностяхъ Каяны и въ Русской Карелiи я имѣлъ случай видѣть другаго рода древности, такъ-называемыя лопарскіе курганы, могилы (Lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію служили жилищами для Лопарей, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя много въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ-называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Карелiи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи, и проч., что̀ подтверждаетъ разсказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами. Въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи и Россіи есть другаго рода лопарскія могилы, не имѣвшія такого назначенія, но служившія Лопарямъ для ловли оленей. Минуя множество другихъ преданій о Лопаряхъ, я упомяну только объ одномъ, слышанномъ мною въ приходѣ Вуокиніеми, именно объ одномъ князѣ лопарскомъ, жившемъ нѣкогда въ окрестностяхъ города Кеми. Полагаютъ даже, что понынѣ уцѣлѣли остатки его мѣстопребыванія.»

«Въ краяхъ русскихъ я не слыхалъ весьма распространенныхъ по Финляндіи преданій объ *Jatulin Kanusa* или *Jättiläi-*

set и *Hiidet*, но имена мѣстныя, производныя отъ *Hüsi* (въ множеств. числѣ *Hiidet*) здѣсь весьма обыкновенны, — такъ, напр., *Hiisiwaara*, *Hiiden hauta* и т. д. Кстати замѣчу, что множество мѣстностей въ Русской Карелiи носятъ имена, заимствованныя отъ Тавастцевъ,—напр., деревня *Häme*, *Hämehen niemi* и *Hämehen saari* при озерѣ Куитти-ерви и т. д. Послѣднее обстоятельство наводитъ на догадку, что поселенцы изъ Таваста перешли въ Русскую Карелiю, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ Лятваерви крестьяне сами выдаютъ себя за колонистовъ тавастскихъ, за шесть поколѣнiй тому назадъ перешедшихъ въ Россiю. По другимъ деревнямъ того же округа я встрѣчалъ не мало семействъ, ведшихъ свой родъ изъ разныхъ краевъ Финляндiи и понынѣ сознающихъ свои родственныя отношенiя. Главное же населенiе края не происходитъ ни отъ Лопарей, ни отъ Финновъ, но остатокъ древнихъ Бiармiйцевъ, или Заволочской Чуди русскихъ лѣтописей.

«Преданiй миѳическихъ слышно весьма мало въ Русской Карелiи. Вообще мнѣ кажется, какъ у Финновъ, такъ и у Русскихъ Кареловъ всѣ важнѣйшiе миѳы увѣковѣчены въ пѣсняхъ. Съ трудомъ удается иной разъ услышать какое-нибудь миѳическое преданiе въ формѣ сказочной, и то съ содержанiемъ изъ обыденной жизни. Съ величайшимъ старанiемъ собиралъ я подобныя преданiя, потому-что ничтожное и незначительное на первый взглядъ въ хорошо обработанной миѳологiи можетъ получить и смыслъ и важность.»

«Я уже сказалъ, что миѳическая исторiя Финновъ содержится исключительно въ ихъ пѣсняхъ. Какое же содержанiе сказокъ? По моему убѣжденiю, бо́льшая часть сказокъ, извѣстныхъ въ Карелiи, простой переводъ русскихъ сказокъ, потому-что предметомъ ихъ цари, царскiе сыновья и дочери, бояре и богатыри и т. д. Однѣ напоминаютъ «Тысячу и Одну Ночь», другiя съ характеромъ германскимъ. Замѣчу какъ особенность, что въ Русской Карелiи я слышалъ сказку, напоминающую Одиссея въ пещерѣ Полиѳема. Герой карельской сказки сидитъ въ заключенiи подъ стражею одного великана, тоже криваго, съ однимъ глазомъ. Для своего избавленiя Карелъ употребилъ ту же хитрость, что́ и Грекъ. Ночью прокалываетъ онъ глазъ великану; когда тотъ отправляетъ своихъ

барановъ на пастбище, онъ также, подобно Одиссею, спрятался подъ одного барана и, такимъ-образомъ, счастливо избѣжалъ бѣды. По всей вѣроятности, какъ эта, такъ и другія сказки занесены къ Кареламъ русскими монахами; но бо́льшая часть ихъ, однако, состоитъ изъ русскихъ и скандинавскихъ сказокъ. Впрочемъ, нельзя не оговорить, что у русскихъ Карелов есть много и своихъ собственныхъ сказокъ. Главнымъ предметомъ ихъ одно миѳическое лицо, одна старуха подъ именемъ *Syöjätär-akka* (старуха-обжора). Но и онѣ переполнены русскихъ подробностей. Онѣ такъ сходны между собою, что кажутся разными варіаціями на одну и ту же тему.»

При чтеніи вышеприведенныхъ строкъ Кастрена, сама собою придетъ мысль, что этнографическое изученіе финской народности, важное само въ себѣ, независимо ни отъ какихъ другихъ обстоятельствъ, принесло бы, кромѣ-того, огромную пользу намъ, Русскимъ, для нашихъ собственныхъ этнографическихъ занятій. Мы видѣли, что Карелы заимствовали множество сказокъ отъ Русскихъ. Неужели изслѣдователь русскихъ сказокъ можетъ оставить безъ вниманія карельскія? Можно a priori заключить, что онѣ содержатъ въ себѣ больше старины, нежели русскія. Конечно, въ устахъ Карела русская сказка подвергалась малѣйшимъ измѣненіямъ, нежели его собственная, и нежели русская въ устахъ Русскаго. Самобытное произведеніе народной фантазіи — пѣсня измѣняется съ теченіемъ времени и вмѣстѣ съ народомъ подвергается вліянію различныхъ обстоятельствъ. Не то съ заимствованною сказкою, пѣснею. Конечно, народъ нерѣдко преданію чужому, заимствованному придаетъ свои собственныя черты, но главную мысль, главныя черты сохранитъ въ-цѣлости и донесетъ до позднихъ поколѣній, когда нерѣдко и слѣда ихъ не остается въ томъ народѣ, отъ кого онѣ первоначально были заимствованы. Эти факты повторяются не только съ произведеніями народной словесности, но и со всѣми явленіями народной жизни. То же и со словами, заимствованными изъ чужихъ языковъ, то же и съ народными обычаями. Не одно и не два слова, заимствованныя Мадьярами отъ Славянъ, понынѣ сохраняютъ въ себѣ носовые звуки, тогда-какъ ихъ, по бо́льшей части, не существуетъ въ язы-

кахъ славянскихъ, или же уцѣлѣли они тамъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ не слышно носоваго звука, даже и въ тѣхъ нарѣчіяхъ словянскихъ, гдѣ еще ренизмъ въ обычаѣ. Обращаясь къ русскимъ сказкамъ у Кареловъ, замѣтимъ только, что, занесенныя къ нимъ во времена стародавнія, онѣ, навѣрно, сохраняютъ въ себѣ много частностей, съ теченіемъ времени вовсе исчезнувшихъ изъ сказокъ русскихъ, много намековъ и указаній, которыми умный изслѣдователь съумѣетъ воспользоваться. Кромѣ-того, русскому изслѣдователю онѣ пригодятся и въ другихъ отношеніяхъ. Замѣчено, что сказки, наболѣе всѣхъ другихъ произведеній народной фантазіи, заключаютъ въ себѣ общее сходство: такъ, въ пѣсняхъ, думахъ, былинахъ разныхъ народовъ, при многихъ общихъ чертахъ, есть множество особенностей. Различныя пѣсни не только у народовъ разноплеменныхъ, но и въ самыхъ народахъ одноплеменныхъ различны онѣ, и, какъ первоначально единый языкъ распадается съ теченіемъ времени на нарѣчія, такъ, напримѣръ, и пѣсня, и дума, и былина, первоначально общія всѣмъ Славянамъ, съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣльныя поколѣнія, полилась отдѣльными струями, и вскорѣ народы одного языка, но разныхъ нарѣчій, имѣли свои особенныя думы, былины и пѣсни. Не совсѣмъ такъ со сказками. Онѣ обыкновенно весьма сходны между собою не только у народовъ соплеменныхъ, но и у народовъ разныхъ происхожденій, не только на сродство, но и на связь которыхъ нерѣдко не могутъ указать ни языкознаніе, ни исторія. Въ литературѣ обыкновенно объясняютъ это явленіе вліяніемъ письменности: такъ, въ средніе вѣка были весьма распространены, во всей Европѣ, переводы многихъ сказокъ изъ «Тысячи и Одной Ночи», разныхъ апокрифическихъ повѣстей и такъ далѣе. Народъ, полюбивъ ихъ, обратилъ въ свое достояніе. Но есть множество другихъ сказокъ, образованіе которыхъ приписать книжному вліянію невозможно: тогда надо объяснять ихъ сходство или заимствованіемъ отъ народовъ сосѣдственныхъ, или такъ-называемою доисторическою стариною, единствомъ воззрѣнія на міръ, и проч. Объясненіе происхожденія сказокъ и сходства ихъ у различныхъ народовъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и едва ли не изъ важнѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ, рѣшеніе ко-

тораго обѣщаетъ великіе результаты. Почему въ изъисканіяхъ этихъ необходима, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, величайшая осторожность при заключеніяхъ и полнота матеріаловъ при изъисканіяхъ. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется достойнымъ полнаго порицанія предположеніе Кастрена о разсказанной имъ карельской сказкѣ, весьма сходнымъ съ гомеровскимъ разсказомъ объ Одиссеѣ. «Русскіе иноки занесли это преданіе!» Не говоря уже о томъ, какъ духовнымъ пастырямъ, особенно столь образованнымъ (предполагаетсязнакомство съ Гомеромъ), могло притти въ голову разсказывать народу сказки, которыхъ у него самого довольно,—не говоря уже о совершенной невозможности такого случая, тѣмъ-не-менѣе допустимъ его, какъ исключеніе: неужели народъ однажды услышанный имъ анекдотъ отъ одного лица заучитъ его и будетъ передавать изъ рода въ родъ? Или надо предположить въ народѣ совершенное слабоуміе и бѣдность фантазіи; но тогда разсказъ этотъ, въ самомъ себѣ не имѣющій ничего особеннаго, на такой народъ подавно не подѣйствуетъ такъ сильно; или же народъ богатъ собственными преданіями и неохотно заимствуетъ, тѣмъ болѣе отъ отдѣльныхъ лицъ. Какъ ни странно предположеніе Кастрена, а, между-тѣмъ, оно не исключеніе. Въ литературѣ еще живутъ такія объясненія. Онѣ, кажется, придаютъ письменности слишкомъ большое вліяніе, котораго она имѣть не можетъ. Слово писанное тогда только дѣйствуетъ на массы, когда оно ими же вызвано. Такъ, только произведенія великихъ художниковъ, слѣдовательно, совершенно національныхъ, заучиваются народомъ. Такъ было у Грековъ, у Итальянцевъ съ Тассомъ, у Англичанъ съ Шекспиромъ и Борнсомъ. Но чтобы переводъ какой-нибудь арабской сказки или изложеніе какого-нибудь классическаго миѳа могло бы такъ подѣйствовать на народъ, чтобы онъ заучилъ его наизустъ и цѣнилъ бы его наравнѣ съ произведеніями собственной фантазіи, это не совсѣмъ въ порядкѣ вещей. У Сербовъ есть сказка. «У цара Тројана козје уши», и ее, пожалуй, можно объяснять вліяніемъ книжнымъ, именно баснею о Мидасѣ, на которую она похожа точно такъ же, какъ весьма похожа карельская сказка на одинъ эпизодъ изъ Одиссеи. Такъ-какъ у Кареловъ письменности въ-старину никакой не было, то объясняютъ—вліяніемъ обра-

зованныхъ людей, знакомыхъ съ Гомеромъ, которые и разсказали Кареламъ, быть-можетъ, всю Одиссею? а, можетъ, только одинъ этотъ эпизодъ, какъ самый интересный? а можетъ и сами-то они знали изъ всего Гомера только этотъ эпизодъ? Впрочемъ, не однимъ Кареламъ извѣстенъ этотъ разсказъ. Въ сербскихъ сказкахъ (Караджича, 1853 г.) помѣщена, между-прочимъ, подъ №38, сказка «Дивьліанъ.» Здѣсь дѣло разсказывается такъ: Двухъ путниковъ (*поп* и *ђјак*) застигла ночь на дорогѣ. Завидѣвъ огонь въ одной пещерѣ, пошли они къ ней и просятся переночевать. Тутъ увидѣли они «једног дивьег чоека с једнијем оком наврх главе.» Онъ отвалилъ огромный камень отъ пещеры и впустилъ ихъ. Съ ними и повторилось то же, что̀ съ Одиссеемъ и его спутниками. Здѣсь *дьякъ* героемъ, а товарищъ его былъ съѣденъ. Онъ употребилъ совершенно ту же самую хитрость, что́ и Одиссей. Но изъ такого поразительнаго сходства сербской народной сказки съ эпизодомъ изъ Одиссеи позволительно ли заключать о заимствованіи и, слѣдовательно, о вліяніи письменности? Если и нельзя совершенно отвергать ея вліянія на народную словесность, то не нужно, кажется, и слишкомъ много придавать ему значенія; но вліяніе обратное народныхъ преданій на письменность весьма обширно. Самая привязанность къ письменности въ той или другой сказкѣ обусловливается народными преданіями. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что сказка или повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ была весьма распространена въ литературахъ славянскихъ. Не потому ли и такъ цѣнились книжныя извѣстія объ Александрѣ Македонскомъ, что у Славянъ были нѣкогда о немъ свои устныя преданія, вѣроятно, заимствованныя ими отъ древнихъ Иллировъ и Оракійцевъ, земли которыхъ впослѣдствіи заняли Славяне. Нечего сомнѣваться въ томъ, что память объ Александрѣ у тѣхъ была жива въ то время. Точно такъ же, какъ въ одномъ сербскомъ переводѣ Византійца Зонары, при описаніи царствованія Трояна, есть вставка о томъ, будто бы Троянъ воевалъ со Славянами. И, конечно, хотя память о Троянѣ, доселѣ живущая у Сербовъ (въ сказкѣ «У царя Тројана Козје уше» и въ другомъ преданіи, сообщенномъ Караджичемъ въ его словарѣ) и жившая въ XII вѣкѣ, а можетъ и позже, у насъ, на Руси (Слово

о Полку Игоровѣ), — эта-то живая память, говоримъ мы, имѣла вліяніе на сочинителя этой вставки о войнахъ Трояна со Славянами, а не обратно. Примѣровъ такого вліянія, вѣроятно, найдется гораздо больше, нежели обратнаго. Избѣгая дальнѣйшихъ разсужденій, обратимся къ нашему ученому путешественнику. Въ деревѣ Ухтувѣ провелъ онъ одиннадцать дней, собирая руны. «Кромѣ-того, здѣсь я слышалъ нѣсколько историческихъ преданій, все по бо́льшей части насчетъ такъ-называемыхъ воровскихъ войнъ. Одно изъ нихъ говоритъ о походѣ пограничныхъ Финновъ на деревню Алаерви. Ограбивъ деревню, потащили они за собою насильно одного давно гонимаго ими и ненавистнаго имъ старика. Въ то время, какъ они тащили его по берегу озера, по другому берегу бѣжалъ его младшій, двѣнадцатилѣтній сынъ и грозился злодѣямъ застрѣлить ихъ, если не выпустятъ отца. Но на угрозы мальчика они не глядѣли и еще пуще мучили старика. Но когда неустрашимый ребенокъ еще сильнѣе сталъ грозиться, то враги обѣщали освободить его отца подъ тѣмъ только условіемъ, если съ противоположнаго берега попадетъ въ яблоко (omena), положенное ими на голову отца. Мальчикъ рѣшился на смѣлый опытъ, а отецъ далъ ему слѣдующій совѣтъ: «käsi ylennä, toinen alenna, järwen wesi wetää, т.-е. подыми одну руку, опусти другую: вода озера тянетъ стрѣлу къ себѣ. Противъ всякаго ожиданія злодѣевъ, стрѣла прямо угодила въ яблоко: оно раскололось, и отецъ былъ освобожденъ. Другое преданіе разсказываетъ о шайкѣ порубежныхъ Финновъ, грабившихъ и опустошавшихъ Русскую Карелію вдоль и поперегъ. Спасая, что́ можно было, отъ грабителей, жители зарывали свои сокровища, сбереженныя сѣмена частью давали въ кормъ скоту, частью раскидали по снѣгу, послѣ чего у нихъ былъ отличный урожай. Въ одинъ изъ набѣговъ непріятель врасплохъ застигъ одного Карела, Лягонень Титта, когда онъ спалъ богатырскимъ сномъ. Наконецъ, пробужденный шумомъ, Лягонень вскочилъ съ постели, схватилъ лукъ, стрѣлы и портки подъ мышку и кинулся бѣжать; врагъ — за нимъ. Какъ ловкій бѣгунъ, онъ бы давно избавился отъ злодѣевъ; но сильный морозъ заставилъ его остановиться, чтобы надѣть портки. Тутъ какъ-разъ настигли они его.

Тогда онъ недолго думалъ, взялъ лукъ, стрѣлы, нацѣлился на нихъ и закричалъ: *katscho, mie ammun*, берегись, застрѣлю. Враги такъ струсили, что онъ, пользуясь ихъ смущеніемъ, кончилъ свой нарядъ и успѣлъ убѣжать въ темный лѣсъ. Разбойники, между-тѣмъ, продолжали свои опустошенія и пришли наконецъ къ одному озеру подъ именемъ Туонпаерви. Отсюда рѣшились они отправиться къ Пэерви, но, не зная дороги, наняли себѣ въ проводники мужика изъ деревни Кисёки. На пути имъ встрѣтился сильный водопадъ. Приближаясь къ нему, проводникъ направилъ лодку къ берегу, самъ выскочилъ, а ее пустилъ въ водоворотъ. Тутъ они и погибли.»

Кромѣ подобныхъ разсказовъ о воровскихъ набѣгахъ Финновъ на Русскую Карелію, Кастренъ слышалъ въ Ухтувѣ нѣсколько разсказовъ объ одномъ исполинскомъ народѣ, подъ названіемъ Naikkolaiset, или Naikon kansa. «О происхожденіи этого народа есть преданіе, что лѣшій (metsänhpaa) похитилъ одну женщину (христіанку), родившую отъ него мальчика и дѣвочку, которые, въ-послѣдствіи, произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣніе, названное Naikkolaiset. Чуждаясь всякаго сообщества съ христіанами, народъ этотъ поселился на горѣ Хапаварѣ и тамъ образовалъ совершенно заключенное въ самомъ себѣ общество. Число людей, принадлежавшихъ къ этому поколѣнію, сводится до 17 мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Всѣ они погибли до послѣдняго человѣка въ воровскую войну. Объ этомъ народѣ я ни прежде, ни послѣ не слыхалъ никакого преданія.»

Изъ Ухтувы отправился нашъ ученый въ Туоппаерви, оттуда черезъ Пэерви въ Кусамо. Здѣсь нашелъ онъ мало для себя занимательнаго, кромѣ множества преданій о Лопаряхъ. «Про нихъ, между-прочимъ, говорили, что они были въ постоянной враждѣ съ однимъ народомъ подъ названіемъ *Kiwekkäät*. Быть-можетъ это искаженное слово вмѣсто *Kiwikäet* (единственное — *Kiwikäsi*, каменная рука) и намекаетъ на то, что народъ этотъ употреблялъ камни, какъ орудіе метательное. Подтвержденіемъ этой догадки служитъ то обстоятельство, что на томъ мѣстѣ, гдѣ, по разсказамъ, происходила битва Лопарей съ народомъ Кивиккеэмъ, найденъ былъ камень,

весьма похожій на пращу. Изъ другихъ преданій о Лопаряхъ приведу еще слѣдующее, такъ-какъ оно хорошо выражаетъ ихъ образъ понятій о правдѣ и справедливости. Одинъ Лопарь, въ Кусамо, тайно умертвилъ свою жену; но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Мальчикъ открылъ тайну родными своей покойной матери. Они созываютъ старшинъ деревни на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиненнаго и устроили такъ-называемую судную избу (kåta-käräjät). Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе. Еще доселѣ указываютъ на мѣсто казни, и мѣстные жители разсказываютъ, что не очень давно разрыли его скелетъ, какой-то заржавленный котелъ, ножъ и топоръ.»

Изъ Кусамо Кастренъ отправился въ Улеаборгъ, откуда черезъ Остроботнію и Тавастъ въ Гельсингфорсъ, чѣмъ и заключилъ свое путешествіе по Карелiи.

III. Путешествіе по Лапландіи, сѣверной Россіи и Сибири въ 1841—44 году.

Въ 1841 году, въ сопровожденіи Ленрота и отчасти на его счетъ, Кастренъ предпринялъ путешествіе, которое по предварительно составленному плану должно было обнять извѣстныя части Лапландіи и Архангельской губерніи. Мѣстомъ отправленія назначенъ приходъ Кеми, что въ 25 верстахъ на западъ отъ гор. Торнео. Прибывъ въ деревню Салла, рѣшились они отправиться отсюда въ Русскую Лапландію, надѣясь здѣсь найти богатую жатву для науки, тѣмъ болѣе, что донынѣ ни одинъ путешественникъ порядочно не изслѣдовалъ

этой мѣстности въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. «Особенно занимали насъ Лопари въ деревнѣ Аккала, которые, по свидѣтельству крестьянъ Финновъ, живутъ въ строгомъ отчужденіи отъ Русскихъ, почему намъ казалось, что у нихъ языкъ и народность вообще сохранились въ бо́льшей чистотѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Лапландіи. Любопытство наше касательно этихъ Лопарей еще болѣе затронуто было тѣмъ, что они слыли самыми искуснымп въ волшебствѣ на всемъ сѣверѣ.» Но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали ихъ благому намѣренію, и, принужденные измѣнить свой планъ, они отправились сначала въ Энаре, чтобы оттуда послѣ святокъ начать свое путешествіе по Русской Карелiи. Въ Энаре Кастренъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ академика Шёгрена. «Онъ извѣщалъ меня— говоритъ Кастренъ — что Императорская Академія Наукъ рѣшила отправить ученую экспедицію въ Сибирь и приглашаетъ меня принять въ ней участіе въ-качествѣ этнографа и лингвиста. Это предложеніе согласовалось съ пламенными моими желаніями, и я принялъ его тотчасъ же. Изъ письма Шёгрена я увидѣлъ, что путешествіе можетъ состояться не раньше, какъ черезъ годъ, и мнѣ разрѣшалось воспользоваться этимъ временемъ совершенно по моему благоусмотрѣнію. Впрочемъ, почтенный академикъ совѣтовалъ мнѣ не прерывать настоящаго моего путешествія, но отправиться изъ Энаре въ Русскую Лапландію, откуда пройти въ Архангельскъ, затѣмъ къ европейскимъ Самоѣдамъ и наконецъ чрезъ Уралъ въ Сибирь, гдѣ свою дѣятельность я долженъ былъ посвятить Академіи.»

Путешественники наши направились къ Колѣ. Путь лежалъ по озеру Энарскому. Въ первый день дошли они только до половины озера. «Въ этотъ день — говоритъ Кастренъ — прошли мы двѣ большія бухты: Уконъ-сельке и Каттиланъ сельке. Это послѣднее названіе дано потому, что, какъ говоритъ преданіе, одинъ Лопарь измѣрилъ ея глубину котломъ, привязаннымъ къ канату. Названіе же Уконъ-сельке имѣетъ миѳическое основаніе (по-лопарски Äije jarngga) и даетъ мнѣ поводъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній о древнемъ богопочитаніи Лопарей.

«Повсюду, гдѣ только слышна лопарская рѣчь, ходятъ разсказы о Сейдахъ, т.-е. о каменныхъ истуканахъ, которымъ нѣкогда Лопари приносили жертвы. Онѣ обыкновенно состояли изъ роговъ и костей оленей, и преимущественно дикихъ оленей. Гёгстремъ разсказывалъ, что нѣкоторыя Сейды окружались обширною оградою, и отъ всѣхъ животныхъ, которыхъ убивалъ Лопарь внутри этого пространства, приносилъ онъ въ жертву имъ то голову, то ноги и особенно крылья птицъ. Я самъ слышалъ, что Лопари, въ-случаѣ удачи на охотѣ, приносили Сейдѣ въ жертву оленью голову съ шеею. Остальныя и лучшія части съѣдали охотники сами на мѣстѣ жертвоприношенія; но тѣмъ-не-менѣе возвращались они съ голоднымъ желудкомъ, потому-что все, что́ ни съѣдали они, шло Сейдѣ во благо. По словамъ Гёгстрема, горные Лопари имѣли также обычай окроплять своихъ истукановъ кровью оленей; а Лопари-рыболовы мазали своихъ Сейдъ рыбьимъ жиромъ. И когда потомъ высыхалъ этотъ жиръ отъ солнечныхъ лучей, то Лопарь думалъ, что Сейда съѣдалъ эту жертву.» Торнеусъ и Гёгстремъ соглашаются въ томъ, что Сейды не дѣла рукъ человѣческихъ, а созданы самою природою; форма ихъ особенная, подобно окаменѣлостямъ. Такъ, быть-можетъ, было съ бо́льшею частью изъ нихъ. Но Кастренъ самъ видѣлъ на одномъ островѣ на озерѣ Энарскомъ одного Сейду, сложеннаго изъ небольшихъ каменьевъ съ фигурою и въ ростъ человѣческій. Изъ упоминаемыхъ Гёгстремомъ человѣческихъ изображеній, вырѣзанныхъ изъ коры деревъ, въ Лапландіи не нашелъ Кастренъ никакихъ слѣдовъ; но въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи встрѣчаются на деревьяхъ изображенія человѣческія. «Они назывались *Молекитали* и въ древности, должно-быть, пользовались богопочтеніемъ. Въ округѣ Соданкюле и понынѣ дѣлаютъ такія изображенія, особенно, когда кто куда отправляется въ первый разъ. Такое изображеніе называется Х*урикка́йненъ* и отличается отъ *Карсикко*, употребляемаго съ тою же цѣлью въ области Каяны; но его дѣлаютъ такъ, что срубаютъ всѣ вѣтви съ дерева, кромѣ одной, направленной въ ту сторону, гдѣ лежитъ родина отъѣзжающаго. Вѣроятно, эти *Хурикка́йсетъ*, служившія Лопарямъ за идоловъ, подобно Молекитамъ, тожественны съ такъ-

называемыми Виропъ Акка, Сторъ-юнкаре и т. д. (ихъ описываютъ Шеффер, Гёгстремъ и мн.) Не выводимъ изъ этой гипотезы никакихъ результатовъ; но тѣмъ-не-менѣе изъ этого ясно, что Лопари были преданы грубому, чувственному, естественному богопочитанію. Въ Сейдахъ чтили они не самый камень, но и не глядѣли на нихъ, какъ на представителей или символы божескаго существа, но просто вѣрили, что въ истуканѣ живетъ богъ. Сообразно съ этимъ представленіемъ, они не только приносили имъ жертвы, но и приписывали имъ жизнь и движенье. «Бо́льшая часть Лопарей — говоритъ Гёгстремъ — думаетъ, что эти камни живутъ и могутъ ходить.» Это и подтверждается однимъ весьма распространеннымъ преданіемъ у энарскихъ Лопарей, по которому Сейды долго держались на поверхности воды, когда Пейвіэ свергнулъ ихъ въ озеро Энарское.

Кромѣ Сейдъ, есть въ миѳологіи Лопарей и личныя божества, какъ, напримѣръ, Эіе (Äye), или *Эйшъ* (Aijsh) (въ Шведской Лапландіи Aija, Aijeke, Atja), Акку, Хидда, Туона, Лемпо, Маддеракка, или Муддеракка, Уксакка, или Юксакка, Ябмеакка. Старинные писатели говорятъ еще о многихъ другихъ божествахъ; но или они совершенно вымышлены, или такъ названы по какому-нибудь недоразумѣнію, потому-что заставляютъ предполагать такія высокія религіозныя понятія, которыя вовсе невозможны для такого дикаго народа. Изъ божествъ, которыя, дѣйствительно, принадлежатъ миѳологіи лопарской, по бо́льшей части, по-крайней-мѣрѣ, всѣ тѣ же самыя есть и у Финновъ. Такъ, Укко извѣстенъ и въ финской миѳологіи подъ именемъ Äijä; Акку, наша Акка, или Эммэ. Хидда, Лемпо, Туона то же, что́ финскія Хиси, Лемпо, Туони. Äije и Акку встрѣчаются въ Энаре, какъ названія горъ, высокихъ скалъ и большихъ озеръ. Далѣе въ Финской Лапландіи громъ называется Äijsch, что́ есть уменьшительное отъ Äije, подобно тому, какъ Финны называютъ громъ уменьшительнымъ именемъ Укконенъ. Радугу называютъ финскіе Лопари Äije daugge, что́ соотвѣтствуетъ финскому Ukkon kaari (дуга Укко). Слово Хидда слышалъ Кастренъ въ одномъ выраженіи *mana Hiiddan* (по-фински *mene hiiteen* — ступай къ Хиси). Слово Туона, Туоне, или Туонъ, отмѣчено въ лопар-

скомъ словарѣ Линдаля и Эрлинга, но неизвѣстно ни въ Норвежской, ни въ Финской Лапландіи. Iaabmeakka (фин. Тюпеп akka) и Madderakka (фин. maan akka, mannun eukko) встрѣчаются также и въ финской миѳологіи; но ей вовсе чужды и Саракка и Уксакка. Миѳологи думаютъ, что Маддераккa, Саракка и Уксакка призывались при родахъ; но данныя, на которыхъ они основываютъ свои предположенія, весьма шатки, и главное изъ нихъ имѣетъ только одно филологическое основаніе. Въ Шведской Лапландіи, по слову Линдаля и Эрлинга, слово *madder* (чаще *maddo*) обозначаетъ *происхожденіе*, а слово *saret* — *рождать*. Эти замѣчанія легко навели на качества, которыя и приписали божествамъ Саракка и Маддераккa. Но г. Ленротъ обратилъ мое вниманіе на то, что слова эти лучше производить отъ финскаго слова *manner*, *земля*, *материкъ*, и *saari*, *островъ*. Въ филологическомъ отношеніи производство это не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій: *manner* (первоначально *mantere*, потомъ *mander* и наконецъ *manner*) по духу и по законамъ лопарскаго языка можетъ измѣниться въ *madder*, такъ же, какъ *hinta* (цѣна) переходитъ въ *hadde*, *rinta* (грудь) въ *radde*, *pinta* (кора дерева) въ *bidde*, *kant* (край) въ *gadde*, *sand* въ *saddu*. Наконецъ, это послѣднее производство подтверждается слѣдующимъ сообщеннымъ мнѣ пасторомъ Фельманомъ отрывкомъ: *Man laem Madderest ja Madderi mon boadam, Madderakast mon laek aellam ja Madderakka muullui mon boadam*, т.-е. я происхожу отъ Madder и иду къ Madder, отъ Madderakka я произошелъ и иду къ Madderakka. Очевидно, это переводъ нашего — земля еси и въ землю отъидеши. Если же, дѣйствительно, въ Madderakka и Saarakka удержались финскія слова *manner* и *saari*, то весьма вѣроятно, что Madderakka обозначало Сейдъ, находившихся *на материкѣ*, а Saarakka — тѣхъ Сейдъ, которыхъ Лопари почитали на островахъ. Что́ касается до Уксакка, или Юксакка, то слово это, вѣроятно, происходитъ отъ лопарскаго *Juksu*, добыча. Въ такомъ случаѣ Юксакка тожественно съ финскимъ Wiljan Eukko.»

Кастренъ, живо и увлекательно передавая свои путевыя впечатлѣнія, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщаетъ много глубокомысленныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюденій. Такъ, въ той же главѣ, гдѣ описываетъ онъ путешествіе изъ Энаре до Колы, и откуда мы заимствовали предъидущій отрывокъ

о религіозныхъ вѣрованіяхъ Лопарей, — въ той же главѣ находимъ слѣдующую замѣчательную и живую характеристику Лопарей, ихъ нравовъ и образа жизни. Приводимъ ее и потому еще, что въ слѣдующихъ главахъ Кастренъ обращаетъ вниманіе уже на другія народности. Слѣдовательно, выписка эта будетъ какъ бы заключительною статьею о Лопаряхъ.

«Я уже выше упомянулъ — говоритъ онъ — что энарскіе Лопари сдѣлали замѣтные успѣхи на пути просвѣщенія. Они весьма начитаны въ священномъ писаніи, живутъ смирно и въ страхѣ Божіемъ. Большія преступленія весьма рѣдки; развѣ иногда Лопарь-рыболовъ убьетъ отставшаго оленя отъ стада, принадлежащаго Лопарю горному. Этого они не считаютъ за большой грѣхъ, и одинъ весьма совѣстливый Лопарь-рыболовъ нешутя спрашивалъ: въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ грѣшно убить иной разъ оленя, принадлежащаго горному Лопарю? Но вообще они боятся неправильнаго завладѣнія чужою собственностію. Лопарь энарскій, въ противоположность другимъ Лопарямъ, необыкновенно воздержанъ. Онъ не откажется отъ водки, когда ему предлагаютъ, но самъ почти никогда не напрашивается. Ихъ упрекаютъ въ корыстолюбіи, жадности и въ страсти къ униженію, и не безъосновательно. Особенно же замѣтилъ я въ нихъ какую-то мелочную щекотливость во всемъ, что только слегка залѣваетъ ихъ частные интересы, и какую-то зависть при удачахъ ближняго. Но эти дурныя качества почти невольно воспитываются въ народѣ, живущемъ въ крайней бѣдности, принужденномъ, для своего пропитанія, безпрерывно бороться со скупою и суровою природою.»

«Что же касается до домашняго ихъ образа жизни, то они, замѣчу, имѣютъ избы, хотя живутъ въ нихъ только зимою. Лѣтомъ ведутъ они жизнь кочевую и ловятъ себѣ рыбу то въ одномъ, то въ другомъ озерѣ. Когда же кончается рыбная ловля и приближается зима, рыбакъ забирается къ себѣ въ избу, выстроенную гдѣ-нибудь на пустынномъ гористомъ мѣстѣ. Покидаетъ ли онъ свое зимовище, то единственно изъ желанія добыть хорошее пастбище для оленей, а себѣ — пищи и дровъ. Если же ему не удастся найти всего этого, то онъ опять ищетъ себѣ новаго мѣста для жительства. Старики разсказывали мнѣ, что, такимъ-образомъ, на вѣку своемъ они

мѣняли мѣста жительства по три, по четыре, по пяти разъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, Лопарю нѐкогда много заботиться о своихъ жилищахъ.»

«Его изба обыкновенно такъ мала, что съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ семью и, кро́мѣ-того, нѣсколькихъ овецъ. Вышиною въ серединѣ она въ ростъ человѣческій; по сторонамъ же въ ней нельзя держаться прямо. Назначенная для овецъ часть избы иногда образуетъ особое отдѣленіе; оно лежитъ больше въ землѣ. Кухня же — въ другой части избы. Устройство очага весьма просто: оно состоитъ изъ двухъ частей — изъ большаго отверстія и трубы, черезъ которую дымъ выходитъ безпрепятственно на воздухъ. Единственная роскошь, замѣчаемая иногда въ избѣ Лопаря, состоитъ въ какомъ-нибудь оконномъ стеклѣ. Столъ и стулья принадлежатъ къ рѣдкостямъ. Ложки тоже рѣдки, ибо Лопари обыкновенно ѣдятъ свои щи лопаточками. При нѣкоторыхъ избахъ бываетъ еще небольшая пристройка, куда кладутся одежда и другія вещи. Лопари зажиточные имѣютъ особую загородь для овецъ; а кто держитъ коровъ, имѣетъ, конечно, и хлѣвъ. Кромѣ-того, почти у каждаго хозяина бываетъ по нѣскольку большихъ и малыхъ клѣтей, какъ въ зимнихъ, такъ и въ лѣтнихъ стоянкахъ. Онѣ обыкновенно строятся на высокихъ жердяхъ, изъ опасенія волковъ и другихъ животныхъ, такъ-какъ въ нихъ преимущественно сохраняются съѣстные припасы.»

«Что́ касается вообще до хозяйства энарскихъ Лопарей, то здѣсь трудно сказать что-нибудь неизвѣстное почти каждому по прежнимъ описаніямъ Лапландіи. Главный ихъ промыселъ — рыбная ловля, всѣ они — такъ-называемые Лопари-рыболовы. Рыба, сохранившаяся отъ лѣта, развѣшивается для сушки и сберегается на зиму. Но зимою Лопарь нелегко удовлетворяется этою легкою пищею. Онъ ѣстъ днемъ и потомъ вечеромъ, когда любитъ употреблять и мясную пищу. Утромъ съѣдаетъ онъ остатки вчерашняго дня или же ѣстъ сушеную рыбу. Кромѣ-того, многіе Лопари запасаются хлѣбомъ, ланьинымъ, коровьимъ и овечьимъ сыромъ, молокомъ, морошкою и другими ягодами и всякими другими лакомствами. Мясо получаетъ Лопарь-рыболовъ частью отъ охоты за оленями, частью отъ своихъ собственныхъ небольшихъ

стадъ и особенно же отъ сосѣднихъ горныхъ Лопарей, хотя тѣ и неохотно продаютъ своихъ оленей, потому-что и безъ того почти ежедневно стада ихъ уменьшаются отъ волковъ, которые, чтобы употребить выраженіе одного Лопаря, такъ же опасны ихъ стадамъ, какъ дьяволъ людямъ; но, впрочемъ, всемогущая водка все побѣждаетъ. Придетъ ли путешественникъ въ горную лопарскую деревню и, по обыкновенію, предложитъ хозяину водки, то получаетъ и оленьи окорока, и языки, и проч. Сочтутъ за оскорбленіе отказъ принять эти подарки; но, однажды принявъ ихъ, непремѣнно обязывашься отплатить имъ за это водкою, по пословицѣ: «подарокъ за подарокъ или отдай его мнѣ назадъ». Коли позабудешь эту обязанность, то напомнятъ о ней. Затѣмъ слѣдуютъ новыя приношенія и новое угощеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока остается у гостя хотя капля водки. Отсюда ясно, какія страшныя выгоды извлекаетъ разсчетливый купецъ изъ продажи водки этимъ Лопарямъ. Неудивительно и то, что энарскіе Лопари эту торговлю считаютъ весьма важнымъ промысломъ.»

«Горные Лопари и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стоятъ несравненно ниже Лопарей-рыболововъ. Это происходитъ не только отъ ихъ кочевой жизни, но и отъ незнакомства съ языкомъ, на которомъ они получаютъ свое религіозное воспитаніе. Тѣмъ-не-менѣе и горный Лопарь весьма благочестивъ: онъ ежедневно творитъ извѣстныя молитвы и утромъ, и вечеромъ, и за столомъ и тому же поучаетъ и дѣтей своихъ. Какъ Лопарь-рыболовъ, онъ также отъявленный врагъ суевѣрія и язычества и ничего почти или весьма мало знаетъ о своемъ прошедшемъ. Религіозное его чувство обнаруживается и въ необыкновенной любви къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ. Одинъ Лопарь (горный) говорилъ мнѣ, что въ-продолженіе своей тридцатилѣтней брачной жизни онъ ни разу не обмѣнялся дурнымъ словомъ со своею женою и иначе не называлъ ее, какъ «*loddadsham*» (фин. *lintuiseni* — моя пташка). Я самъ видалъ, какъ, ворочаясь домой отъ своихъ оленей поздно вечеромъ или послѣ другой какой-нибудь отлучки изъ дому, Лопарь цалуетъ свою жену и дѣтей, съ какою нѣжностью ласкаетъ ихъ. Съ этою мягкостью души Лопарь соединяетъ смѣлость и от-

вагу, которыя иногда переходятъ въ совершенное презрѣніе порядка, нравственности и закона. Большія преступленія такъ же рѣдки и у горныхъ Лопарей, какъ и у рыболововъ; но въ житейскихъ отношеніяхъ есть много нравственныхъ правилъ, о которыхъ Лопарь весьма мало имѣетъ понятія. Совершенно по древне-германскому порядку любитъ онъ выражать свою волю кулачнымъ правомъ; языкъ его обыкновенно рѣзкій, видомъ своимъ онъ неуклюжъ и дерзокъ. Иначе и быть не можетъ, потому-что хотя Лопари и приняли уже христіанство, но все же они еще принадлежатъ къ дикимъ народамъ. Эта дикость видна и въ образѣ ихъ жизни. Начнемъ съ жилищъ: подобно большинству дикарей, они живутъ въ палаткахъ. Устройство ихъ такое: втыкаютъ въ землю четыре кривыя палки, изъ которыхъ двѣ образуютъ полукругъ и стоятъ въ параллельномъ направленіи на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ другъ отъ друга. Палки эти связываются нѣсколькими перекладинами, и, такимъ-образомъ, лѣса готовы. Потомъ устанавливаютъ большой шестъ, оставляютъ продушину для дыму и отверстіе для входа. Это строеніе покрываютъ грубымъ холстомъ, одинъ кусокъ котораго служитъ дверью. Въ серединѣ этой палатки устраивается очагъ: такъ называютъ нѣсколько камней на томъ мѣстѣ, гдѣ разводятъ огонь. Потомъ бросаютъ на землю берестняку и разстилаютъ оленьи шкуры, — и жилище совершенно готово. Въ такой палаткѣ *(goatte)* у горныхъ Лопарей живутъ его жена, дѣти, старики; самъ же онъ и его работники ходятъ за стадомъ, располагаются иногда въ землянкѣ, иногда въ такъ-называемомъ *lavvu*, что̀ еще хуже устроено, чѣмъ *goatte*. Лавву устраивается тогда, когда олени располагаются въ недалекомъ разстояніи отъ палатки. Если же нѣтъ пастбища вблизи палатки, то начинается передвиженіе: палатка, все имущество, всѣ запасы переносятся на другое мѣсто. Такія странствованія, по словамъ Гёгстрема, случаются по два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ-того, горные лопари весною уходятъ къ морскому берегу, а осенью ворочаются на горы. Какъ ни тяжелы подобные переходы, еще тягостнѣе Лопарю его постоянный уходъ за оленями. Днемъ и ночью сторожитъ онъ волка, этого хитраго врага, который прячется въ кустарникахъ и ловитъ первый удобный случай, чтобы поймать

добычу. Главное дѣло въ присмотрѣ за оленями состоитъ въ умѣньи держать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Такъ-какъ число оленей горнаго Лопаря доходитъ до тысячи, а всѣ Лопари, живущіе въ такъ-называемой горной деревнѣ, держатъ ихъ всѣхъ въ одномъ стадѣ, то весьма естественна невозможность углядѣть за всѣми, когда имъ случится разбиться на небольшія кучки. Потому Лопарь и забѣгаетъ то туда, то сюда и старается собаками своими удержать всѣхъ оленей вмѣстѣ. Собаки такъ уже пріучены, что Лопарю стóитъ только указать на оленя, отбѣжавшаго отъ стада, какъ собака тотчасъ же кидается за нимъ. Но, несмотря ни на какія попеченія, волкъ всегда улучитъ возможность зарѣзать въ ночь нѣсколькихъ оленей. Во всю зиму Лопарь избавляется отъ труда бить оленей себѣ въ пищу; онъ ежедневно употребляетъ только растерзанныя жертвы волка, и, такимъ-образомъ, лишается лучшихъ кусковъ вмѣстѣ съ кровью, его любимымъ лакомствомъ. Несправедливо вообще полагаютъ, будто бы горный Лопарь питается только мясомъ. Правда, онъ варитъ себѣ крѣпкій бульонъ изъ мяса, который онъ употребляетъ безъ соли, въ-противоположность Лопарю рыболову; но я видѣлъ, какъ семья Лопаря ѣстъ хлѣбъ и масло, соленую рыбу, ланьинъ сыръ и проч. По-своему онъ ѣстъ очень порядочно, и это его существенное, впрочемъ единственное, преимущество передъ Лопаремъ-рыболовомъ. Послѣдній стоúтъ выше своего брата, горнаго, какъ въ религіозномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Наконецъ, и самый образъ жизни горнаго Лопаря болѣе дикъ и грубъ. Рыболовъ проводитъ бóльшую часть зимы у себя въ избѣ, тогда-какъ горный Лопарь принужденъ вѣчно бороться со стужею, бурею и непогодою и вообще жить болѣе скотскою жизнью, чѣмъ по-людски. Строенія Лопарей-рыболововъ, конечно, не обличаютъ большихъ успѣховъ въ архитектурѣ; но если уже онъ построилъ себѣ домъ, хлѣвъ для скота, то, значитъ, онъ большими шагами приблизился къ жизни осѣдлой. Но лѣтомъ онъ еще кочуетъ, а зимою иногда мѣняетъ свое жилище, такъ-что наполовину онъ кочевникъ и составляетъ, такимъ-образомъ, посредствующее звено между горнымъ Лопаремъ и постояннымъ поселенцемъ. Лопарь-рыболовъ, дѣйствительно, находится въ переходномъ состояніи; но такіе переходы весьма

тяжелы: такъ, у Лопарей энарскихъ этотъ переходъ отъ кочующей жизни къ осѣдлой повелъ за собою большое экономическое разстройство. Пожелаемъ, чтобы тѣ, у которыхъ въ рукахъ благосостояніе Лапландіи, уразумѣли бы важность и значеніе этого перехода и постарались бы провести энарскихъ Лопарей не на горы, не къ Норвежскимъ Фіордамъ, а къ той цѣли, къ которой они стремятся сами безсознательно, именно къ совершенно осѣдлой жизни.»

Сюда присоединимъ мы не менѣе любопытную характеристику Лопарей, живущихъ въ Русской Лапландіи. Кастренъ просто зоветъ ихъ русскими Лопарями. «Относительно образа жизни русскіе Лопари мало отличаются отъ нашихъ энарскихъ Лопарей. Они кормятся рыбною ловлею и лѣтомъ живутъ при озерахъ, при рѣкахъ и на приморьи, въ палаткахъ или рыбачьихъ избахъ. Осенью и позже отправляются они по домамъ, не столь разсѣяннымъ, какъ у энарскихъ Лопарей, но, по русскому обыкновенію, скученнымъ въ тѣсныя деревни. Уже этотъ самый родъ жизни доказываетъ достаточно, что русскіе Лопари далеко не имѣютъ такихъ огромныхъ стадъ оленей, какъ энарскіе Лопари: нето земля скоро бы совсѣмъ лишилась своихъ пастбищъ, и поселяне были бы принуждены безпрерывно перемѣнять свои жилища. Но число ихъ оленей весьма незначительно, и они столѣтія могутъ проживать на одномъ мѣстѣ. Есть много причинъ, почему русскіе Лопари отвыкли отъ оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу. Прежде всего сама природа ему особенно благопріятствуетъ: Ледовитое и Бѣлое море — сущія сокровища для рыбака. Кромѣ-того, въ Русской Лапландіи есть два большія, весьма богатыя рыбою озера Имандра и Нуотозеро и безчисленное множество малыхъ озеръ. Какже не воспользоваться Лопарю этими естественными богатствами и не промѣнять дикой горной жизни на болѣе легкіе промыслы? Русская церковь съ своей стороны весьма много способствовала тому, что Лопари преимущественно предались этому промыслу, потому-что православные почти половину года удерживаются отъ пищи, которую получаетъ Лопарь отъ своихъ стадъ, и, такимъ-образомъ, и по религіозной необходимости, русскій Лопарь обратился къ рыболовству. Впрочемъ, послѣ рыбной ловли содержаніе оленей составляетъ главный

промыселъ русскихъ Лопарей. Они также занимаются и торговлею; оттого въ каждой избѣ на стѣнѣ, рядомъ съ иконою, виситъ и безмѣнъ. Вообще они одарены сметливостью, но еще слишкомъ бѣлны, чтобы пускаться на большія предпріятія, ѣздить по городамъ и посѣщать ярмонки. Но уже въ Энарскомъ приходѣ попадаются тамъ-и-сямъ Лопари, прибывшіе за какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ изъ той или другой лопарской деревни. Предугадывая будущее, смѣло можно сказать, что русскіе Лопари, со своимъ торговымъ духомъ, сдѣлаютъ большіе успѣхи. Скотоводство имъ почти совершенно чуждо; ни одинъ не имѣетъ ни коровы, ни овцы. Невѣроятно, чтобы на скотоводство они обратили бо́льшее вниманіе, и потому уже, что сами Русскіе, ихъ наставники, пренебрегаютъ имъ.»

«Въ бытѣ русскихъ Лопарей замѣчается большое разнобразіе. По бо́льшей части зиму они проводятъ въ низкихъ и темныхъ избахъ, весьма похожихъ на избы энарскихъ Лопарей. Главное отличіе, кидающееся всякому въ глаза, состоитъ въ крышѣ плоской въ Русской Лапландіи, а въ Энарѣ приподнятой кверху. Во внутренности же избы разница въ томъ, что вмѣсто кровати у русскихъ Лопарей стоятъ кругомъ стѣны широкія лавки. На приморьи, въ мѣстахъ гористыхъ, безлѣсныхъ русскіе Лопари и зиму проводятъ въ палаткахъ, составляемыхъ ими изъ бревенъ или досокъ. Въ серединѣ палатка шире, а у концовъ несравненно уже. Стѣны, однако, не сходятся вмѣстѣ: оба конца завѣшиваются узкимъ полотномъ. Крыша плоская, покрывается торфомъ; полъ не настилается; по серединѣ палатки ставятъ обыкновенно очагъ. Третій родъ жилищъ составляютъ курныя избы, которыя, однако, несравненно хуже и меньше нашихъ финскихъ. Дымное отверстіе забивается кулькомъ, который поднимаютъ кверху длиннымъ шестомъ. Есть еще у нѣкоторыхъ русскихъ Лопарей четвертый родъ жилищъ, именно бѣлыя избы, совершенно такія же, какъ у русскихъ Кареловъ. У Лопарей, живущихъ въ черныхъ или бѣлыхъ избахъ, палатка обращена въ кухню. На тотъ же конецъ употребляются палатки и въ Остботніи — обычай, безъ-сомнѣнія, лопарскій.»

«Одежда почти у всѣхъ Лопарей одинаковая. Ихъ тулупъ, сапоги и порты — все оленье. У русскихъ Лопарей сапоги и

порты сшиваются вмѣстѣ; у другихъ же они отдѣлены, но зато такъ плотно прикрѣпляются къ голени, что снѣгъ совсѣмъ не проходитъ. Норвежскіе и финскіе Лопари въ морозы надѣваютъ на шею медвѣжій воротникъ, закрывающій не только лицо и уши, но и грудь и плечи. У русскихъ Лопарей такого воротника нѣтъ; но зато ихъ шапки съ наушниками закрываютъ бо́льшую часть лица. Такъ Лопарь наряжается преимущественно въ дорогѣ. У мужчинъ и у женщинъ нарядъ почти одинаковый; разница только въ шапкѣ, которая, по русско-лопарскому обычаю, у женщинъ гораздо выше и шире, нежели у мужчинъ. Въ нашей Лапландіи обыкновенная будничная одежда, и мужская, и женская, изъ толстаго холста и очень похожа на обыкновенную рубашку. Русскіе Лопари, кромѣ многаго другаго, заимствуютъ и русскій нарядъ.»

«Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ внутренней жизни. Въ отношеніи религіозномъ они стоятъ на весьма низкой степени; съ духомъ и ученіемъ христіанскимъ они мало знакомы. Въ церковь, находящуюся почти въ каждой деревнѣ или погостѣ, идутъ они за тѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько крестовъ передъ иконою. Впрочемъ, всѣ церковные обряды соблюдаютъ строго, но и много сохраняютъ суевѣрій; особенно вѣрятъ они въ колдовство. За свои въ немъ свѣдѣнія наибо́льшимъ почетомъ пользуются аккальскіе Лопари. Они извѣстны и въ Финляндіи, такъ-что къ нимъ ходятъ мужики даже изъ Саволакса за совѣтами насчетъ здоровья, о пропажѣ и т. д. Я слышалъ, что при гаданьяхъ своихъ они впадаютъ въ родъ изступленія, во время котораго и получаютъ будто бы различныя откровенія. Лопари убѣждены, что на это время душа разлучается съ тѣломъ, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, что́ за причина болѣзни и т. д. Что это изступленіе по бо́льшей части обманъ, въ томъ нечего и сомнѣваться. Но оно такъ всеобще у всѣхъ народовъ необразованныхъ, что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной дѣйствительности. Этого явленія нельзя относить къ числу тѣхъ явленій, которыхъ объясняютъ животнымъ магнитизмомъ, т.-е. вовсе не объясняютъ. Волшебникъ въ экстазѣ своемъ доводитъ себя до совершеннаго безсилія. Въ это время возникаютъ въ немъ, какъ во снѣ, разныя смутныя представленія о томъ, чѣмъ подъ-конецъ занята была его душа. Вотъ эти-то

представленія и стали считать откровеніями, а изступленіе — чѣмъ-то волшебнымъ. Говорятъ, что волшебникъ во всякое время способенъ бываетъ доходить до такого состоянія, и это полагаю я возможнымъ, на сколько дѣло идетъ о волшебникахъ, принадлежащихъ дикимъ народамъ. По-крайности, это явленіе стоитъ въ связи со многими другими явленіями въ жизни дикихъ народовъ. Я приведу нѣсколько указаній, быть-можетъ, менѣе важныхъ, но умѣстныхъ, такъ-какъ онѣ касаются до русскихъ Лопарей. Въ путешествіе мое по Лапландіи мнѣ часто совѣтовали быть осторожнѣе въ обращеніи съ русскими Лопарями, и особенно съ бабами, потому-де, что они часто приходятъ въ совершенное изступленіе и тогда не помнятъ ничего, что́ дѣлаютъ. Сначала я нисколько не вѣрилъ этимъ разсказамъ, считалъ ихъ за басни. Но однажды въ Русской Лапландіи, въ одной деревнѣ, сошелся я съ нѣсколькими Карелами и двумя русскими купцами. Одинъ изъ нихъ тоже убѣждалъ меня не раздражать Лопарокъ, утверждая, что нето будетъ res capitalis. По этому случаю одинъ изъ Кареловъ разсказалъ слѣдующее обстоятельство. «Однажды, еще въ самой молодости, ловилъ я рыбу на морѣ и встрѣтилъ одну лодку, — въ ней ѣхали Лопари. Въ лодкѣ была и женщина; она держала на рукахъ маленькаго ребенка. Увидавъ мой необыкновенный нарядъ, она такъ разозлилась, что кинула ребенка въ море. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ одномъ округѣ у терскихъ Лопарей. Сидимъ мы разъ въ избѣ и калякаемъ промежь себя, какъ вдругъ за стѣною послышался ударъ, какъ-будто отъ дубины или отъ молотка. Что́ же? Мигомъ, всѣ Лопари до одного, пали наземь, сначала нѣсколько барахтались руками и ногами, а потомъ лежали неподвижно, словно мертвые. Спустя нѣсколько времени стали они поворачиваться и подниматься и потомъ держали себя просто, какъ-будто все шло обыкновеннымъ порядкомъ.» Для бо́льшаго моего удостовѣренія, одинъ изъ купцовъ предложилъ мнѣ на дѣлѣ показать нѣсколько примѣровъ изступленной злости Лопарокъ. Прежде убралъ онъ ножи, топоръ и другія опасныя вещи. Потомъ поспѣшно подошелъ онъ къ одной бабѣ, всталъ передъ нею и хлопнулъ руками. Тутъ она, точно Фурія, накинулась на него, стала его бить, царапать, кусаться. Потомъ повалилась она на скамью, чтобы перевести духъ и

опять пуститься въ драку. Прійдя нѣсколько въ себя, она рѣшилась уже не горячиться. Тутъ она испустила изъ себя страшный, пронзительный крикъ. Въ эту минуту подошелъ къ ней другой купецъ, замахалъ ей въ глаза своимъ платкомъ и тотчасъ же убѣжалъ изъ горницы. Надо было видѣть, что́ дѣлалось съ нею! она кидалась отъ одного къ другому, кого била руками, кого стукала объ стѣну, кого хватала за волосы. Сидя въ углу, въ нетерпѣливомъ страхѣ дожидался я своей очереди. Наконецъ съ ужасомъ увидѣлъ, что она вперила на меня свой дикій взглядъ; потомъ съ распростертыми руками кинулась на меня и уже готова была вцѣпиться въ лицо мое своими когтями, какъ два здоровыхъ Карела схватили ее сзади. Она, въ совершенномъ безсиліи, упала къ нимъ на руки. Также разсердили одну дѣвочку, бросивъ ей на голову лучину. Со злости она стала бросаться изъ угла въ уголъ. Тогда ударили молоткомъ въ наружную стѣну — дѣвочка вздрогнула, закрыла глаза руками и тотчасъ же пришла въ себя. Эти факты, сколь ни незначительны они, доказываютъ, однако, что люди грубые легко выходятъ изъ себя и впадаютъ въ совершенное безпамятство; особенно же прилагается это къ волшебникамъ и колдунамъ, которые уже пріучаютъ *себя ко* всякимъ изступленіямъ и неестественнымъ напряженіямъ своихъ силъ.»

«Возвращаясь къ волшебству русскихъ Лопарей, замѣчу только, что у нихъ не нашелъ я никакихъ заклинаній, какія есть у Финновъ и называются *luwut*, *luku* въ единств. ч. Впрочемъ, отмѣтилъ у нихъ нѣсколько древнихъ выраженій и символическихъ обрядовъ. Такъ, въ Русской Лапландіи я видѣлъ, какъ одна баба лечила вывихъ. Она водила пальцами по вывиху, какъ бы хотѣла узнать больное мѣсто. Наконецъ ей удалось поймать: она сжала его между пальцами и стала кусать зубами и наконецъ выплюнула изъ себя перешедшаго въ нее злаго духа. Такъ повторялось нѣсколько разъ; но при этомъ не было никакого заговора: во время этой смѣшной операціи баба болтала все о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Особенно заняться колдовствомъ русскихъ Лоперей я не могъ, какъ потому, что не достаточно владѣлъ ихъ языкомъ, чтобы понять таинства магіи, такъ и потому, что не былъ въ тѣхъ краяхъ Лапландіи, гдѣ преимущественно оно въ обычаѣ.»

«Еще нѣсколько словъ о характерѣ русскихъ Лопарей. По характеру всѣ Лопари сходны другъ съ другомъ. Характеръ у нихъ похожъ на ручей, воды котораго текутъ тихо и медленно, такъ-что движеніе ихъ едва уловимо. Встрѣтитъ ли ручей большую преграду, онъ отклоняется въ сторону, но подъ-конецъ все же достигаетъ своей цѣли. Таковъ и характеръ Лопарей: спокойный, мирный, уклончивый; миръ — его любимое слово; о мирѣ первый у него вопросъ, миръ для него и прощальное слово, миръ для него все. Есть преданіе, что въ Лапландіи все по своей наружности обнажено, жалко и бѣдно, но внутри таится много золота. Едва и есть сокровище лучше того мирнаго покоя, которымъ обладаетъ Лопарь. Лишенный лучшихъ наслажденій жизни, посреди скупой природы, въ бѣдности и злополучіи, переноситъ онъ всѣ страданія съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ требуетъ только одного, какъ неизбѣжнаго условія своего благосостоянія, чтобъ не мѣшали ему пользоваться тѣмъ немногимъ, что́ онъ имѣетъ, чтобъ не нарушали его старыхъ обычаевъ и нѣкоторымъ бы образомъ не лишали его покоя, *мира*. Неблагопріятная природа постоянно побуждаетъ его къ работѣ и дѣятельности; но, между-тѣмъ, онъ охотно предается своей *мирной* жизни. Онъ не любитъ обширныхъ плановъ, умныхъ разсчетовъ и вообще внѣшней дѣятельности и предпочитаетъ ей тихое созерцаніе религіозныхъ и другихъ предметовъ, находящихся въ его маленькомъ мірѣ. Уже изъ этого краткаго очерка видно, что финскій типъ отражается въ лопарскомъ народномъ характерѣ. Подобно Лопарю, Финнъ по природѣ своей также тихъ, миренъ и переносливъ. Въ мелочахъ онъ легко уступаетъ; въ важныхъ же случаяхъ жизни онъ становится героемъ. Такимъ-образомъ, Лопарь рѣдко воспламеняется къ сильнымъ движеніямъ, но зато легко теряетъ свое спокойствіе духа, которое рѣдко покидаетъ его мужественнаго брата Финна. Внутренняя созерцательность, спокойное размышленіе общи обоимъ, но у Лопаря слабѣе, чѣмъ у Финна. Но и Лопарь имѣетъ свою долю въ томъ грустномъ настроеніи, которое составляетъ отличительную черту Финна и финскаго племени вообще; зато та глубокая грусть, снѣдающая сердце, которая доводитъ Финна до высокаго героизма, не знакома Лопарямъ. Грустное настроеніе Лопаря проявляется въ видѣ внѣшней угнетенности. Во-

обще можно сказать, что Лопарь, младшій братъ Финна, наслѣдовалъ больше свойствъ отъ матери, а Финнъ — отъ отца. Сказанное нами вообще о характерѣ идетъ также хорошо и къ русскимъ Лопарямъ. Въ деревняхъ, лежащихъ по большой *Мурманской* дорогѣ, Лопари уже теряютъ мало-по-малу свой коренной характеръ. Внутреннее довольство собою уступаетъ безсмысленной веселости, спокойное размышленіе — ловкой сметливости, жизнь мирная мѣняется на трудную и хлопотливую. Въ нихъ напрасно будешь искать той мягкости сердца, того тихаго настроенія духа, которое преимущественно отличаетъ другихъ Лопарей. Торговля и частыя сношенія съ Русскими и Карелами много способствовали къ выходу ихъ изъ естественнаго состоянія невинности. Также природныя коренныя свойства Лопаря много потерпѣли отъ смѣшенія жителей съ русскими Карелами. Въ кругу Русскихъ тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго Лопаря; но въ-отношеніи къ другимъ Лопарямъ онъ уже почти Русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ. За отсутствіемъ своихъ собственныхъ пѣсенъ, онъ поетъ иногда русскія. По праздникамъ, несмотря ни на какіе морозы, игра въ мячъ и другія забавы, заимствованныя имъ отъ Русскихъ, служатъ ему развлеченіемъ. Даже въ домашнемъ быту Лопарей замѣчаемъ русскіе нравы и обычаи, не говоря уже о русскомъ нарядѣ. Все, что мы выше сказали о ихъ веселости, хлопотливости, о ихъ торговомъ духѣ и т. д., — все это есть слѣдствіе русскаго вліянія. На основаніи всего вышесказаннаго можно смѣло утверждать, что русскіе Лопари раньше или позже совершенно сольются съ Русскими, и тѣмъ скорѣе, что они не имѣютъ своей собственной грамоты. Малое число русскихъ Лопарей подтверждаетъ это предположеніе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ исправника въ Колѣ, все лопарское населеніе въ Россіи простирается до 1,844 душъ.»

Мы съ намѣреніемъ выписали эти слова Кастрена о финской народности. Преувеличеніе тутъ очевидно. Вообще характеристика народностей дѣло весьма трудное: тутъ требуется необыкновенная осторожность въ наблюденіяхъ и выводахъ. Въ такихъ характеристикахъ слабы и доходятъ до ложныхъ преувеличеній ученые самые первостепенные. Вспомнимъ разсужденія Рогге, Вильды, Як. Гримма о древнихъ Герман-

цахъ, Шафарика, Мацѣевскаго и Палацкаго — о древнихъ Славянахъ. Во всѣхъ ихъ описаніяхъ есть что-то натянутое, болѣе идиллическое, чѣмъ строго ученое. Быть-можетъ, и чувство патріотизма немаловажною тому причиною. Какого бы безпристрастія ни достигъ народъ, онъ никогда не въ-состояніи достигнуть до строгаго логическаго опредѣленія своей собственной народности. Такое опредѣленіе онъ можетъ получить только отъ другихъ народовъ. Они всегда опредѣляютъ другъ друга гораздо лучше. Потому-то никакъ не должно пренебрегать никакимъ мнѣніемъ иностранца о томъ или другомъ народѣ. Надо только умѣть имъ пользоваться: именно брать во вниманіе не только то, что онъ хочетъ сказать, но и то, что сказалось у него нехотя. Иными словами, всякое мнѣніе иностранца объ извѣстномъ народѣ есть историческое свидѣтельство, фактъ, потому уже, что оно есть частное выраженіе общей мысли, общаго понятія его народа о той или другой народности. Какъ историку представляются факты въ двоякомъ видѣ, въ двоякомъ значеніи или, попросту, какъ есть, двоякаго рода факты — факты явные и факты тайные, изъ которыхъ послѣдніе особенно важны,—такъ точно и для этнографа наблюденія и мнѣнія иностранцевъ объ изучаемомъ имъ народѣ имѣютъ двоякое значеніе: во-первыхъ, выражаютъ отношенія къ нему чужихъ народностей, потому-что народность такая сила, отъ вліянія которой никакое лицо не можетъ избавиться, на весь складъ ума, на всѣ изгибы души кладетъ она неизгладимую печать — это ихъ значеніе прямое, явное — и, во-вторыхъ, важны потому, что со стороны лучше видно, что посторонній наблюдатель легко можетъ уловить отличительныя черты народа, которыя для него самого вовсе такими и не представляются. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что каждое мнѣніе или наблюденіе иностранца о томъ или другомъ народѣ слѣдуетъ принять на вѣру: нѣтъ! въ каждомъ надо доискиваться тайнаго смысла, и съ этой точки зрѣнія, въ самомъ злобномъ писателѣ, намѣренно все искажающемъ, можно отъискать много правды, вовсе не не лестной для народа, на котораго взведены были самыя странныя клеветы. Вотъ тайное значеніе мнѣній и наблюденій иностранцевъ объ извѣстномъ народѣ. Таково ихъ двоякое значеніе. Обращаясь къ русской народности, смѣло можно сказать, что

если бы свести всѣ толки и сужденія иностранцевъ о насъ, сравнить и сличить ихъ между собою и исключить только тѣ изъ нихъ, которые своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ взаимно уничтожаются, то въ итогѣ мы получили бы такое строго-логическое и истинное опредѣленіе нашей народности, до котораго мы сами никогда не достигнемъ, хотя чувствовать ее возможно намъ однимъ. Потому нѣтъ толка, нѣтъ сужденія иностранца о нашей народности, которымъ умный изслѣдователь рѣшится пренебречь. Всякое мнѣніе становится для него даннымъ, увеличиваетъ его запасъ матеріаловъ, которые надо сообразить, исправляетъ его выводъ и облегчаетъ ему достиженіе искомаго результата — строго-логическаго опредѣленія народности, что́ только наукѣ и надо, потому-что ей не принадлежатъ разныя идиллическія описанія и разсужденія о состояніи невинности. Глядя такъ на мнѣнія иностранцевъ, мы съ большимъ удовольствіемъ приведемъ сужденіе Кастрена объ отличительныхъ, по его мнѣнію, свойствахъ русскаго народнаго характера. Разсуждая, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 159 и сл.), объ исчезновеніи Финновъ по берегамъ Бѣлаго моря, онъ говоритъ, между-прочимъ, что не Русскіе оттуда ихъ вытѣснили, ниже они сами обрусѣли, чего быть не могло и потому, что Русскихъ доселѣ немного на сѣверномъ приморьи. Главная же тому причина та, что издревле населеніе бѣломорскаго берега было незначительно, что́ онъ и объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Если не ошибаюсь въ характерѣ и склонностяхъ Финновъ, то берега бѣломорскіе не представляютъ собою поприща для ихъ дѣятельности. Земледѣліе и скотоводство, по своему роду занятій, наболѣе подходятъ къ характеру Финновъ, и, кажется, Провидѣніе послало ихъ на землю для того, чтобы они своимъ упорнымъ и неутомимымъ трудомъ и терпѣніемъ внесли образованность въ пустыни Финляндіи, сѣверной Россіи и Скандинавіи. Финнъ любитъ эти занятія, потому-что неизбѣжнымъ условіемъ его благосостоянія имѣть себѣ свой маленькій міръ въ полномъ своемъ распоряженіи. Потому-то онъ часто мѣняетъ беззаботную жизнь подъ властію посторонняго человѣка на бѣдное жилище въ пустынѣ, думая, что лучше дома «пить воду изъ корзинки», чѣмъ «пиво изъ серебряной кружки». Вслѣдствіе такого расположенія къ тихой, спокойной и независимой дѣя-

тельности не могла и основаться большая Финская колонія на берегу Бѣлаго моря. Его неплодородные, негодные къ воздѣльванію берега и постоянные холодные вѣтры исключаютъ почти всякую мысль о земледѣліи. Здѣсь человѣку надо заняться морскимъ промысломъ, къ чему потребны шумная, мятежная и безпокойная жизнь, безпрерывное составленіе новыхъ предпріятій, — короче сказать, потребенъ бытъ, согласный съ русскимъ характеромъ. Въ Кольскомъ уѣздѣ находится 26 русскихъ деревень, и въ нихъ только пять человѣкъ занимаются земледѣліемъ. Скотоводство тоже весьма незначительно. И здѣсь между Русскими господствуетъ благосостояніе, тогда-какъ Финнъ обыкновенно является здѣсь въ жалкомъ видѣ нищаго или батрака. Конечно, эти промыслы одинаково доступны обѣимъ сторонамъ; но одарены онѣ неравными способностями, — а вся сила Русскаго состоитъ въ его умѣ, неистощимомъ на всякаго рода изобрѣтенія, разсчеты и предпріятія. Русскій ненавидитъ этотъ однообразный покой, высшее блаженство Финна. Для Русскаго невыносимо жить подъ кровлею своего дома и считать своимъ собственнымъ міромъ нѣсколько десятинъ земли. Его страсть всюду рыскать и сносить домой богатство изъ далекихъ краевъ. Такъ, лѣтомъ встрѣчаемъ его въ ладьѣ въ пристани Архангельской или у береговъ норвежскихъ, а зимою — по дорогамъ московскимъ или на рынкѣ нижегородскомъ. Тѣ же, кого недостатокъ средствъ не допускаетъ до большихъ предпріятій, все же не остаются дома, а разъѣзжаютъ на своихъ лодкахъ по Бѣлому морю и ловятъ лососей и сельдей, бѣлугу и морскихъ тюленей. Кто хочетъ быть сытъ зимою, лѣтомъ не можетъ оставаться дома. Онъ долженъ уходить на промыселъ, и если ему удастся пріобрѣсть нѣсколько копеекъ больше, чѣмъ нужно ему и семьѣ его, то зимою пускается онъ на торговыя предпріятія. Таковъ образъ жизни на бѣломорскомъ берегу, и, безспорно, онъ наилучше, хотя не исключительно, соотвѣтствуетъ мѣстности. Во всякомъ, однако, случаѣ, русскій человѣкъ съ своею безпокойною дѣятельностью и съ своею умною, разсчетливою смѣтливостью, кажется, одинъ и предназначенъ жить въ этомъ краѣ. Быть-можетъ, сама природа — общая праматерь — для того и создала людей тѣмъ, чѣмъ они есть; она нашла матеріалъ, который легко было переработать. Если заключать о

русскомъ народномъ характерѣ по жителямъ Архангельской губерніи, то нѣтъ въ мірѣ народа, который бы обладалъ такою житейскою мудростью, такимъ присутствіемъ духа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ Русскій. Онъ умѣетъ употребить въ свою пользу всякую мелочь.»

«Мы имѣли случай испытать на себѣ этотъ практическій смыслъ русскаго народа между Кемью и Кандалакшею. При отъѣздѣ изъ Колы потеряли мы свою подорожную, безъ которой нельзя получить почтовыхъ лошадей. Въ такомъ случаѣ намъ нужно было получить свидѣтельство. Едва узнали крестьяне объ этомъ, какъ всѣ согласились не пропускать насъ. Въ оправданіе свое говорили они, что всѣ ихъ лошади на полѣ, что и сами они только-что вернулись домой и очень устали, и тому подобное, — все это для того, чтобы заставить насъ дать высокую цѣну. Въ одной ближайшей къ Кеми деревнѣ встрѣтилъ я такое упрямое сопротивленіе, что рѣшился итти назадъ пѣшкомъ въ городъ, чтобы оттуда достать себѣ лошадей. Вѣроятно, изъ страха наказанія, крестьяне запрягли наконецъ пару дрянныхъ клячь.»

Обратимся теперь къ тому вопросу, который собственно и подалъ поводъ Кастрену высказать это мнѣніе. Это вопросъ о финскихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлаго моря. По-случаю прибытія своего въ деревню Манселькe, или Маасесидъ, и по поводу этого названія онъ высказываетъ такимъ образомъ свое мнѣніе: «Названіе это очевидно финское, такъ же, какъ по западнымъ, восточнымъ берегамъ Бѣлаго моря есть множество мѣстныхъ названій финскаго происхожденія. Это, казалось, могло бы подтвердить предположеніе *Шёгрена* о первоначальныхъ поселеніяхъ Карелъ по всему уѣзду Кольскому до Сѣвернаго океана включительно. Предположеніе свое *Шёгренъ* основываетъ не столько на мѣстныхъ названіяхъ, сколько на томъ вліяніи, которое имѣлъ финскій языкъ на русско-лопарскій, и на древнемъ преданіи о *Валитѣ*, или *Варентѣ*, славномъ владѣтелѣ въ Карелѣ или Кексгольмѣ, вассалѣ новгородскомъ, который «завоевалъ Лапландію, или Мурманскую землю», и заставилъ Лопарей платить дань Новгороду. Какую бы цѣну ни придавать этому преданію, на которое ссылались русскіе послы при переговорахъ о границахъ между

Россіею и Даніею, все же оно мало говоритъ въ пользу колонизаціи Русской Лапландіи Карелами.»

«Въ древнѣйшія времена, сколько можно заключать частью изъ ученыхъ преданій, частью изъ свидѣтельствъ письменныхъ, Финны и особенно Карелы часто совершали опустошительные набѣги на Лапландію не для того, чтобы тамъ поселиться на жительство, а только для грабежей. Тутъ иногда происходили отчаянныя битвы, въ которыхъ, естественно Лопари, по собственнымъ разсказамъ, одерживали верхъ. Вѣроятно, одинъ изъ такихъ походовъ и подалъ поводъ этому преданію о *Варентѣ*. Но въ то же время, какъ то можно заключать частью изъ финскихъ и лопарскихъ преданій, частью изъ историческихъ свѣдѣній, а также и изъ современныхъ отношеній, мирнымъ путемъ переселялись Финны въ Лапландію отдѣльными семьями, гонимые то неурядицею, то неурожаями. Когда же при выборѣ жилищъ посягали они на старинныя права Лопаря, на его лѣсъ, его ловища, то дѣло обыкновенно доходило до схватокъ, почему даже и многія мѣстности въ сѣверной Финляндіи носятъ, по преданіямъ, подобныя прозвища: *Riitasaari* (боевой, спорный островъ), *Torajärvi* (спорное озеро) и т. д. Когда же завладѣніе не противорѣчило правамъ первоначальныхъ жителей, то Финны поселялись тогда безпрепятственно, хотя, быть-можетъ, Лопари и не безъ зависти глядѣли на ихъ предпріятія. Когда же усилія первыхъ поселенцевъ увѣнчались успѣхомъ, молва объ этомъ привлекала и другихъ жителей, и, такимъ-образомъ, завелась не одна финская колонія въ Лапландіи. Въ примѣръ укажу на Энаре, Альтенъ, Пульмакъ, Сейда и Карасёки. Всѣ онѣ, впрочемъ, основаны уже въ позднѣйшее время; но образъ ихъ основанія былъ одинаковымъ во всѣ времена. Немного колоній (въ Русской же Лапландіи ни одной нѣтъ), которыя бы удержали свой языкъ и свою народность, что́, кажется, достаточно доказываетъ, что число финскихъ колонистовъ никогда не было значительно, не говоримъ уже: громадно, какъ думаетъ *Шёгренъ*, который утверждаетъ, что Карелы вытѣснили Лопарей изъ всей восточной и южной части Кольскаго уѣзда, овладѣли ихъ землею и потомъ подвинулись даже далѣе къ сѣверу. Въ такомъ бы случаѣ, крѣпкая финская народность не исчезла бы передъ слабѣйшею, лопарскою, которая ниже ея и въ умствен-

номъ отношеніи. Точно также ни на чемъ не основано и другое предположеніе Шёгрена о томъ, что будто бы эти Карелы были, съ своей стороны, отодвинуты на югъ Русскими, которые заселили южную часть Кемской Лапландіи. Этой догадкѣ также противорѣчитъ и слабая колонизація въ Лапландіи. Безспорно, однако, то, что населеніе по рѣкамъ Кеми и Торнео состоитъ изъ смѣси Саволаксовъ, Кареловъ и Лопарей. Саволакская стихія преобладаетъ болѣе на сѣверѣ, въ Кемитрескѣ, Соданкюле, въ Верхнемъ Торнео и Муоніонискѣ. Эту колонизацію можно отчасти объяснить семейными предпріятіями, доказывающими, что предки ихъ переселились сюда въ различныя времена, изъ различныхъ краевъ и отъ разныхъ причинъ, чаще отъ безпорядковъ и неурожаевъ. Карельская отрасль господствуетъ въ Рованіеми, Кеми и въ Нижнемъ Торнео. Время переселенія ихъ неизвѣстно; но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что эти поселенцы появились здѣсь мало-по-малу изъ нынѣшняго Кемскаго округа, сперва утвердились въ Рованіеми, откуда уже перешли въ Терволу, Кемь и Нижнее Торнео. Таковъ съ незапамятныхъ временъ обыкновенный торговый путь Кареловъ, быть-можетъ, возобновленный путь ихъ прежнихъ переселеній и набѣговъ. По-крайности, замѣчательно то, что поселенія Кареловъ прекращаются при Рованіеми. Въ благопріятной, по многимъ отношеніямъ, мѣстности, въ Кемитрескѣ, едва можно отъискать слѣды ихъ, тогда-какъ она бы служила непремѣннымъ ихъ убѣжищемъ въ томъ случаѣ, если бы они были вытѣснены изъ Русской Лапландіи въ Финляндію. Родство жителей Кеми, Торнео и Рованіеми съ русскими Карелами доказывается многими обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи особенно поразительны нѣкоторыя особенности языка, между-прочимъ, личныя мѣстоименія *mie*, *sie*, глагольное окончаніе *oitsen* (*öitsen*), окончанія нарѣчій на *sta* (вмѣто *sti* въ Торнео) и множество отдѣльныхъ словъ, которыя болѣе нигдѣ и не встрѣчаются. Старинный нарядъ тѣхъ и другихъ такъ схожъ съ русскимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, съ однимъ знакомымъ, принялъ одного крестьянина изъ моей родины, Терволы, за русскаго Карела. То же сходство обнаруживается и въ различныхъ орудіяхъ и домашнихъ вещахъ, напр., въ саняхъ, лодкахъ, косахъ, ларяхъ» и т. д.

«Если изъ предъидущихъ замѣчаній очевидна малая вѣроятность предположенія о населеніи южной части Русской Лапландіи исключительно Карелами, то нельзя въ то же время и не замѣтить въ южной части Кольскаго уѣзда смѣшенія Лопарей съ Карелами. Оно обнаруживается не только въ языкѣ, но и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, въ нравахъ и обычаяхъ. Такъ, въ Мансельке Лопари очень высокаго роста, не съ тонкимъ, пискливымъ дискантомъ, какъ обыкновенно у Лопарей, но съ густымъ басомъ, живутъ отчасти въ курныхъ, отчасти въ карельскихъ избахъ и столѣтія остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, что́ не въ обычаѣ Лопарей. Рѣчь ихъ переполнена карельскими словами и поговорками.»

«Не считаю нужнымъ перечислять множество феннизмовъ, слышанныхъ мною въ Мансельке. Вмѣсто этого скажу свое мнѣніе объ общемъ характерѣ русско-лопарскаго нарѣчія. Здѣсь не буду подразумѣвать нарѣчія терскаго, какъ совершенно мнѣ неизвѣстнаго. Русско-лопарское нарѣчіе, въ-отношеніи грамматическомъ, не представляетъ такой существенной разницы отъ остальныхъ лопарскихъ нарѣчій, какъ обыкновенно думаютъ. Отчасти оно подходитъ къ горно-лопарскому, отчасти къ энарскому. Главнымъ его отличіемъ — небольшія уклоненія въ формахъ, преимущественно же сокращеніе окончаній. Окончательный гласный звукъ уступилъ повсюду русскимъ полузвукамъ ъ и ь. Обыкновенныя въ другихъ нарѣчіяхъ твердыя согласныя встрѣчаются здѣсь рѣдко. Въ немъ нѣтъ и такого множества видоизмѣненій гласныхъ звуковъ, какъ въ энарскомъ нарѣчіи. Въ богатствѣ формъ оно далеко уступаетъ финскому, еще болѣе шведско-лопарскому нарѣчію. Русскіе Лопари сами дѣлятъ свой языкъ на три нарѣчія: одно господствуетъ въ с. Пецинги, Муотка, Патсёки, Сынель, Нуотозеро, Екостровъ, другое — въ с. Семиостровъ, Левозеро, Вороескъ, Кильдинъ, Мансельке, а третье — на Терскомъ полуостровѣ между Святымъ Носомъ и Поноемъ. Не будучи самъ лично во всѣхъ этихъ мѣстахъ, я ничего не могу сказать о вѣрности этого дѣленія. Всѣ различныя нарѣчія лопарскія весьма сходны между собою, если только не принимать во вниманіе чужія стихіи, которыя каждое изъ нихъ приняло въ себя изъ различныхъ языковъ. Лопари, къ несчастію своему, вступили въ сношеніе съ чужими народами въ то время, когда

языкъ ихъ былъ въ поръ самаго ранняго дѣтства, отчего онъ не только заимствовалъ множество чужихъ словъ, но даже и грамматика его, во многихъ случаяхъ, образовалась по чужимъ образцамъ. Это вліяніе съ разныхъ сторонъ и составляетъ различіе лопарскихъ нарѣчій между собою. Такъ, въ первомъ изъ упомянутыхъ нарѣчій русско-лопарскаго языка обнаруживается не только русское и финское, но и норвежское вліяніе. Второе, напротивъ, болѣе подвержено карельскому вліянію, нежели русскому. Въ однѣхъ мѣстахъ сильнѣе стихія русская, въ другихъ — карельская, особенно же въ Аккальской Лапландіи. Кто захочетъ узнать первоначальный языкъ лопарскій, долженъ подвергнуть всѣ его нарѣчія внимательному сравненію и всѣ ихъ отличительныя особенности разобрать и различить, объясняются ли онѣ чужимъ вліяніемъ. Такому испытанію не былъ подвергнутъ еще и финскій языкъ».

«Далѣе Кастренъ опять возвращается къ этому вопросу. «Дорога отъ Кандалакшы до Кеми — говоритъ онъ — около 262 верстъ, идетъ отчасти по берегамъ, отчасти внутри страны. Берегъ населенъ Русскими; деревни же, лежащія на нѣсколько верстъ въ-сторону, населены Карелами. Много Карелъ и въ русскихъ деревняхъ; но всѣ они переселились сюда уже въ недавнее время. Но все-таки множество мѣстныхъ названій и весьма распространенныхъ между жителями преданій доказываетъ, что русскія деревни, по-крайности, многія изъ нихъ, прежде населены были Карелами. Преданіе различаетъ *Финновъ*, у Русскихъ извѣстныхъ подъ именемъ *Шведовъ*, *Кареловъ*, *Карелляковъ* и *Чухонъ*. На юго-западномъ берегу Бѣлаго моря есть преданія только о Карелахъ; на южномъ и западномъ берегахъ древними жителями страны, должно-быть, была и Чудь, которую преданіе обыкновенно соединяетъ съ Ингрими и Эстами. Не вдаваясь въ подробное разбирательство этой весьма вѣроятной гипотезы о поселеніяхъ финскаго племени вплоть до береговъ Бѣлаго моря, обращусь только къ слѣдующему вопросу: куда же дѣвались древнѣйшіе жители этого прибрежья? Невѣроятно, чтобы они были оттѣснены Русскими въ Лапландію и оттуда въ Финляндію. По всей вѣроятности, а также по кое-какимъ уцѣлѣвшимъ преданіямъ и по слабости русскаго населенія въ сѣверной части Архангельской губерніи, заключить можно, что Рус-

скіе приходили сюда не вооруженною силою, не большими толпами: нѣтъ, ихъ просто привлекли сюда нужда, надежда на удобства жизни и духъ предпріимчивости, или, можетъ-быть, совершенно внѣшнія, случайныя причины побудили нѣсколько семействъ искать здѣсь себѣ жилищъ. Не было почти и мѣста праву сильнаго, по-крайности, въ тѣ времена, когда единство вѣры и правленія связывало въ одинъ союзъ и старожиловъ края, и новыхъ поселенцевъ. Съ теченіемъ же времени произошло столкновеніе различныхъ между собою народностей по языку, нравамъ и обычаямъ. Оно кончилось исчезновеніемъ Финской народности по берегамъ Бѣлаго моря, поскольку способенъ этотъ край къ тѣмъ промысламъ, которые приманивали болѣе Финновъ, чѣмъ Русскихъ. Что Русскіе поселились въ немъ мирно, приняли въ себя народность Финскую, а не искореняли ея, то доказывается и нечистотою русскаго языка Архангелогородцевъ, наполненнымъ фенпцизмомъ и финскимъ обличіемъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою.»

Обратимся теперь къ самоѣдскимъ изслѣдованіямъ нашего путешественника. Такъ представляетъ онъ понятія Самоѣдовъ о волшебствѣ. «У всѣхъ народовъ — говоритъ Кастренъ — предметы магіи одни и тѣ же; ихъ число соразмѣрно съ количествомъ желаній и потребностей человѣка. Преимущественно же оно занимается: 1) врачеваніями и 2) предсказаніями. У однихъ, какъ, напр., у Финновъ, преобладаютъ первыя, у другихъ же, напр., у Самоѣдовъ — послѣднія. Сообразно со степенью просвѣщенія и воззрѣніями различныхъ народовъ, а также и по-мѣрѣ ихъ дарованій, магія принимаетъ въ нихъ тотъ или другой характеръ: или волшебникъ—богъ, все создающій изъ глубины своего духа, или же онъ призываетъ себѣ на помощь другихъ боговъ. Такъ, финскій волшебникъ всѣмъ одинъ разпоряжается; его самовластіе выражается въ такъ-называемыхъ *sanat* (волшебныхъ изрѣченіяхъ), а глубокія его свѣдѣнія — въ *synty* (словахъ происхожденія — Entstehungs-Worten)».

«По понятіямъ Самоѣдовъ, волшебникъ самъ собою почти ничего не можетъ или очень мало: онъ только истолкователь міра духовъ, и вся сила его состоитъ въ томъ, что онъ можетъ вступать въ общеніе съ духами, такъ-называемыми Тадеб-

ціями, и получать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Подобно самимъ Самоѣдамъ, эти Тадебціи все народъ хитрый и самолюбивый. То ослушиваются они Тадиба, то запутываютъ его ложными изрѣченіями; надъ старыми Тадибами они только подсмѣиваются. Искусство Тадиба требуетъ, такимъ-образомъ, людей молодыхъ, крѣпкихъ. Здоровье и силы необходимы уже потому, что Тадибъ долженъ иногда, по приказанію Тадебціевъ, бить и рѣзать себя ножемъ и другими острыми орудіями. Обычай этотъ уже исчезаетъ; но прежніе Тадибы прокалывали себя копьями, изранивали себя стрѣлами, давали себя изрубать въ куски и потомъ снова воскресали. Это разсказываютъ и про доселѣ живущихъ Тадибовъ; а слѣдующій случай докажетъ нѣкоторую основательность этихъ разсказовъ. За нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ сошлись въ одной палаткѣ на Тиманской тундрѣ одинъ Русскій и три Самоѣда. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ въ таинства Тадиба. Изъ разныхъ случаевъ товарищи его предполагали, что онъ можетъ совершать чудеса. Во время какого-то обряда, въ изступленіи своемъ, Тадибъ приказывалъ выстрѣлить въ себя изъ ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ послушался приказанія; но пуля не попала, а отскочила отъ него. Другой Самоѣдъ зарядилъ ружье, выстрѣлилъ, но съ такою же неудачею. Русскій въ изумленіи зарядилъ снова ружье и убилъ Самоѣда наповалъ. На Канинской тундрѣ встрѣтилъ я чиновниковъ, посланныхъ на слѣдствіе по этому дѣлу. Я не знаю окончанія ихъ слѣдствія: мой разсказъ основанъ на общей молвѣ. О старинныхъ Тадибахъ разсказываютъ множество другихъ исторій, извѣстныхъ и Финнамъ. Они летаютъ по воздуху, плаваютъ подъ водою, подымаются до облаковъ, спускаются въ глубь земли и принимаютъ какой угодно видъ.»

«Объ образованіи Тадиба извѣстно мало. Званіе это наслѣдственное: magus non fit, sed nascitur. Того же мнѣнія и Финны; но у нихъ волшебникъ долго учится всякимъ заговорамъ и заклинаніямъ и другимъ искусствамъ. Самоѣдъ избавляется отъ всѣхъ этихъ трудовъ. Первый старается развить мудрость, завѣщанную ему отъ отца; послѣдній предоставляетъ это заботамъ Тадебція. Онъ только передаетъ то, что́ открываетъ ему Тадебцій, на языкѣ, ему одному понятномъ. Однако, и у Самоѣдовъ я слышалъ выраженіе: «ходить на ученіе къ Та-

дибу»; но никто не могъ мнѣ сказать, въ чемъ состоитъ это ученіе. Одинъ Самоѣдъ съ довѣрчивою откровенностію открылся мнѣ. Пятнадцати лѣтъ отданъ онъ былъ на ученіе къ Тадибу, потому-что изъ рода его вышло много славныхъ шамановъ. Два Тадиба были его учителями. Они завязали ему глаза, дали барабанъ въ руки и велѣли въ него бить. Затѣмъ одинъ Тадибъ ударилъ его по головѣ, другой — въ спину. И что̀ же? въ мигъ просвѣтлѣла голова ученика. Множество Тадебціевъ представилось взорамъ мальчика: они плясали на ногахъ и рукахъ. Онъ пришелъ въ такой ужасъ, что побѣжалъ къ священнику и тотчасъ же крестился. Послѣ того уже онъ никогда не видалъ Тадебціевъ. Для ясности слѣдуетъ прибавить, что Тадибы предварительно разгорячили его воображеніе разными чудесными разсказами о Тадебціяхъ.»

«Если Тадибъ хорошо посвященъ въ свое искусство, то онъ ходитъ всегда въ особомъ нарядѣ и съ барабаномъ. Барабанъ, смотря по состоянію Тадиба, украшается разными болѣе или менѣе дорогими украшеніями: мѣдными кольцами, оловянными бляхами и т. п. Онъ всегда круглый; но величина его мѣняется. Самый большой, какой я только видѣлъ, имѣлъ $^3/_4$ аршина въ поперечникѣ и $^1/_8$ аршина въ вышину. Обтянутъ онъ тонкою оленьею кожею. Эта ничтожная вещь для Тадиба имѣетъ огромное значеніе. Барабаномъ онъ воспламеняетъ свой духъ; его рѣзкіе звуки проникаютъ въ мрачный міръ духовъ и пробуждаютъ ихъ отъ постояннаго сна. Нарядъ Тадиба и красивъ, и рѣдокъ. Онъ состоитъ изъ замшевой рубахи, по имени Samburtsja, обшитой краснымъ сукномъ. Всѣ швы обшиты краснымъ сукномъ; изъ него же ластовицы и плечи. Глаза и все лицо закрываетъ онъ платкомъ, потому-что внутреннимъ зрѣніемъ Тадибъ глядитъ въ міръ духовъ. Голова не покрыта; только узкій кусокъ краснаго сукна надѣвается на шею, а другой, такой же, закрываетъ макушку. На груди — желѣзная бляха.»

«Обращаясь за совѣтомъ и помощью къ Тадебцію, Тадибъ садится; тутъ прислуживаетъ ему другой Тадибъ, не столь посвященный въ искусство. Дѣло начинается тѣмъ, что старшій Тадибъ начинаетъ бить въ барабанъ и при этомъ поетъ какимъ-то таинственнымъ, печальнымъ напѣвомъ. Другой Тадибъ ему вторитъ, и поютъ они все одно и то же, подобно

пѣвцамъ нашихъ финскихъ рунъ. Каждое слово, каждый слогъ протягиваются до безконечности. Лишь-только послѣ краткаго предисловія начинается разговоръ съ Тадебціемъ, старшій Тадибъ умолкаетъ и только слегка бьетъ по барабану. Вѣроятно, тогда онъ слушаетъ отвѣты Тадебція. Межь-тѣмъ, товарищъ продолжаетъ пѣть, на чемъ остановился старшій. Когда этотъ послѣдній окончитъ свой нѣмой разговоръ съ Тадебціемъ, оба Тадиба подымаютъ дикій вой, барабанный бой усиливается, и наконецъ изрѣченіе оракула извѣщается. Я долженъ еще прибавить, что пѣсня Тадиба мало содержитъ въ себѣ словъ и всегда бываетъ импровизаціею. Въ пѣсняхъ своихъ Самоѣды обращаютъ мало вниманія на слова, еще менѣе — на размѣръ стиха. Слово приходитъ само собою, и если не годится въ мелодію, то отбрасываютъ тотъ или другой слогъ или протягиваютъ его, смотря по требованіямъ мелодіи. Когда же Самоѣдъ не поетъ, а говоритъ пѣсню, то всегда придерживается извѣстнаго размѣра, къ которому уже и ухо мое привыкло. Размѣръ этотъ трудно собственно опредѣлить.»

«Представлю теперь нѣсколько случаевъ чародѣйства Самоѣдовъ. Если, напримѣръ, пропадетъ олень, тогда напѣвъ очень простой. Тадибъ вызываетъ Тадебція и, какъ говорилъ мнѣ одинъ Тадибъ, произноситъ слѣдующія слова: «Придите, придите, духи волшебные! Если не придете, я самъ приду къ вамъ. Пробудитесь вы, духи волшебные! Я пришелъ къ вамъ— вставайте!» Тадебцій на это: «Что́ кричишь ты, что́ тревожишь нашъ покой?» Тадибъ: «Пришелъ ко мнѣ одинъ Ненецъ (Самоѣдъ — Njenets): онъ сильно мучитъ меня; пропалъ у него олень. Для того и пришелъ къ вамъ.»

«На этотъ зовъ обыкновенно является одинъ Тадебцій. Когда же является ихъ нѣсколько, то говорятъ все разное, одинъ одно, другой другое, и Тадибъ недоумѣваетъ рѣшительно, кого ему слушать. Онъ проситъ своего услужливаго духа сыскать оленя. «Ищи, ищи хорошенько, чтобы олень не пропалъ совсѣмъ.» Тадебцій, конечно, повинуется. Тадибъ же кричитъ ему, чтобы онъ все искалъ оленя, пока не найдется. Если Тадебцій ворочается ни съ чѣмъ, онъ снова посылаетъ его. Не лги — говоритъ онъ — солжешь, мнѣ плохо будетъ. Надо мною станутъ смѣяться товарищи. Говори, что́ ты видѣлъ, говори и хорошее, и дурное. Скажи только слово. Ска-

жешь много (т.-е. неопредѣленно, непонятно), то мнѣ плохо будетъ...» и т. д. Тадебцій указываетъ на мѣсто, гдѣ увидѣлъ оленя. Тогда Тадибъ идетъ за нимъ на указанное мѣсто; но часто бываетъ, что или олень убѣжитъ оттуда, или другой Тадибъ съ помощью своихъ Тадебціевъ заложитъ слѣды оленя. Нельзя не предварить читателя, что всякій Тадибъ, передъ заклинаніемъ своихъ духовъ, распрашиваетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ пропажи, когда, гдѣ, не подозрѣваетъ ли кого обокраденный, кто у него сосѣди, кто изъ нихъ ему недругъ? Если онъ не получаетъ въ отвѣтъ нужныхъ подробностей, то обращается къ своему барабану, распрашиваетъ обо всемъ этомъ Тадебція, потомъ снова обращается къ Самоѣду, и т. д.... пока не достигнетъ извѣстнаго убѣжденія въ томъ, какъ дѣло происходило. Это-то убѣжденіе онъ и слышитъ въ своемъ изступленіи отъ Тадебція. Быть-можетъ, оно приходитъ къ нему въ его восторженномъ состояніи, какъ сонъ. Какъ бы то ни было, но Тадибъ вполнѣ вѣритъ, что получаетъ рѣшеніе изъ устъ самого Тадебція. Въ этомъ убѣдило меня, кромѣ спокойныхъ, тихихъ, благоговѣйныхъ разсказовъ Тадиба объ этомъ, и то еще обстоятельство, что гадальщикъ часто признается, что онъ не могъ призвать Тадебція и получить отъ него удовлетворительнаго отвѣта, что часто бываетъ при такихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ легко сочинить что ему было угодно.»

«Кромѣ этого есть еще другое средство получить свѣдѣніе о пропавшемъ оленѣ. Къ нему и обращаются обыкновенно Самоѣды, не посвященные въ таинства волшебства. Изъ оленьихъ роговъ образуютъ на землѣ кругъ; въ серединѣ этого круга кладутъ какой-нибудь камешекъ, а на него, крестообразно, какой-нибудь кусокъ желѣза, такъ, что онъ легко можетъ свалиться въ-сторону. Тогда Самоѣдъ начинаетъ ходить кругомъ, пока упадетъ этотъ кусокъ въ ту сторону, гдѣ находится олень, и когда онъ пойдетъ по этому направленію, то олень самъ прибѣжитъ къ нему навстрѣчу. Такимъ же образомъ ищетъ онъ и заблудившихся людей, съ тою только разницею, что тогда кругъ образуется изъ волосъ человѣческихъ.»

Когда же къ помощи Тадиба обращается больной, то гаданіе начинается не въ тотъ же день, а откладывается до «пер-

вой зари». Въ-продолженіе ночи Тадибъ обращается со своими Тадебціями и проситъ у нихъ помощи и совѣта. Если къ утру больному легче, тогда Тадибъ берется за барабанъ; въ противномъ же случаѣ, надо дожидаться до «седьмой зари». Если же и тутъ больному не лучше, то Тадибъ объявляетъ его неизлечимымъ и въ такомъ случаѣ даже и не пробуетъ его лечить. Если же въ опредѣленный срокъ состояніе больнаго измѣнилось къ лучшему, тогда Тадибъ распрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана ему болѣзнь Если же тотъ не знаетъ, тогда Тадибъ начинаетъ выспрашивать у него, кто его недругъ, и т. д. Когда больной не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, тогда Тадибъ обращается съ запросами къ Тадебцію. Не узнавъ причины, начала болѣзни, Тадибъ ни на что́ не рѣшается. Можетъ-статься, болѣзнь послана Богомъ; а никакой Тадибъ не пытаетъ безнаказанно всемогущества Божьяго. Если же извѣстно, что болѣзнь произошла отъ дурныхъ людей, тогда Тадибъ умоляетъ Тадебція помочь больному: неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой помощи бываетъ то, что захварываетъ тотъ самый, который наслалъ болѣзнь. Не знаю, можно ли полагаться на увѣреніе Тадибовъ, однако, они увѣряли меня, что при леченіи другихъ средствъ никакихъ они не употребляютъ. Самъ я не нашелъ у нихъ другаго леченія, кромѣ всѣмъ народамъ извѣстнаго горячаго леченія. При этомъ Самоѣды поступаютъ такимъ образомъ: берутъ березовикъ, сушатъ его, потомъ отрѣзываютъ два маленькіе кусочка, зажигаютъ ихъ и кладутъ на больное мѣсто. Они считаютъ за хорошій знакъ, когда эти кусочки отскакиваютъ отъ тѣла: тогда боль отлетаетъ. Изъ этихъ словъ видно, что Тадибы, хотя и слывутъ людьми мудрыми и проницательными, имѣютъ, однако, весьма ограниченныя свѣдѣнія. Зато у нихъ есть Тадебціи, эти услужливые духи; но и они не полновластны, а повинуются Нуму, или Илибеамбаэрте (Jilimbeambaertje, Jilenbartje), какъ Самоѣды называютъ своего бога. Это доказываетъ, между-прочимъ, и одна пѣснь, въ которой одинъ Тадибъ отсылаетъ своего Тадебція къ Нуму, чтобы просилъ о помощи больному. Тадибъ обращается къ Тадебцію со слѣдующими словами: «Не покинь больнаго, иди на небо, иди къ Илибеамбаэртѣ и проси у него помощи». Тадебцій повинуется приказанію, но возвращается назадъ, го-

воря: «Илибеамбаэрте ни слова не говоритъ, не подаетъ помощи». Тогда Тадибъ умоляетъ самого Талебція пособить ему; но тотъ отвѣчаетъ: «Какъ мнѣ пособить? Я еще меньше Нума: я не могу помочь». Тадибъ продолжаетъ его упрашивать, чтобы онъ поднялся наверхъ и настаивалъ бы у Нума о помощи и о спасеніи. Талебцій, съ своей стороны, зоветъ Тадиба туда. «Но онъ слишкомъ далекъ отъ меня. Если бы я могъ къ нему приблизиться, то не просилъ бы тебя, но самъ бы пошелъ къ нему. Ступай ты къ нему.» Талебцій наконецъ повинуется и говоритъ: «Для тебя я пойду; но меня все бранитъ Илимбеамбаэрте и все твердитъ, что мнѣ ни слова не скажетъ...» и т. д.

«Въ связи съ этимъ я — говоритъ Кэтренъ — передамъ нѣсколько замѣчаній о языческомъ богоученіи Самоѣдовъ. Объ этомъ Нумѣ Самоѣды говорятъ почти то же самое, что́ извѣстно изъ финскихъ пѣсенъ объ Укко. Нумъ возсѣдаетъ на воздухѣ и посылаетъ оттуда громъ и молнію, дождь и снѣгъ, вёдро и бури. Его часто смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое тоже зовется Нумомъ. Звѣзды считаются частями Нума и потому называются *Numgy*, т.-е. принадлежащее къ Нуму. Радуга — край плаща Нума, какъ то видно изъ ея названія — *Numbanu*. Солнце тоже называется Нумомъ, или Илимбеамбаэрте. При наступленіи дня выходитъ Самоѣдъ изъ своей палатки, а при закатѣ солнца читаетъ такую молитву: «Если ты, Илимбеамбаэрте, уходишь, то я пойду.» Отъ нѣкоторыхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что и земля, и море, и вся природа — Нумъ. Другіе же, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства, обыкновенно почитаютъ его творцомъ міра и твердо убѣждены, что онъ самый и есть міроправитель, что онъ даруетъ человѣку и счастіе, и благо, и оленей, и лисицъ, и всякаго рода богатство. Нумъ же хранитъ оленей отъ дикихъ звѣрей, почему и называется Илимбеамбаэрте, т.-е. стражъ скота. Нумъ все знаетъ и видитъ, что́ ни дѣлается на землѣ, и, видя человѣка добродѣтельнаго, во всемъ даритъ ему удачи, даетъ ему оленей и счастливый ловъ, долголѣтнюю жизнь и т. д. Если же люди согрѣшаютъ, то онъ ввергаетъ ихъ въ нищету и напасти и посылаетъ имъ преждевременную смерть. Не имѣя яснаго представленія о жизни будущей, Самоѣды вообще думаютъ,

что возмездіе безусловно существуетъ въ жизни настоящей. Эта вѣра воспитываетъ въ нихъ безграничное отвращеніе къ грѣхамъ (haebea) и злодѣяніямъ, особенно къ убійству, воровству, клятвопреступленію, къ прелюбодѣянію. Хотя сами они употребляютъ вино, но пьянство считаютъ грѣхомъ. Что́ касается до отдѣльныхъ наказаній, которыми посѣщаетъ Нумъ грѣшниковъ, то я слышалъ, что убійство и клятвопреступленіе наказываются смертію, воровство — бѣдностью, нецѣломудріе — несчастными родами», и т. д.

«Кромѣ Нума, Самоѣды почитаютъ также и своихъ домашнихъ боговъ, фетишей, или такъ-называемыхъ *Хаевъ (Hahe)*, открываютъ имъ свои желанія и труды, обращаются къ нимъ за помощью во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и особенно въ охотѣ. Хаи и Тадебціи, сходныя между собою, Нуму подчиненныя божества; между ними существуетъ только та разница, что Тадебціи — существа духовныя, видимыя только изощренному взору Тадиба, тогда-какъ одаренные тѣломъ Хаи могутъ быть вопрошаемы и неносвященными въ таинства волшебства. Эти Хаи бываютъ двухъ родовъ: или естественные, или искусственные. Къ первымъ принадлежатъ или необыкновенные каменья, деревья и другіе предметы природы. Наткнется Самоѣдъ на подобную рѣдкость, которая, по его богословскимъ понятіямъ, годится въ боги, онъ окутываетъ ее разными пестрыми повязками и платками и таскается съ нею всюду, куда ни отправится. Язычники-Самоѣды имѣютъ и особыя сани, подъ названіемъ *Hahen gan*. Въ нихъ прячутъ они своихъ домашнихъ боговъ и берутъ ихъ съ собою въ дорогу. Если божественный предметъ такой величины, что въ сани не уложится, то его чтутъ, какъ общее народное божество. Такихъ народныхъ боговъ много на островѣ Вайгачѣ. Они всѣ состоятъ изъ скалъ и каменьевъ. (*) Главный изъ нихъ находится посереди острова и называется ja jieru Hahe, т.-е. Хай, *хозяинъ земли*. Кумиръ этотъ изъ камня и стоитъ при пропасти. Говорятъ, что здѣсь камня этого прежде никогда и не было, и никто не знаетъ, откуда

(*) Ислявинъ кладетъ число этихъ кумировъ до 20, кромѣ которыхъ былъ нѣкогда одинъ изъ дерева, который сожгли миссіонеры въ 1827 году.

явился онъ. По виду онъ похожъ на человѣка, съ исключеніемъ головы, гдѣ у камня остріе. По этому образцу, говоритъ преданіе, составили Самоѣды изъ дерева большіе или меньшіе кумиры, которыхъ называютъ они *Sjadaei*, потому что у нихъ видъ человѣческій (sja'). То по бо́льшей части божества мужскія или женскія одѣты въ обыкновенный самоѣдскій нарядъ, украшены разными поясами, повязками и всякими блестящими бездѣлушками. Но встрѣчаешь также и совершенно нагихъ Сялеевъ, на мѣстахъ охоты Самоѣдовъ, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ.»

«За недостаткомъ дерева, Самоѣды дѣлаютъ себѣ фетишей изъ земли и снѣгу, которые, подобно всѣмъ фетишамъ, носятъ общее имя *Хаевъ*. Кумиры эти, и особенно снѣжные, естественно годны только на короткое время, на извѣстный случай, — напримѣръ, при совершеніи присяги. Къ этому религіозному обряду часто прибѣгаютъ Самоѣды-язычники. Обокрадутъ ли Самоѣда и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, сейчасъ прибѣгаютъ къ присягѣ: дѣлаютъ истукана изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со слѣдующими словами: «Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака.» Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ никогда не рѣшится къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вмѣсто Хая при присягахъ употребляютъ и медвѣжью голову, которую разрѣзываютъ на куски. Такая присяга считается самою сильною; ибо въ представленіяхъ Самоѣда медвѣдь то же могучее божество, еще могучѣе Хая. По словамъ Самоѣдовъ, присяга чаще всего употребляется при кражѣ, но бываетъ и въ другихъ случаяхъ, и необращеннымъ Самоѣдамъ дозволено въ русскихъ судахъ давать присягу по своимъ обрядамъ.»

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда умоляютъ Хая или Сядея о помощи, всегда бываютъ необходимы жертвы. Если просятъ о счастливой охотѣ, то всякій можетъ приносить жертву; при болѣе же важныхъ обстоятельствахъ долженъ Талибъ совершать жертвоприношеніе. Обряды эти болѣе или менѣе измѣняются, смотря по Талибамъ и по мѣстностямъ. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ разсказывали, что Талибъ, устроивъ на землѣ

Хая, втыкаетъ въ землю передъ истуканомъ прутъ, наклонно, и повязываетъ на его верхушку красную тесьму. Потомъ становится Тадибъ за прутомъ лицомъ къ кумиру, начинаетъ бить въ свой барабанъ и пѣть Хаю пѣсню, выражая въ ней свои прошенія. Когда, черезъ извѣстное время, тесьма начнетъ подвигаться на прутъ (послѣ скрытыхъ дѣйствій Тадиба), то это означаетъ, что Хай начинаетъ говорить Тадибу. Его рѣчи Тадибъ истолковываетъ просителю, и содержаніе ихъ обыкновенно состоитъ въ томъ, что Хай обѣщаетъ исполнить всѣ желанія, только подъ тѣмъ условіемъ, что получитъ въ жертву оленя, теленка и т. д. Нерѣдко случается, что проситель начинаетъ торговаться съ богомъ и проситъ его взять самца оленя, самку вмѣсто самки, лонского и т. д., или же упрашиваетъ объ отсрочкѣ жертвоприношенія, что́, смотря по дѣлу, божество отказываетъ или позволяетъ. При жертвоприношеніяхъ женщины не могутъ присутствовать. Передъ божество приводятъ оленя; тутъ его закалываетъ Тадибъ. Голову, рога и кожу вѣшаютъ обыкновенно на дерево передъ Хаемъ; лице его Тадибъ орошаетъ кровью и жаритъ немного жиру на огнѣ. Въ этомъ и состоитъ угощеніе божества; все же остальное съѣдаетъ самъ Тадибъ, вмѣстѣ съ присутствующими при жертвѣ. Здѣсь всегда строго соблюдается, чтобы не пролить на одежду ни капли крови: то большой грѣхъ и приноситъ несчастіе.» Приведемъ еще слѣдующее любопытное мѣсто, хорошо знакомящее съ религіозными воззрѣніями Самоѣдовъ. Нашъ путешественникъ проплылъ, при попутномъ вѣтрѣ, по р. Хирмору около 40 верстъ до Коси, притока Іузы, и оттуда около 50 верстъ до рѣки Хусмора, или Рёгёвей. Здѣсь присталъ онъ къ берегу и тутъ же повстрѣчалъ одну Самоѣдку, которая передала ему множество занимательныхъ подробностей. Нельзя по-истинѣ не удивляться тому ловкому такту и умѣнью, съ которыми этотъ даровитый ученый добывалъ себѣ у народа самыя любопытныя свѣдѣнія. Сочетаніе-то этого умѣнья съ тонкою наблюдательностью и глубокими познаніями, пріобрѣтаемыми только усидчивымъ кабинетнымъ трудомъ, и составляетъ, кажется, главное отличіе Кастрена, какъ ученаго. Въ этомъ отношеніи его всегда можно поставить образцомъ для всякаго этнографа, который часто остается односторонникъ и въ изысканіяхъ,

и выводахъ своихъ, если при большомъ запасѣ своихъ личныхъ наблюденій надъ извѣстною народностью не имѣетъ такого же запаса свѣдѣній обо всемъ томъ, что́ сказали о ней другіе наблюдатели, а также и того, что́ говоритъ о ней исторія (если она имѣется). Другими словами, предметъ изучаемый будетъ всегда казаться только съ одной стороны, и понятія этнографа будутъ узкими и ограниченными въ обоихъ случаяхъ—отдастся ли онъ одному опыту и положится только на свое зрѣніе, а ученостью *книжною* пренебрежетъ, и обратно. Но, кромѣ этого рѣдкаго сочетанія, Кастренъ обладалъ и другою способностью — живо воспроизводить предметы своихъ тонкихъ, мѣткихъ наблюденій. Да, въ немъ жилъ даръ творчества, признакъ натуры даровитыхъ людей, и, припомнивъ огромныя познанія и энергическую дѣятельность, нельзя не сожалѣть о его ранней кончинѣ: все обѣщало въ немъ ученаго въ высшей степени замѣчательнаго.... Вернемся къ той Самоѣдкѣ, къ которой Кастренъ обратился за распросами тотчасъ же, несмотря на то, что самъ усталъ донельзя и промокъ до костей.

«Я естественно постарался усвоить ея свѣдѣнія въ волшебствѣ. Вообще отъ Самоѣда не легко получить какой бы то ни было удовлетворительный отвѣтъ, кромѣ краткаго *jekar* (не знаю); теперь же мнѣ не стоило никакого труда исчерпать весь запасъ свѣдѣній старухи. Многое изъ него уже сообщено было выше. Прежде же всего отмѣчу разсказъ старухи объ *Уріерѣ*, самоѣдскомъ шаманѣ, о которомъ вообще говорятъ, что онъ живымъ былъ взятъ на небо. Разсказъ этотъ былъ переданъ старухою почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ-старину жилъ на землѣ одинъ Тадибъ, по имени *Уріеръ*. То былъ Тадибъ изъ Тадибовъ, мудрецъ изъ мудрѣйшихъ, врачъ изъ врачей, прорицатель изъ прорицателей; то былъ человѣкъ, какого въ наше время и не видалъ свѣтъ. Надо ли было открыть пропажу оленя ли, или какого сокровища, получить ли здоровье, или счастье и богатство, стоило только обратиться къ Тадибу Уріеру за совѣтомъ. Уріеръ имѣлъ большія стада, много прошелъ земель, много видалъ людей, наконецъ утомился тягостями земной жизни. «Здѣсь— говорилъ онъ — хозяйство все хуже становится, мохъ съ годами пропадаетъ, воровство случается чаще, ложь и не-

правда множатся въ людяхъ. Не хочу я дольше жить на этой бѣдной землѣ, поищу я лучшаго жилища на небѣ.» И велѣлъ онъ обѣимъ женамъ своимъ одѣться въ новыя платья, для оленей приготовилъ новую сбрую, все новое, чтобы ничего не было стараго, поношеннаго. Когда все было готово, Уріеръ сѣлъ въ сани, запряженныя въ четыре оленя, и поѣхалъ по воздуху. За нимъ послѣдовали его жены, каждая въ особыхъ саняхъ. Доѣхавъ до половины дороги, стали олени Уріера опускаться внизъ. Тутъ онъ догадался и спросилъ своихъ женъ, все ли они исполнили, какъ онъ приказалъ, все ли у нихъ, и одежда, и упряжь, новое, не надѣванное, не поношенное. Тутъ вторая жена Уріера покаялась и сказала, что у нея одинъ узелокъ уже одѣванный, старый. Тутъ и стала она со слезами упрашивать его отпустить ее на землю, гдѣ остались у нея два сына. «Лучше мнѣ жить на землѣ въ печаляхъ, да съ своими дѣтьми, чѣмъ на небѣ радоваться безъ дѣтей». Послушался Уріеръ и отпустилъ жену на землю, самъ же съ первою женою отправился на небо и нашелъ тамъ все, что́ только человѣкъ пожелать можетъ: крѣпкихъ оленей, мохъ, дичь всякую и проч. (*)

«Замѣчательно, что и понынѣ Самоѣды вѣрятъ въ эти небесныя путешествія. Случится ли, что злодѣй какой или клятвопреступникъ пропадетъ въ пустынныхъ тундрахъ, значитъ его медвѣдь съѣлъ; если же та же судьба постигнетъ человѣка честнаго, то рѣшительно говорятъ, что онъ, подобно Уріеру, отправился на небо.

«Безсмертіе — важное преимущество Тадибовъ передъ людьми обыкновенными, ибо Самоѣды живутъ съ мрачнымъ убѣжденіемъ, что смертію кончается все существованіе человѣка. Но, кажется, они принимаютъ, что человѣкъ живетъ еще нѣкоторое время въ могилѣ: такъ, они приносятъ на могилу топоръ, ножъ, деньги и разныя вещи, а время-отъ-времени даже бьютъ на могилѣ оленя; когда же сгніетъ трупъ, то ду-

---

(*) Есть варіантъ этого разсказа, по которому обѣ жены съ дѣтьми своими отправились за Уріеромъ на небо. Нѣсколько времени спустя одинъ изъ его сыновей вернулся на землю и разсказалъ Самоѣдамъ о чудесахъ небесныхъ, о тамошнемъ множествѣ оленей и пастбищъ и проч.

мають, что съ человѣкомъ все кончено. Только Талибы наслаждаются безсмертіемъ; а по смерти своей они превращаются въ такъ-называемые Итармы, которые, по всему, что я могъ собрать, и есть Талебціи канинскихъ тундръ. Про нихъ говорятъ, что они или лежатъ себѣ спокойно въ могилахъ, или блуждаютъ по землѣ и творятъ добро или зло, смотря по характеру. Впрочемъ, къ Итармамъ Самоѣды чувствуютъ особенный страхъ и потому не любятъ много про нихъ говорить.»

«Разсказы старухи меня утѣшили — продолжаетъ Кастренъ — и я спокойно выносилъ страшный ливень; а Мельпомена изрѣдка обращалась къ зеленой фляжкѣ для подкрѣпленія духа. Наконецъ она угомонилась и заснула. Оставивъ ее своей судьбѣ, полезъ я въ свой балаганъ, покрылся оленьей шубой и легъ на свое каменное ложе. На слѣдующее утро (22 сент.) подулъ попутный вѣтеръ: скоро нагналъ онъ тучи, которыя и подарили насъ сильнымъ дождемъ. Воздухъ былъ сырой, и земля покрылась туманомъ. Сквозь туманъ этотъ я глядѣлъ на далекія болота, гдѣ изрѣдка виднѣлись то погнутая сосна, то пожелтѣлая береза; потомъ замѣтилъ медвѣдя, его встревожили крики гребцовъ, и онъ бѣжалъ вдоль по берегу, а далѣе хищнаго орла, который искалъ себѣ лобычи. Особенно не занимаясь ни тѣмъ, ни другимъ предметомъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ неслись мы на парусахъ, минуя одну бухту за другою. Когда же стемнѣло, увидѣли мы не вдалекѣ множество огней, зажженыхъ на берегу ижемскими мужиками, которые дѣлали тутъ привалъ со своими стадами. Мы присоединились къ нимъ и рѣшились устроить родъ ужина или обѣда на пустынномъ берегу Іузы. Все общество помѣстилось въ нашемъ просторномъ каюкѣ вокругъ бочки, служившей намъ вмѣсто стола. За чаемъ Зыряне сидѣли молча, мрачными; но когда очередь дошла до коньяка, куда дѣвалась зырянская флегма. Я воспользовался случаемъ и завелъ рѣчь о состояніи Самоѣдовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ колонистамъ на тундрахъ. Вопросъ былъ щекотливый, потому-что Самоѣды обвиняютъ чужихъ колонистовъ, а также и Зырянъ, въ разныхъ несправедливостяхъ. Они говорятъ, что, вслѣдствіе сознательныхъ притѣсненій колонистовъ, они доведены до настоящаго жалкаго по-

ложенія. Зыряне же, съ своей стороны, считаютъ себя благодѣтелями Самоѣдовъ и стараются оправдывать свои поступки. Я постараюсь въ-точности передать ихъ оправданія. Старшій изъ Зырянъ, который былъ церковнымъ старостою, говорилъ про это почти слѣдующими словами:

«Я во всемъ уповаю на Бога и вѣрю, что безъ его святой воли ничего на свѣтѣ не бываетъ. Извѣстно, что Зыряне овладѣли большимъ количествомъ самоѣдскихъ оленей, и это случилось не безъ промысла Божьяго. Правда, лукавый во все вмѣшивается, вмѣшался и сюда; но все-таки Богъ правитъ міромъ и всегда будетъ имъ мудро распоряжаться. Ты (*) человѣкъ чужой, вѣры *татарской* и не знакомъ съ истиннымъ закономъ, и потому слушай, я докажу тебѣ примѣромъ, какъ Богъ, съ начала міра, все злое, что́ ни надѣлаетъ лукавый, все направляетъ къ лучшему. Написано, что Богъ въ шесть первыхъ дней сотворилъ небо и землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, человѣка, траву, звѣрей и проч. Дьяволъ всячески старался испортить творенія Божіи: онъ погубилъ человѣка, отравилъ множество растеній, произвелъ на свѣтъ змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ; изъ рыбъ же произвелъ онъ на свѣтъ щуку и налима. Когда ангелы узнали объ этомъ, то поймали ихъ и принесли къ Богу и спросили у него, что́ съ ними дѣлать. Богъ посмотрѣлъ на рыбъ, замѣтилъ крестъ у нихъ на головѣ, благословилъ ихъ, и теперь онѣ хороши и полезны человѣку. Такъ, что́ Богъ благословилъ, того человѣкъ не долженъ хулить, если даже и зло примѣшается. Коли ты спросишь, на что́ Богъ даровалъ намъ, Зырянамъ, оленей самоѣдскихъ, на это скажу тебѣ вотъ что́: прежде, чѣмъ переселенцы появились на тундрахъ, Самоѣды всѣ жили въ грубомъ язычествѣ. Люди эти приносили жертвы всякимъ деревьямъ, а солнце благодати скрывалось отъ нихъ во мракѣ. О дѣлахъ Божьихъ не знали они ничего, словно псы какіе. Такими же невѣждами были они, и въ промыслахъ и въ домашнемъ быту. Не знали они ничего ни объ огнивѣ, ни о сѣтяхъ, ни о всякихъ снастяхъ для рыбной ловли, не умѣли ходить за оленями, ничего не смыслили въ хозяйствѣ. Для того Богъ и послалъ Русскихъ и Зырянъ на тундры, чтобы они научили ихъ

(*) Рѣчь была обращена къ Кастрену.

жить по Божескому, по-людскому. Ему угодно было передать оленей самоѣдскихъ въ наши руки, и чтобы Самоѣды переходили въ нашу вѣру. Теперь они наши слуги, работники, и если хорошо прослужатъ время своего ученія и станутъ истинными, православными христіанами, то, конечно, Богъ ихъ не оставитъ безъ милости, ибо онъ принимаетъ всякаго, кто ему ввѣряется.»

«Другой Зырянинъ говорилъ такъ: «Всякіе бываютъ люди и между христіанами, и между язычниками. Такъ, у Самоѣдовъ есть много хорошихъ и честныхъ людей, а у Зырянъ — много негодяевъ и подлецовъ. Много такихъ Зырянъ шляется по тундрамъ. Они идутъ въ мѣста пустынныя, гдѣ ихъ злодѣйства остаются безнаказанными. Но спрашивается, кому они больше вредятъ — Самоѣдамъ ли, или Зырянамъ? Теперь мы, безъ-сомнѣнія, терпимъ больше. Жалобы Самоѣдовъ — слѣды прежнихъ страданій. Теперь отъ нихъ немного возьмешь, и всякій воръ идетъ къ нашимъ стадамъ. Такъ, у насъ всѣхъ, кто здѣсь на-лице, ежегодно пропадаетъ порядочное число оленей: иногда украдутъ Самоѣды, но чаще всего наши же земляки. Мы не защищаемъ такихъ людей, но сами рады поймать ихъ и выдать начальству. Когда ихъ прогонятъ съ тундръ, то несогласія и распри Самоѣдовъ съ Зырянами прекратятся сами собою. Тогда и Самоѣды увидятъ, что мы приносимъ имъ большую пользу.»

«Третій говорилъ: «Завладѣвъ оленями самоѣдскими, мы принесли пользу краю. Въ рукахъ Самоѣдовъ олени были имущество почти безполезное, потому-что они хозяйства вовсе не знаютъ. Кто побогаче, тотъ все время валяется у себя въ шалашѣ и кормитъ своихъ бѣдныхъ родныхъ, которые живутъ съ нимъ, пока не раззорятъ его и не доведутъ дотого, что онъ долженъ будетъ жить, въ свою очередь, на чужой счетъ. У этого народа нѣтъ никакой склонности къ добыванію себѣ хлѣба; мы же своими стадами даемъ пропитаніе нѣсколькимъ сотнямъ Зырянъ и Самоѣдовъ. Мы употребляемъ ихъ для выдѣлки кожи, для постройки изъ нея одежды и для продажи ея, для ухода за стадами, для рыбной ловли, для охоты. На оленяхъ добываемъ мы себѣ изъ Сибири медъ, рыбу и разные мелочные товары. Мы ходимъ по ярмонкамъ, продаемъ тамъ оленью кожу, волосъ и проч. Одно слово, мы умѣемъ

пользоваться оленями и поддерживаемъ ими нашу жизнь въ этомъ дикомъ краѣ.»

Такъ, всѣ мнѣнія, которыя слышалъ Кастренъ въ этомъ собраніи, сходились въ томъ, что 1) Зыряне и вообще переселенцы много принесли уже пользы Самоѣдамъ и до сихъ поръ имъ полезны; 2) Самоѣды ничего отъ нихъ не терпятъ, а еще заработываютъ себѣ отъ нихъ деньги; 3) Зыряне только стадами могутъ содержать себя въ этихъ неплодородныхъ мѣстахъ. Спросимъ же самихъ Самоѣдовъ, и они скажутъ намъ, что есть и между переселенцами люди добрые, которые, дѣйствительно, приносятъ имъ пользу; но вообще они сильно ожесточены противъ нихъ, упрекаютъ ихъ въ томъ, что всякими неправдами и обманами отняли у нихъ ихъ оленей, а ихъ самихъ и дѣтей ихъ обратили себѣ въ работники, что они безпрестанно затрудняютъ ихъ житье-бытье на тундрахъ, своими многочисленными стадами истощаютъ весь мохъ, мѣшаютъ охотѣ ихъ, обманываютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ ихъ стада и проч. Потому-то всѣ Самоѣды сильно желаютъ, чтобы переселенцы были прогнаны съ тундръ, или, по-крайности, были бы ограничены извѣстными предѣлами, а не распоряжались бы въ странѣ Самоѣдовъ, какъ полные хозяева.

Истомленный тягостями пути, слабый здоровьемъ, прибылъ Кастренъ въ Обдорскъ. «Я чувствовалъ—говоритъ онъ—себя счастливымъ, я былъ въ восторгѣ, что наконецъ нахожусь на священной почвѣ матери Азіи, что дышу тѣмъ воздухомъ, который вдохнулъ первыя искры жизни въ грудь отцовъ нашихъ и понынѣ поддерживаетъ существованіе многихъ нашихъ жалкихъ братій. Они посланы судьбою частью на холодныя вершины Урала, частью къ болѣе холоднымъ еще берегамъ Ледовитаго моря, и духъ ихъ закованъ въ цѣпи, болѣе тяжкія, чѣмъ ледъ, сковавшій природу въ настоящемъ ихъ отечествѣ. Цѣпи эти—грубость, невѣжество и дикость. Правда, при этой грубости они одарены множествомъ прекрасныхъ, милыхъ качествъ души, такъ-что ясный инстинктъ, невинность души и сердечная доброта этихъ такъ-называемыхъ дѣтей природы могутъ пристыдить всю европейскую мудрость; но во время своихъ странствованій по пустынямъ, при многихъ прекрасныхъ и благородныхъ качествахъ, столько видѣлъ я у нихъ отвратительнаго и столько животной грубости.

что сталъ наконецъ больше сожалѣть о нихъ, чѣмъ любить. Этотъ опытъ, однако, не уменьшилъ моего радостнаго чувства, когда наконецъ прибылъ я въ страну моихъ мечтаній, очутился посреди того племени, которое болѣе или менѣе близко ведетъ свое происхожденіе отъ Калевалы. Съ цѣлью какъ можно ближе ознакомиться съ этимъ племенемъ, прибылъ я въ Обдорскъ, самую сѣверную колонію Западной Сибири, недалеко отъ впаденія Оби въ Ледовитое море. Нынѣ Обдорскъ не пользуется вовсе никакимъ почетомъ; но нѣкогда онъ былъ значительнѣе, и имя его даже вошло въ титулъ царскій. Слово это, по-крайней-мѣрѣ, на половину зырянское и означаетъ «Устье Оби» (*Обь* и *dor* — край). Вѣроятно, Зыряне основали это небольшое поселеніе; названіе его происходитъ изъ ихъ языка; извѣстно, по-крайней-мѣрѣ исторически, что еще въ отдаленныя времена они ѣздили по дѣламъ торговымъ въ Обдорскъ. Позже стали посѣщать его и Русскіе изъ Тобольска и Березова; они построили себѣ здѣсь небольшія хижины, проживали въ нихъ время-отъ-времени. Но вскорѣ тягости дороги принудили ихъ завести здѣсь постоянныя жилища. Русскія поселенія начались едва ли раньше столѣтія назадъ; бо́льшая же часть переселенцевъ перешла сюда въ послѣднія тридцать лѣтъ и проживаетъ здѣсь съ видами, которые возобновляются каждый годъ. Слабое населеніе колоніи усиливается еще ссыльными. Тутъ встрѣчаются и Полякъ, и Калмыкъ, и Киргизъ. Много здѣсь и торгующихъ Татаръ и Зырянъ. Настоящіе же жители края — Остяки и Самоѣды. Множество остяцкихъ семей жило въ своихъ юртахъ вокругъ деревни, и въ окрестностяхъ должно быть еще множество кочующихъ Остяковъ и Самоѣдовъ.»

«Обдорскъ былъ настоящимъ мѣстомъ моей дѣятельности — говоритъ Кастренъ — онъ былъ для меня Лондономъ, Парижемъ, Берлиномъ и проч., хотя не было въ немъ ни одной книги, кромѣ «Уложенія о Сибири», хотя не было въ немъ ни газетъ, ни журналовъ, никакихъ собраній древностей и предметовъ естественныхъ, хотя все тамошнее годилось въ самыя лучшія собранія. Всего непріятнѣе для Кастрена было то, что онъ не могъ найти ни одного лица между христіанами, котораго бы занимало что-либо другое, кромѣ барышей. «Чего, впрочемъ, ждать отъ людей, которые отказа-

лись отъ всѣхъ радостей и наслажденій образованной жизни, для того, чтобы всякими неправдами наживаться насчетъ простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ? Въ этомъ имъ посчастливилось; но зато бо́льшая часть этихъ искателей счастія развратилась нравственно и впала вмѣстѣ съ тѣмъ въ животное огрубѣніе, въ несравненно худшее, нежели грубость дикаря.» Кастренъ имѣлъ въ Обдорскѣ обширное поле для наблюденій. «Результаты моихъ изслѣдованій — пишетъ онъ — представлю обстоятельнѣе въ особомъ, обширномъ сочиненіи, а здѣсь брошу бѣглый взглядъ на обдорскихъ Остяковъ, которыхъ прежде никогда не имѣлъ случая наблюдать. Оставляя на этотъ разъ въ-сторонѣ вопросы о ихъ происхожденіи, ихъ сродствѣ съ Финнами и Мадьярами, передамъ здѣсь вкратцѣ нѣсколько своихъ замѣчаній объ ихъ бытѣ, вѣрованіяхъ, нравахъ и обычаяхъ.

«Какъ Самоѣды, такъ и Остяки распадаются на множество родовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ составляетъ обширную семью. У Остяковъ, принявшихъ христіанство, различіе это уже исчезло, и они управляются русскими законами и обычаями. Одни обдорскіе Остяки крѣпко держатся своего патріархальнаго устройства, которое поддерживаетъ въ народѣ согласіе, нравственность и чистоту нравовъ. Побудительная здѣсь сила къ добру — любовь къ своему роду. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія и связями родственными. У Остяковъ и особенно у Самоѣдовъ нерѣдко встрѣчаешь роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже нѣсколькихъ тысячъ душъ, изъ которыхъ многіе не помнятъ своего первоначальнаго происхожденія, но тѣмъ-не-менѣе всѣ считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ брачные союзы и въ обязанность себѣ вмѣняютъ помогать другъ другу. Обыкновенно на кочевьяхъ своихъ всѣ, принадлежащія къ одному роду, семьи живутъ вмѣстѣ, и, по требованію обычая, богатый дѣлитъ здѣсь свое имущество съ бѣднымъ. Остяки вообще народъ бѣдный и живутъ тѣмъ, что̀ принесетъ день. Потому и помощь ихъ ближнему состоитъ въ томъ, что они братски дѣлятся между собою добычею дня. Замѣчательно, что никто никогда не проситъ милостыни, но всякій считаетъ безусловнымъ своимъ правомъ пользоваться имѣніемъ ближня-

го, безъ всякихъ церемоній. Ясно, что въ такомъ обществѣ преступленія весьма рѣдки; каждый родъ имѣетъ своего старшину, обязаннаго смотрѣть за порядкомъ и согласіемъ въ родѣ. Когда два человѣка изъ одного и того же рода поссорятся между собою, то идутъ къ старѣйшинѣ, который, тутъ же на мѣстѣ безъ всякихъ юридическихъ формальностей, изрекаетъ свой приговоръ. Такимъ судомъ обыкновенно удовлетворяются обѣ стороны; въ противномъ же случаѣ, онѣ могутъ апеллировать въ высшую инстанцію — князю. Множество родовъ, живущихъ другъ подлѣ друга, изстари признаютъ общаго главу, князя; достоинство это пожаловано оффиціальнымъ дипломомъ Императрицею Екатериною II князьямъ остяцкимъ въ Обдорскѣ и Куноватѣ, въ Березовскомъ округѣ. Всякій такой князекъ имѣетъ право въ своемъ округѣ рѣшать всѣ тяжбы и разбирать всѣ преступленія, исключая тѣхъ, которымъ, по русскимъ законамъ, угрожаетъ наказаніе лишеніемъ жизни. Главнѣйшая же обязанность князька—поддерживать согласіе между отдѣльными родами и рѣшать споры отдѣльныхъ лицъ изъ разныхъ родовъ относительно пастбищъ, ловищъ и т. д. Ему подчинены всѣ старшины родовъ; самъ же онъ подчиняется русскимъ властямъ: Губернскому Правленію и Земскому Суду. Достоинство князя и родоваго старшины переходить наслѣдственно отъ отца къ сыну. По малолѣтству сына, община избираетъ ему въ опекуны дядю или другаго близкаго родственника. За неимѣніемъ сына, ближайшій родственникъ умершаго избирается ему въ преемники. Ни князьку, ни другимъ начальникамъ не назначается особаго жалованья: они содержатся добровольными приношеніями отъ своихъ подданныхъ.»

«Кромѣ родства, звеномъ соединенія между отдѣльными лицами одного и того же рода служитъ единство религіи. Каждый родъ издавна имѣетъ своихъ идоловъ, которые часто сохраняются въ одной и той же юртѣ и чествуются отъ всего рода жертвоприношеніями и другими религіозными обрядами. Эти «божьи юрты» стоятъ подъ надзоромъ духовнаго, который въ одно и то же время и прорицатель, и жрецъ, и врачъ и пользуется почти божескимъ почтеніемъ. Такъ-какъ сущность религіи Остяковъ состоитъ въ магіи, то и жрецы преимущественно шаманы или прорицатели. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ

къ нимъ обращаются съ вопросами и цѣлые роды, и отдѣльныя лица; самъ шаманъ непосредственно не отвѣчаетъ, но представляетъ вопросы на рѣшеніе боговъ и потомъ отвѣтъ ихъ передаетъ просителямъ.»

«Эти вопросы не могутъ быть предлагаемы высшему, небесному богу, такъ-называемому Остяками *Турму* (Turm, Turum), потому-что онъ говоритъ съ людьми разгнѣваннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Про Турма говорятъ, что онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него ничто въ мірѣ, ни худое, ни хорошее, не укроется, и каждому воздаетъ онъ по заслугамъ; но, несмотря на это, онъ существо страшное для людей. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ правитъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милости нельзя заслужить никакими жертвами, потому-что онъ глядитъ только на внутреннее достоинство человѣка, а не на жертвы и молитвы. И потому, если Остякъ въ томъ или другомъ случаѣ нуждается въ высшей помощи, то обращается къ другимъ, подчиненнымъ богамъ. Они носятъ разные образы и составляютъ частью общую родовую собственность, частью принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ. Оба эти разряда идоловъ мало между собою отличаются. По бо́льшей части они бываютъ изъ дерева, имѣютъ человѣческій видъ и представляютъ собою отчасти мужскія, отчасти женскія существа. Эти идолы украшаются богаче, чѣмъ остальные; ихъ наряжаютъ въ красныя одежды, надѣваютъ на нихъ бусы и пр., на лица ихъ часто накладываютъ желѣзныя бляхи; а идолы мужскіе нерѣдко имѣютъ при себѣ мечъ, съ боку, и броню. Остяки обыкновенно хранятъ своихъ истукановъ въ особенной юртѣ или, за неимѣніемъ ея, гдѣ-нибудь, на чистомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь отдаленномъ холмѣ. Вообще Остяки не любятъ выставлять напоказъ людямъ посторонним своихъ идоловъ и устраиваютъ свои священныя юрты или храмы въ мѣстахъ отдаленныхъ, мало посѣщаемыхъ — предосторожность небезполезная и потому, что въ храмѣ хранятся жертвоприношенія — золото и мѣха; а похищеніе этихъ цѣнныхъ вещей едва ли сосѣди ихъ не-язычники почтутъ за святотатство. Вообще я не знаю, какъ многочисленны у Остяковъ ихъ храмы; но однажды, на пути въ Обдорскъ, я совершенно нечаянно очутился посреди ихъ боговъ, стоявшихъ подъ гу-

стою лиственницею. Они были обнажены и вообще мало разнились отъ самоѣдскихъ Сядеевъ. Остяки называли ихъ *Иляны* (Jiljan), въ-отличіе отъ всѣхъ другихъ истукановъ, которыхъ называютъ они *Лонгъ* (Long), что соотвѣтствуетъ самоѣдскому *Хаю*. Вышеупомянутые Иляны были всѣ разной величины. На мой взглядъ, самые высокіе — въ полтора аршина, а самые низкіе изъ нихъ — едва ли не въ половину. Въ той же рощѣ, гдѣ стояли истуканы, видѣлъ я множество оленьихъ шкуръ и роговъ, развѣшенныхъ по деревьямъ на виду у боговъ. Недалеко отъ этого мѣста жилъ бѣдный остяцкій родъ, который пользовался рощею, какъ общею своею святынею. О частныхъ и семейныхъ богахъ остяцкихъ можно повторить то же, что сказано о самоѣдскихъ. Они состоятъ отчасти изъ необыкновенныхъ камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, высоко почитаемыхъ въ своемъ естественномъ видѣ, отчасти и даже преимущественно, изъ небольшихъ деревянныхъ идоловъ съ лицемъ человѣческимъ и остроголовыхъ. Каждая семья, каждое отдѣльное лице имѣютъ одного или нѣсколькихъ идоловъ, которые служатъ Остякамъ хранителями ихъ въ странствованіяхъ. Они, подобно Самоѣдамъ, кладутъ идоловъ въ особыя сани и наряжаютъ ихъ въ красныя одежды съ разными украшеніями. Часто каждый изъ этихъ идоловъ имѣетъ свое особенное назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе доброму лову, третьи пекутся о здоровьи, четвертые о семейномъ счастьи, и пр. При нуждѣ ставятъ ихъ въ палаткахъ, на пастбищахъ, на ловищахъ. Здѣсь, повременамъ, приносятъ имъ жертвы, состоящія въ томъ, что мажутъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью и подносятъ имъ въ пищу рыбу или мясо. Такія жертвоприношенія совершать можетъ всякій; но во время всеобщихъ жертвоприношеній богамъ, когда къ нимъ обращаются за совѣтами или цѣлый родъ, или отдѣльное лице, тогда необходимъ бываетъ жрецъ или шаманъ; только ему возможно открыть волю боговъ и говорить съ ними. Шаману же непремѣнно необходимъ барабанъ. Обыкновенные звуки не доходятъ до слуха боговъ: шаманъ долженъ вести разговоръ пѣснью, съ сопровожденіемъ барабана. Идолъ иногда начинаетъ говорить; но эту рѣчь, естественно, понимаетъ одинъ только шаманъ Для убѣжденія легковѣрной толпы, что богъ, дѣйствительно, говоритъ устами своими,

шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начнетъ шевелиться, то это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Само собою понятно, что такой обрядъ никогда не проходитъ безъ жертвы, состоящей обыкновенно въ одномъ или нѣсколькихъ оленяхъ. Когда шаманъ ихъ заколетъ, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствовавшими. Часть же мяса идетъ шаману.»

«Въ воззваніи къ богамъ и въ примиреніи ихъ жертвами состоитъ почти все богослуженіе Остяковъ. Иногда нѣкоторые роды совершаютъ разныя празднества въ честь боговъ. Самый торжественный изъ этихъ праздниковъ бываетъ осенью, когда кочевые Остяки съ богатыми добычами ворочаются съ тундръ къ своимъ братьямъ-рыболовамъ на Оби. Это осеннее празднество совершается въ извѣстные годы разными родами; въ немъ, однако, участвуютъ не только члены этихъ родовъ, но и другіе Остяки собираются на него всѣми своими родами и приносятъ съ собою своихъ истукановъ, чтобы привѣтствовать боговъ сосѣднихъ и воспользоваться ихъ гостепріимствомъ. Всѣ посторонніе идолы ставятся въ особой юртѣ, гдѣ родъ хранитъ своихъ собственныхъ идоловъ; роды же, не имѣющіе для нихъ особой юрты, выстраиваютъ на этотъ случай пространный шалашъ. Празднество обыкновенно совершается ночью, и одинъ очевидецъ описываетъ его такимъ образомъ: «Праздникъ начался около восьми часовъ вечера и продолжался до двухъ часовъ по-полуночи. Передъ началомъ бѣгали рябята передъ юртами и созывали Остяковъ на богослуженіе. Они издавали при семъ какіе-то дикіе звуки и представлялись испуганными. Мало-по-малу собрались къ назначенной для богослуженія юртѣ. Вступая въ юрту, каждый Остякъ кланялся по три раза идолу и потомъ садился по правую сторону, или на скамью, или на полъ. Каждый бесѣдовалъ съ своимъ сосѣдомъ и занимался, чѣмъ ему было угодно. Лѣвая сторона была отдѣлена перегородкою; за нее уходили только нѣкоторые, совершивъ по три поклона. Когда всѣ собрались, шаманъ началъ шумѣть саблями и желѣзными копьями, принесенными еще прежде въ юрту и положенными передъ идоломъ, потомъ каждому изъ присутствующихъ, кромѣ женщинъ, стоявшихъ за перегород-

кою, далъ въ руки саблю и копье, а самъ взялъ въ каждую руку по саблѣ и сталъ спиною къ идолу. Остальные Остяки расположились съ своимъ оружіемъ въ рядъ, одни по серединѣ, другіе по сторонамъ. Потомъ всѣ они вмѣстѣ перевернулись три раза, съ протянутымъ вверхъ оружіемъ. Шаманъ забилъ другъ о дружку своими саблями, потомъ, по его знаку, всѣ закричали «Хай», при чемъ они кланялись то въ одну, то въ другую сторону. Послѣ длинныхъ промежутковъ снова раздался тотъ же крикъ и потомъ пошелъ все чаще и чаще, и при каждомъ его повтореніи они наклонялись то вправо, то влѣво, то опускали свои сабли и копья на землю, то подымали ихъ кверху. Эти крики и движенія Остяковъ продолжались съ часъ, при чемъ они все болѣе горячились и приходили въ совершенное изступленіе, такъ-что наконецъ безъ ужаса я не могъ глядѣть на ихъ лица. Утомленные этими криками, наконецъ они умолкли всѣ вдругъ, опять обернулись, какъ сначала, къ идолу и передали шамачу свои сабли и копья, который собралъ ихъ и сложилъ на прежнее мѣсто. Одни изъ Остяковъ усѣлись на лавки, другіе на полъ. Тогда сняли перегородку, закрывавшую женщинъ, заиграли *домбра* (Dombra), и мужчины и женщины пошли плясать. Пляска, то дикая, то комическая, продолжалась довольно долго. Потомъ явились нѣсколько скомороховъ въ забавныхъ нарядахъ и продолжали тѣ же сцены, какія происходили и при танцахъ. Наконецъ шаманъ опять роздалъ всѣмъ сабли и копьи. Остяки нѣсколько времени кланялись и кричали «Хай» попрежнему, три раза оборачивались и втыкали оружіе остріемъ въ землю, потомъ, отдавъ сабли и копья шаману, разошлись всѣ по домамъ. Въ этомъ описаніи является только одинъ идолъ, и праздникъ описанъ такъ, какъ будто его праздновалъ только одинъ родъ; но, по нѣкоторымъ частностямъ, описаніе это нѣсколько отличается отъ собранныхъ мною свѣдѣній. Такъ — продолжаетъ Кастренъ — разсказывали мнѣ, что празднество это продолжается десять ночей сряду, и что пляску эту съ оружіемъ въ первую ночь пляшетъ передъ идолами только одинъ шаманъ, во вторую ночь два Остяка, въ третью три, и такъ далѣе, въ той же прогрессіи, до послѣдней ночи, когда всѣ присутствующіе, даже женщины, имѣютъ право воздать идоламъ эту почесть. Ворочающіеся съ тундръ Остяки чествуютъ своихъ боговъ бога-

тыми угощеніями ; въ жертву приносятъ оленей , и шаманъ подноситъ каждому изъ боговъ по куску мяса, мажетъ кровью губы его и лицо , даетъ ему пить воды и всячески ихъ угощаетъ. Когда боги , по мнѣнію шамана , достаточно наѣлись, онъ отбираетъ отъ нихъ мясо , и его съѣдаютъ сами Остяки. Все же, что́ за тѣмъ останется отъ этого жертвеннаго пира, достается шаману. Такіе обряды жертвоприношеній происходятъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ : при началѣ какого-нибудь предпріятія , передъ предстоящими долгими путешествіями и кочевками, и пр. Если рыбная ловля въ Оби идетъ дурно, то обдорскіе Остяки повязываютъ оленю камень на шею и кидаютъ его въ рѣку, какъ жертву.»

«Хотя въ этихъ обрядахъ и празднествахъ нельзя не признать нѣкоторыхъ началъ религіи, но тѣмъ-не-менѣе значеніе ея весьма маловажно. Не глубокая религіозная потребность , а только себялюбивый эгоизмъ побуждаетъ къ богопочтенію. Идоламъ приносятъ жертвы и чествуютъ ихъ не ради ихъ самихъ , но съ намѣреніемъ получить исполненіе своихъ желаній и удовлетвореніе своихъ нуждъ. За все, что́ имъ дается, требуется возмездіе. Жертвожалованье, за которое нанимаютъ боговъ себѣ въ услуженіе, есть вознагражденіе за оказанную уже службу. Нерѣдко сами боги назначаютъ плату за требуемыя отъ нихъ услуги. Шаманъ , какъ въ этомъ , такъ и въ другихъ отношеніяхъ , есть истолкователь воли боговъ. Если они, съ своей стороны, предъявляютъ слишкомъ неумѣренныя требованія , то гадатель рѣзкими словами и угрозами побуждаетъ ихъ къ бо́льшей умѣренности, что́ обыкновенно и увѣнчивается успѣхомъ. Такимъ-образомъ, ясно , что Остяки въ своихъ идолахъ предполагаютъ не какія-нибудь сверхъестественныя силы , но только духовъ , имъ покорныхъ. Только *Турмъ*, или небесный богъ, пользуется высшимъ почетомъ, хотя онъ не представляетъ собою предмета особаго поклоненія. Еще меньше имѣютъ значенія лѣсной богъ *Меангъ* и водяной *Куль* (Kulj) , изъ которыхъ послѣдній особенно рисуется божествомъ злымъ и вреднымъ. Нѣкоторою степенью богопочитанія пользуется у Остяковъ, какъ и у другихъ родственныхъ имъ народовъ, медвѣдь, какъ одаренный необыкновенною силою. У обдорскихъ Остяковъ я даже видѣлъ нѣсколько ихъ изображеній въ маломъ видѣ , вылитыхъ изъ мѣди и почи-

таемыхъ, какъ божественныя существа. Есть преданіе, что изображенія эти еще въ древности заимствованы ими отъ Пермяковъ и Зырянъ, которые тоже поклонялись медвѣдю. Остяки воздаютъ также почтеніе извѣстнымъ деревьямъ и священнымъ мѣстамъ. Такъ, если растетъ кедръ посреди сосноваго лѣса, то онъ вмѣстѣ съ окружностью своею считается священнымъ. Съ благоговѣніемъ чествуютъ, какъ святыню, и такія мѣста, гдѣ семь лиственицъ растутъ рядомъ. Обыкновенно въ такихъ мѣстахъ встрѣчаешь одинъ или нѣсколько идоловъ и множество въ честь ихъ развѣшанныхъ по деревьямъ оленьихъ кожъ, роговъ и пр.»

«Говоря о вѣрованіяхъ Остяковъ, нельзя пройти молчаніемъ употребляющійся, какъ у нихъ и Самоѣдовъ, такъ и у многихъ другихъ народовъ, обычай чествовать память умершихъ жертвоприношеніями и другими обрядами. Такое пониманье основано на всеобще распространенномъ вѣрованіи, что умершій, хотя и похороненный, сохраняетъ, однако, свои потребности и наклонности. Потому-то и кладутъ на его могилу сани, копье, топоръ, ножикъ и другія вещи, которыми онъ можетъ приготовлять себѣ пищу. Какъ при погребеніи, такъ и послѣ нѣсколько лѣтъ родные приносятъ на его могилѣ въ жертву оленей. Умретъ ли старый высокопочитаемый человѣкъ, то ближайшіе родственники приготовляютъ его изображеніе, которое и сохраняется въ палаткѣ и пользуется тѣмъ же уваженіемъ, какъ и онъ самъ при своей жизни. При каждомъ обѣдѣ сажаютъ его за столъ, каждый вечеръ раздѣваютъ его и кладутъ въ постель, каждое утро снова его одѣваютъ, и постоянно и вездѣ занимаетъ оно мѣсто покойника. Изображеніе это чествуется такимъ образомъ три года, а потомъ опускается въ могилу. Въ это время думаютъ, что тѣло покойника уже совершенно сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его безсмертіе.»

«Какъ дѣйствіе въ высшей степени религіозное, считается у Остяковъ, какъ и у Самоѣдовъ, присяга. Если противъ Остяка совершено преступленіе тайно и онъ имѣетъ на кого-нибудь подозрѣніе, то можетъ требовать къ присягѣ лицо, имъ подозрѣваемое. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ видовъ присяги дается надъ медвѣжьей головою. Такъ же, какъ и у Самоѣдовъ, обвиненный разрѣзываетъ пожомъ медвѣжій носъ и приговари-

ваетъ: «Если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь». Присяга передъ идолами такъ же обычна у Остяковъ и совершается съ тѣми же обрядами, какъ и у Самоѣдовъ. Подобная клятва считается священною, и почти всякій Остякъ убѣжденъ въ томъ, что клятвопреступничество подвергается неизбѣжному наказанію. Потому, когда обвиненный, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, то онъ и не рѣшается на клятву, а охотно въ немъ признается. Потому-то всякій очистившій себя присягою навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу. Свидѣтели никогда не присягаютъ: имъ вѣрятъ на-слово, и всѣ, кромѣ сумасшедшихъ, могутъ быть свидѣтелями. Дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, сестры противъ сестеръ, жены противъ мужей, и обратно. Въ этомъ видно глубокое чувство справедливости и взаимная довѣрчивость.»

«Говоря о вѣрованіяхъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о бракѣ, который, впрочемъ, у Остяковъ имѣетъ значеніе болѣе соціальное, чѣмъ религіозное. Какъ у Самоѣдовъ, такъ и другихъ родственныхъ съ ними племенъ бракъ заключается со стороны невѣсты отцомъ ея или другими родственниками. Сама женщина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, исключительно до нея относящихся, не имѣетъ никакого голоса. Она раба въ полномъ смыслѣ слова. Но этого мало: она считается въ то же время существомъ нечистымъ и живетъ въ глубочайшемъ униженіи. Потому-то она и живетъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; за всѣми ея движеніями слѣдятъ до малѣйшихъ подробностей; всякое мѣсто, куда она ни сядетъ, очищается потомъ куреніями. Чувствуя свое полное униженіе, Остячка никогда не выражаетъ своихъ желаній, но безпрекословно исполняетъ всѣ прихоти мужчины. Такъ, она должна равнодушно смотрѣть на то, какъ желающему продается ея сердце или отцомъ, или братомъ, или другимъ какимъ родственникомъ. Собственныя ея желанія никогда не берутся во вниманіе, и съ нею поступаютъ такъ же, какъ и со всякимъ другимъ товаромъ. Ея не ведутъ на рынокъ; но судьба ея рѣшается наибольшею платою. Цѣна за молодую дѣвушку измѣняется по мѣстностямъ. Въ Обдорскѣ за дочь

богатаго человѣка даютъ 50 — 100 оленей, а человѣкъ бѣдный продаетъ дочь за 20—25 оленей. Что дочери богатаго цѣнятся дороже дочерей бѣднаго человѣка, причина этого заключается въ томъ, что будущій мужъ можетъ впослѣдствіи расчитывать на вспоможенія тестя, не говоря уже о приданомъ, котораго всегда больше у невѣсты богатой. Съ дорогою женою тѣ же отношенія, что́ съ дорогимъ товаромъ, который, съ теченіемъ времени, приноситъ владѣльцу болѣе выгоды, чѣмъ товаръ дешевый. Что отецъ или опекунъ дѣвушки получаетъ такую плату, въ томъ, по понятіямъ Остяковъ, нѣтъ ничего страннаго. Дочери обыкновенно выдаются замужъ въ такомъ возрастѣ, когда онѣ уже способны ко всякой работѣ. Какъ же, слѣдовательно, можетъ человѣкъ совершенно чужой и посторонній требовать, чтобы для него кормили, содержали и воспитывали женщину, которая станетъ потомъ на всю жизнь его рабою? Отецъ могъ бы оставить свою дочь и у себя дома: подросши, она бы вознаградила ему издержки его на ея воспитаніе. Если онъ добровольно отдаетъ свою собственность, то весьма понятно, что женихъ долженъ вознаградить его выкупомъ, извѣстною платою, за понесенныя имъ издержки. Этотъ выкупъ есть, однимъ словомъ, вознагражденіе за попеченіе, воспитаніе и содержаніе дочери во время ея дѣтства. Сумма выдается, смотря по предварительному соглашенію, или прежде, или послѣ брака. Если же сумма была выдана прежде, а невѣста или женихъ умретъ до брака, то сумма эта возвращается назадъ. Но женихъ, по смерти невѣсты, имѣетъ право за свой выкупъ требовать другой дочери, если такая имѣется.»

«У Остяковъ дозволено многоженство; но теперь, за высокою цѣною невѣстъ, оно встрѣчается все рѣже и рѣже. Въ бытность мою въ Обдорскѣ — говоритъ Кастренъ — мнѣ могли указать только на одного троеженца; немного тоже было и двоеженцевъ. При многоженствѣ существуетъ странный обычай, что мужчина можетъ жениться на нѣсколькихъ сестрахъ; но противъ такого брака многіе возстаютъ, потому-что опытъ доказалъ, что сестры въ подобномъ бракѣ рѣдко уживаются. Слѣдуетъ еще упомянуть, что братья не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже и отъ разныхъ матерей. Если мужъ или жена умретъ, то раньше году нельзя вступить

въ новый бракъ. Сынъ или дочь по смерти отца или матери не могутъ вступать въ бракъ раньше двухъ лѣтъ.

«Низкое мѣсто, занимаемое женщиною у Остяковъ и другихъ сибирскихъ дикарей, видно и изъ того, что она лишена правъ наслѣдства. Потому ни мужъ не наслѣдуетъ послѣ жены, ни вдова не наслѣдуетъ никакой части въ имуществѣ покойнаго мужа. Все имущество умершаго раздѣляется на ровныя части между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ родственницъ. Если же по смерти отца сыновья остаются малолѣтними, то вмѣстѣ со всѣми женщинами семьи они берутся въ опеку ближайшими родственниками, при чемъ послѣдніе получаютъ такую же часть имущества, какъ и каждый изъ сыновей. Если же умершій не оставилъ послѣ себя сына, то имущество его раздѣляется между его ближними и дальними родственниками, которые обязаны заботиться о содержаніи его вдовы и дочерей.»

«По образу жизни обдорскіе Остяки раздѣляются на рыбаковъ и на владѣтелей оленей. Первые живутъ по рѣкамъ, особенно по Оби и Нарыму; послѣдніе кочуютъ, по-крайней-мѣрѣ, часть года по тундрамъ и живутъ тамъ въ постоянномъ сношеніи съ Самоѣдами. Число Остяковъ, занимающихся исключительно уходомъ за оленями, относительно весьма незначительно и ежегодно уменьшается отъ смѣшенія съ сильнымъ племенемъ Самоѣдовъ. Смѣшеніе это такъ быстро идетъ впередъ, что *оленные* Остяки не только усвоили себѣ вѣрованія, нравы и обычаи Самоѣдовъ, но даже и языкъ ихъ, на которомъ нерѣдко говорятъ лучше, чѣмъ на своемъ. Итакъ, для ознакомленія съ бытомъ Остяковъ, надо обратить вниманіе на тѣхъ, которые занимаются рыболовствомъ. И они различаются въ своемъ образѣ жизни: одни изъ нихъ живутъ только рыболовствомъ, другіе же, кромѣ-того, содержатъ и оленей. Послѣдніе изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, лѣтомъ раздѣляются на двое, изъ которыхъ одни исключительно преданы рыболовству, другіе отправляются на кочевья со своими оленями. Сама природа въ теплое время года влечетъ оленя къ морскимъ берегамъ, потому-что его толстая шкура требуетъ болѣе холодной атмосферы, и, кромѣ-того, здѣсь его не такъ мучатъ комары, сущая язва для него во время ли-

нянья. Проживая съ своими оленями по берегамъ Ледовитаго моря, Остякъ, подобно Русскимъ и Самоѣдамъ, занимается тамъ и морскою ловлею, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. д. Впрочемъ, изъ Остяковъ весьма немногіе удаляются къ самому морю. Бо́льшая часть изъ нихъ въ самую жаркую пору проживаетъ на сѣверныхъ тундрахъ; но лишь-только станетъ холоднѣе и исчезнутъ комары, они идутъ въ лѣсныя страны на востокъ отъ Урала, гдѣ бьютъ лисицъ. При наступленіи зимы, кочующіе по берегамъ морскимъ Остяки и Самоѣды начинаютъ уходить въ лѣсныя страны, главнымъ-образомъ для того, чтобы найти и себѣ и оленямъ своимъ убѣжище отъ страшныхъ бурь. Эти перекочевки происходятъ медленно: большихъ переходовъ не дѣлаютъ, иногда по цѣлымъ днямъ остаются на одномъ мѣстѣ и прилежно занимаются охотою. Каждый родъ держится плотно и отдѣльно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ князя или старшины. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы сходятся на обдорской ярмонкѣ. Уже по службѣ обязаны всѣ князья и старшины присутствовать здѣсь, наблюдая за-тѣмъ, чтобы каждый въ его племени и родѣ внесъ извѣстный оброкъ, и чтобы было доставлено требуемое количество опредѣленныхъ закономъ мѣховъ (*). Съ обдорской ярмонки всѣ туземцы снова ворочаются въ лѣсныя страны и все холодное время года занимаются тамъ охотою. Самоѣды и Остяки, исключительно занимающіеся оленями, рано весною идутъ къ морскому берегу; Остяки же, которые часть семьи своей оставляютъ по рѣчнымъ берегамъ, не спѣшатъ своимъ отправленіемъ, менѣе для нихъ необходимымъ и потому, что они не посѣщаютъ отдаленныхъ береговъ Ледовитаго моря. Проживая въ лѣсахъ съ своими оленями, они располагаются тамъ въ своихъ постоянныхъ жилищахъ, или такъ-называемыхъ юртахъ, вовсе незнакомыхъ Самоѣдамъ и кочующимъ Остякамъ.»

(*) Ясакъ собственно состоитъ изъ двухъ лисицъ на каждаго мужчину; но казна не требуетъ, чтобы вносились одни лисьи мѣха. Она опредѣлила разъ навсегда, сколько мѣховъ каждаго животнаго должны представить всѣ племена. Недостатокъ того или другаго мѣха извѣстнаго животнаго во власти князя дополнить лишними мѣхами.

«Очевидно, что Остяки, проживающіе бо́льшую часть года на одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ обладать только незначительнымъ количествомъ оленей: большія стада требуютъ пространныхъ пастбищъ и вовсе не допускаютъ жизни осѣдлой. Но, какъ бы ни были незначительны стада у Остяковъ, всѣ же онѣ составляютъ ихъ главное богатство, потому-что олень доставляетъ Остяку не только пищу и одежду, но онъ полезенъ ему и для поѣздокъ на охоту и для путешествій. Остяки же, не имѣющіе оленей, для поѣздокъ своихъ употребляютъ собакъ, которыя своему владѣльцу не только не доставляютъ пищи, но и требуютъ на содержаніе свое немалыхъ издержекъ, хотя и совершенно не могутъ замѣнить оленей. Для этихъ Остяковъ рыболовство — главнѣйшее и почти единственное средство пропитанія.»

«Опытъ доказалъ, что почти вездѣ въ полярныхъ странахъ дикари, исключительно преданные рыболовству, не могутъ достичь благосостоянія, а обыкновенно живутъ въ величайшей бѣдности, нерѣдко соединяемой съ развратомъ и пьянствомъ. Причины тому бо́льшею частью случайныя; отчасти онѣ основаны на неспособности и неумѣньи пользоваться богатыми источниками, доставляемыми природою, отчасти вообще на нравственной слабости дикихъ племенъ противиться искушенью крѣпкихъ напитковъ, доставляемыхъ чужеродными переселенцами. Въ этихъ обстоятельствахъ заключается, по-крайней-мѣрѣ, главная причина бѣдности, такъ сильно господствующей у Остяковъ-рыболововъ. Сверхъ-того, себялюбивыя и не совсѣмъ честныя къ нимъ отношенія переселенцевъ — также немаловажное препятствіе для ихъ благосостоянія. Эти переселенцы ввели пагубную систему кредита и пріохотили Остяковъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши, которымъ назначаютъ самыя произвольныя цѣны. Оттого долги Остяковъ сдѣлались неоплатными, и надо полагать, что они съ каждымъ годомъ будутъ возрастать, потому-что число потребностей увеличивается, тогда-какъ усердіе и прилежаніе у Остяковъ замѣтно ослабѣваютъ. Въ настоящее время, по-крайней-мѣрѣ, Остякъ не можетъ остаться вовсе безъ хлѣба, который доставляется ему купцами. Не будучи въ-состояніи тотчасъ заплатить за товаръ, потому-что у него есть еще старые долги, онъ по не-

волѣ обязывается доставить купцу рыбу на будущій годъ. Такимъ-образомъ, онъ совершенно въ его рукахъ: купецъ назначаетъ и товарамъ Остяка, и своимъ собственнымъ такую цѣну, какую ему заблагоразсудится. Вредъ этой торговли какъ для Остяковъ, такъ и для другихъ туземцевъ Сибири само правительство старалось искоренить отчасти особыми предписаніями, отчасти устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ; но зло пустило такіе глубокіе корни, что его долго нельзя будетъ совершенно истребить. Вся рыба, которую Остяки продаютъ такимъ образомъ купцамъ, ловится лѣтомъ. Въ это время промышленники изъ Обдорска, Березова и Тобольска разъѣзжаютъ на своихъ ладьяхъ по Оби, забираютъ себѣ весь уловъ Остяковъ, сами солятъ эту рыбу, которую и сохраняютъ потомъ въ построенныхъ по берегамъ рѣки анбарахъ. Къ началѣ осени продавъ свою муку и тѣмъ опростав свои суда, отправляются домой, нагрузивъ ихъ сложенною въ анбарахъ рыбою. Между-тѣмъ, Остяки продолжаютъ свою рыбную ловлю. Часть рыбы, теперь ими уловленной, сохраняется въ садкахъ, откуда осенью вытаскиваютъ ее сѣтями и начинаютъ замораживать. При наступленіи весны снова приходятъ Русскіе и Зыряне для покупки мерзлой рыбы, часть которой привозятъ и сами Остяки на ярмонку въ Обдорскъ. Рыбная ловля продолжается и зимою; но эта рыба въ торговлѣ цѣнится весьма мало, и, притомъ, она добывается въ такомъ незначительномъ количествѣ, что едва только удовлетворяетъ и ежедневнымъ потребностямъ. Обыкновенныя рыбы въ Оби: 1) щука, окунь, ершъ, плотва (онѣ водятся въ Оби, какъ лѣтомъ, такъ и зимою); 2) осетръ, сельдь, налимъ и различные роды лососей, называемые Русскими *муксунъ*, *нельма*, *сырокъ*, *пыджанъ* — такая рыба, которая въ началѣ іюня, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки, появляется въ ней, а зимою снова уходитъ въ море. Особенно цѣнятся осетръ и лососи; остальную рыбу больше оставляетъ Остякъ для себя и для своихъ собакъ. Лѣтнюю рыбную ловлю Остякъ бо́льшею частью производитъ сѣтями, при чемъ самъ обыкновенно лежитъ на песчаномъ, удобномъ для этой ловли берегу (по-русски, *песокъ*). Лѣтомъ обыкновенно ловятъ рыбу вершами изъ пеньки, прикрѣпляя ихъ къ палкамъ, которыя и становятся на небольшихъ рѣчныхъ рукавахъ; ловятъ также и удою. Лѣтомъ употребляютъ и неводъ въ родѣ

мѣшка, кладутъ въ него камень и опускаютъ на дно рѣки. Неводъ привязывается веревкою къ лодкѣ, на которой ѣдутъ противъ теченія. Рыбакъ, потянувъ веревку, легко замѣчаетъ, попала ли въ неводъ рыба, что̀ при изобиліи рыбы дѣлается быстро. Зимняя самая обыкновенная и самая легкая ловля производится такъ: въ небольшомъ рѣчномъ рукавѣ ставятъ палку и къ ней прикрѣпляютъ малыя верши, обыкновенно дѣлаемыя изъ тонкихъ вѣтвей лиственницы; но производятъ зимнюю ловлю и сѣтями, и удою, и т. д.»

«Нарядъ обдорскихъ Остяковъ, если исключить заимствованный отъ пограничныхъ Татаръ обычай женщинъ носить покрывала, во всемъ сходенъ съ самоѣдскимъ, такъ-что въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ предметъ этотъ не требуетъ подробнаго изслѣдованія. Жилища же свои Остяки строятъ такъ же, какъ и сосѣди ихъ Самоѣды; такъ-называемыя юрты Остяковъ-рыболововъ — небольшія, очень низкія избы съ открытою, глиняною трубою (tschuwal) въ углу горницы. Въ стѣнѣ или крышѣ продѣлывается длинное окно, которое зимою покрывается листомъ желѣза. Въ лучшихъ юртахъ въ горницѣ, гдѣ проживаетъ семья, всѣ стѣны покрываются рогожами. Иногда передъ входомъ въ юрту пристроивается небольшая клѣть, гдѣ сберегаютъ одежду и всякую рухлядь. Таковы обыкновенно бываютъ зимнія юрты. Кромѣ зимнихъ многія семьи имѣютъ свои особенныя лѣтнія юрты, безъ пола и очага. Огонь горитъ по серединѣ юрты, и дымъ проходитъ наверхъ черезъ длинное отверстіе. Тамъ-и-самъ встрѣчаешь торфяныя юрты остяцкихъ нищихъ, устраиваемыя отчасти подъ землею.»

«О наружности и характерѣ Остяковъ Палласъ (*) сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Роста они по бо̀льшей части средняго и малаго, слабосильны и узкоплечи. Лица у нихъ почти всегда непріятныя, блѣдныя, безъ всякаго рѣзкаго выраженія. Рыжій цвѣтъ волосъ, всегда склокоченныхъ у мужчинъ, еще болѣе обезображиваетъ ихъ. Между женщинами также рѣдко встрѣтишь лицо пріятное. Остяки вообще робки, суевѣрны и без-

(*) Reise durch die verschiedenen Provinzen des Russischen Reichs III, S. 319.

толковы, хотя вообще простосердечны, работящи съ дѣтства, но только для удовлетворенія первыхъ нуждъ, вообще же склонны къ праздности, особенно мужчины, въ хозяйствѣ нечистоплотны.» Считаю нужнымъ замѣтить — говоритъ Кастренъ — что хотя я и много видѣлъ Остяковъ бѣлолицыхъ и свѣтлорусыхъ, но думаю, что это потомки Зырянъ, бѣжавшихъ въ Сибирь во время проповѣди св. Стефана; вообще они смуглы и черноволосы. Да и вообще Остяки не принадлежатъ къ некрасивымъ племенамъ сибирскимъ, у которыхъ носы сплющенные, глаза узкіе, скулы, выдавшіяся впередъ — главнее отличіе Монголовъ и Тунгусовъ; они скорѣе приближаются къ финскому, самоѣдскому и тюркскому племенамъ. Особенно рѣзкаго типа они, кажется, не имѣютъ, что̀, можетъ-быть, есть слѣдствіе ихъ смѣшенія съ чужими племенами. Трусость, суевѣріе, глупость и добросердечіе — качества общія всѣмъ дикарямъ сибирскимъ. Но Палласъ пропустилъ одно ихъ прекрасное свойство: ихъ услужливость и чувство справедливости. Остякъ никогда не покинетъ въ нуждѣ своего ближняго и не захлопнетъ двери просящему: онъ удѣляетъ охотно все, что́ имѣетъ; кто побогаче, считаетъ обязанностью своею помогать ближнему. Воровства почти вовсе нѣтъ: домъ всегда остается незапертымъ, иныя вещи просто оставляютъ на тундрахъ. Остяки не питаютъ никакой непріязни другъ къ другу и живутъ по-братски. Нечистоплотность же, въ которой Паллассъ упрекаетъ Остяковъ, есть общее качество всѣхъ народцевъ, занимающихся рыболовствомъ, и въ такой же степени встрѣчается и на берегахъ норвежскихъ, и на берегахъ Оби. Многія занятія рыбака сами по себѣ уже нечистоплотны; временныя ихъ жилища слишкомъ тѣсны, такъ-что некуда ему спрятать своихъ изорванныхъ, испачканныхъ одеждъ, которыя онъ носитъ въ тяжеломъ своемъ промыслѣ. Дымъ дѣлаетъ свое дѣло и увеличиваетъ нечистоту, которая распространяетъ, кромѣ-того, зловонный запахъ. Тягости промысла часто удерживаютъ рыбака отъ заботъ о себѣ и хозяйствѣ своемъ, такъ-что онъ привыкаетъ наконецъ къ нечистотѣ. Что она не есть отличительная черта народности Остяковъ, но слѣдствіе самаго образа жизни, доказывается тѣмъ, что нечистота преобладаетъ только у рыбаковъ и вовсе незна-

кома кочевникамъ и владѣльцамъ оленей. Къ преимуществамъ кочевой жизни, по-крайней-мѣрѣ, въ полярныхъ странахъ, принадлежатъ занятія чистыя, а не грязныя. Безпрерывные переходы съ мѣста на мѣсто приносятъ, кромѣ многаго другаго, и ту выгоду, что не можетъ быть грязи ни въ самихъ палаткахъ, ни вокругъ ихъ. Что и садится съ очага и закоптѣлаго котла на платье, то скоро развѣвается вѣтромъ на тундрахъ, и, притомъ, это не такъ замѣтно на одеждахъ изъ грубыхъ оленьихъ шкуръ.»